

A man in a dark grey Soviet military uniform and cap with a red star emblem is embracing a woman with long, wavy brown hair. The man is looking slightly to the right, and the woman is looking towards the camera. The background is a blurred outdoor setting.

Ярослав Питерский

Судьба палача

1997

Ярослав Питерский
Судьба палача 1997

«Автор»

2026

Питерский Я.

Судьба палача 1997 / Я. Питерский — «Автор», 2026

Он отставной полковник госбезопасности. В далеком 1937, он работал следователем НКВД и был влюблен в девушку. Но, она любила другого - того кто к нему попал в качестве жертвы "великого террора" 1937! Любовный треугольник! Перед ним стояла дилемма: уничтожить соперника, или пощадить? И вот... прошло 60 лет. жертва и палач встретились вновь. Но на этот раз влюблены их внуки. Перед отставным нквдшником встал вопрос покаяния и помощи своей жертвы. Ведь на кану счастье его внуки. Сможет ли он вымолить прощения и простить?... самого себя?!

© Питерский Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Питерский

Судьба палача 1997

1

«ПАДШИЕ В НЕБЕСА».

1997 год.

*При умножении нечестивых
умножается беззаконие;
Но праведники увидят падение их.*

Библия. Притчи. Стих 29:16.

Седое, раннее солнце неохотно пробралось сквозь сумрак дряхлеющей ночи. Желто-серый диск, кутаясь в легкие перистые облака, лениво осветил землю. Лучи легли на сопки и овраги, и принялись тормозить природу. Деревья вздрогнули, травы проснулись. Но роса, упрямой тяжестью уцепилась за зелень, пытаясь задержаться хотя бы на час... и все-таки, уступая набиравшему силы утру, покатила к земле. Туман скрылся в расщелинах и расстелился по земле. Он все еще верил, солнце его не заметит. Но оно лишь делало вид, что не видит седого обманщика. Играло, забавно подгоняя этого грязно-белого старичка к земле. Еще немного и его паутина растет. Еще немного и она исчезнет в теплеющем воздухе наступившего дня. Еще немного и мрак отступит окончательно, затаившись в ожидании ночи...

Набирающая силу весна, лечила землю после зимы, теплом. Белый свет заполнил все. Человек сидел на земле. Его сгорбленная фигура смотрелась темным пятном на рыжеватом фоне. Он шурился, изредка глядя на почти неземной пейзаж. Лучи приятно грели кожу на щеках и подбородке. Мужчина высоко задрал к небу подбородок и тяжело вздохнул.

Он ждал.

Руки слегка расслаблены. Тело просит отдыха, но мужчина был напряжен и не давал воли мышцам. Гладкая кожа натянута на щеках. Глубоко посаженные серые глаза открываются как у филина и равнодушно смотрят по сторонам. Слегка горбатый нос дергается. Безупречно выбритый подбородок и щеки так напряжены, что каждый звук бьет по ним, как колотушка по барабану. Еще мгновение и от такого напряжения, кажется можно сойти с ума. Но он поразительно спокоен...

Шорох и где-то сбоку, дернулись кусты. Высокая стройная девушка, вышла, словно приведение и направилась к мужчине. Но он даже не повел в ее сторону взглядом, хотя еще сильнее напрягся. Девушка широко ступала по рыхлой земле острыми каблуками своих сапог. Они оставляли в почве дырки похожие на маленькие норки. Ее лицо было воплощение идеальных пропорций. Узкие брови в разлет. Ярко-алые губы не казались пухлыми. Тонкий аккуратный носик и большие карие глаза. Гладкая, слегка смугловатая на щеках кожа, переливалась здоровьем. Черные как смоль волосы, красиво заколоты на затылке, длинной серебряной спицей. Она, как маленькая стрела, пронзив прическу, блестела в лучах утреннего солнца. Черная кожаная куртка кокетливо расстегнута наполовину. Темная блузка тоже расхлестнулась в глубоком вырезе, оголив красивые полные груди. Они, как спелые дыньки, заманчиво дергались в такт шагам. Длинные стройные ноги в кожаных обтягивающих штанах, эротично двигались. Пластика безупречна. Девушка остановилась в шаге от сидящего на земле мужчины и нахмурилась. Разглядывая человека в грязно-зеленом плаще, она, словно хотела его пнуть или

ударить. Зло буравя его глазами, пренебрежительно растянула свои алые губки и выдохнула, вернее, пропела фразу:

— Ну, что, здравствуй! Твое что ли дежурство?

Но он, не ответил, даже не посмотрел на красавицу. Так, тяжело вздохнул и еще сильнее зажмурился. Девушке это окончательно не понравилось. Она ухмыльнулась и, толкнув мужчину в бок острым носочком своего сапога, ядовито сказала:

— Все сидишь? Все грустишь? Устал, что ли? Так вы ж вроде усталости знать не можете? Вы ж, вроде как неутомимы, должны быть?! А ты вон, грустишь! Все недоволен! Не гоже так! Мне вот с тобой сегодня смену коротать! Опять я мучиться должна?! То тем не угодишь?! То этим?! Я тоже, между прочим, устаю! Я тоже, между прочим, нервничать могу!

Вновь тишина. Лишь слабое дуновение ветерка зашевелило ветки еще безлистных деревьев. Девушка тревожно посмотрела куда-то вдаль. Затем подняла голову вверх и тоже зажмурилась.

Они молчали.

Молчали и ждали, кто первый решится... и вновь не выдержала она. Красотка хлопнула себя по стройному бедру ухоженно ручкой и уже как-то капризно, словно дочка отцу, пожаловалась:

— Нет, я, что-то не пойму? Ты, что работать сегодня не собираешься? Вон, уже и рассвет! Нам куча дел предстоит! Нам куча народу посетить надо! А ты, тут опять в меланхолию впадаешь! Смотри, пожалуюсь ему!

Но и этот призыв остался без ответа. Девушка тяжело вздохнула. Она смерилась со своим проигрышем. Или сделала вид, что уступила. Красотка медленно опустилась на землю рядом с мужчиной. Она прислонила голову к нему на плечо и провела рукой ему по груди. Он вздрогнул, но не отстранился. Девица ухмыльнулась. Заглянула мужчине в глаза и весело сказала:

— Он, не очень-то доволен будет, таким твоим поведением! И заметь, это не я тебя ко мне назначала! Поэтому будь добр, заканчивай свои слюни и вздохи! А то, ты так все больше на людей становишься похож!

На этот раз слова проняли мужчину. Он скривился в ехидной улыбке. Тяжело вздохнул и легонько дернул плечом, сбросил ее голову. Девушка недовольно отстранилась и хлопнула мужчину ладонью по ноге. Он поймал ее за руку и, крепко сжав, нравоучительным тоном сказал:

— Ага, опять с тобой. Но нет у меня желания с тобой работать! Нет! И почему ты на моем участке появилась?! Раньше вон, до тебя совсем другая работала! Умная, опытная! Без причины не куда не лезла! А ты! Ты то! Ты вечно лезешь не туда куда надо! Вечно торопишься! И суетишься! А это в нашем деле неприемлемо! Меня не слушаешь!

Девушка рассмеялась. Противно и вызывающе. Она сейчас была похожа на молодую ворону. Звуки хохота, словно карканье, вырывались у нее из горла. Девица опустила голову и прижала к щекам ладони:

— Сейчас, между прочим, конец двадцатого века! На пороге двадцать первый! И мы тоже следуем тенденции времени! Но почему скажи мне, я должна быть уродливой дряхлой бабкой?! Вы нас сами тогда просили! Мы уступили! Теперь играем по вашим же правилам! Так, что нечего на нас пенять! Вы сами их установили! И я не виновата, что я молода и красива! А, то, что тороплюсь, то это не тебе решать! Там, между прочим, ... — девица вскинула голову и, посмотрев на небо, ткнула вверх пальцем. — Всем довольны! И пока никаких нареканий в мой адрес не было! Не было! А это лучшая оценка! Не тебе дружок решать, что, как и когда! Я главная в нашей группе так сказать!

Мужчина вздрогнул. Он медленно поднялся и, отряхнув полы своего большого, грязно-зеленого плаща, сделал шаг назад. Девушка вновь рассмеялась. Затем, тяжело вздохнув, резко вскочила. Отрясая налипшую на кожаные брюки землю, красотка эротично покрутила ягодич-

цами, словно танцовщица в стриптиз баре. Но он не оценил ее движений. Брезгливо отвернулся. Девушка махнула рукой и вяло, с каким-то сожалением сказала:

– Скажу тебе по секрету, так. По старой дружбе, это, наверное, последняя твоя смена! На покой тебе пора! В отставку!

Он не отреагировал. Лишь еще выше поднял подбородок и посмотрел на небо. Замер и задержав дыхание, зажмурился. Ей вдруг стало жалко мужчину. Девица медленно подошла и, положив руку ему на плечо, грустно сказала:

– Ну, я не такая уж сука, как ты говоришь! Не такая! Я молода, горяча! Но я понимаю тебя! И напоследок хочу сделать тебе подарок!

Он хмыкнул, но даже не отрыв глаз вяло снял ее руку со своего плеча. Девушка покачала головой и вновь положила ладонь ему на плечо. Ласково и нежно добавила:

– Да не пугайся ты! Не пугайся! Приятное, я сделать тебе хочу на последок! Приятное! А это уж значит, что хоть последнюю смену проведешь нормально! Нервничать не будешь! Довольным останешься! Это так сказать будет твой мажорный аккорд конца рабочей карьеры!

Мужчина вновь сбросил ее ладонь со своего плеча. Она шагнул вперед, неуверенно и робко. Но тут же остановился. Девушка грустно улыбнулась. Она, ловким движением достала из кармана куртки маленькую блестящую фляжку. Быстро открутила крышку и приложилась к горлышку губами. Глубокий глоток. Еще один. Девица блаженно закатила глаза и, смахнув остаток влаги с губы ладошкой, смачно крякнула.

На это раз он не вытерпел. Злобно посмотрел на девушку и обиженно вымолвил:

– Ага! Дождешься от тебя хорошего! Жди! Ты сама-то подумай, как ты хорошее сделать можешь?! Как?! Ты ж нечего делать не умеешь! Что говоришь ты мне?! Сама вон, рада радешенька, что отделаешься от меня! А тут! Напоследок, она хорошее делать мне будет! Не позорилась бы хоть перед самой собой!

Красотка вызывающе громко икнула и отмахнулась от мужчины, как от надоедливой мухи. Она заметно повеселела после глубоких глотков из фляжки. Губы расплзлись, оголив ровные и белые зубы:

– А ты, подожди с выводами торопиться! Подожди! А то, заладил – зло только делать могу! Ничего хорошего! А это, как посмотреть?! Между прочим, когда надо, какого-нибудь злодея угомонить – мы работаем! Нас просят! Как надо кого ни будь безнадежно больного... пожалеть, что б не мучался – опять нас просят! Так, что не надо тут про нас плохое! И полезного, тоже, мы не меньше вас делаем!

Он вновь не ответил. Ему было противно ее слушать. Девица, поняв это – ухмыльнулась и опять приложилась к фляжке. Посудина блеснула в ее руках драгоценным слитком. Секунду-другую, девушка, вновь сладостно закатив глаза – томно замычала. Затем, вздохнув, набрала воздуха в грудь, обиженно крикнула:

– А вы, между прочим, что лучше нас? Храните жизнь? Кому? Это им неблагодарным? Да они вон что делают! И плевать они хотели! На вас и на всех! Они добра то не помнят! Да и если разобраться скольким подонкам и негодьям, вы жизнь хранили?! Скольким миллионам? Миллиардам? Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини, Мао Дзе Дун! Пол Пот! Продолжить список-то?! А!! Молчишь?!

Эхо вернулось мгновенно. Мужчина, повернулся и, посмотрев на девушку, сделал к ней шаг навстречу. Он испугался, что она вновь закричит. Он не хотел, чтобы эту утреннюю тишину разрывали ее вопли. Грозно и гневно прошипел:

– Послушай ты!!! Заткнись лучше! Это вы, вы все растягивали их жизнь! Потому, как, вам от этого больше выгоды было! Это вам все выгодно было! И не надо, мне тут басню про это рассказывать! Не надо!

И она испугалась его напора. Отступила и, потупив глаза в землю, забормотала:

– А, что ты нервничаешь! Что засуетился?! Нет! Правда, пора тебе на пенсию! Нервышки-то некуда! Нет! Меня он обвиняет?! Нас!!! Да у нас, между прочим, никакого, плана нет! Нет! Нам все равно! И ты это знаешь! И я не пойму, чем ты не доволен? Чем? Тебе-то, какая забота? Тебе-то, что до них? Нет! Ты какой-то диссидент! Они, между прочим, попадают-то в нужное место!

Теперь он рассмеялся. Правда, хохотал не громко. Она ждала, когда он успокоится, и робко переминалась с ноги на ногу. Наконец, он, смахнув слезинки из уголков глаз, добродушно ответил:

– Ты права! Устал я! И нервы не к черту! – мужчина осекся и посмотрел на небо. – Пора действительно на покой! Пора на более легкую работу! Говоришь там решено, что это моя последняя смена?! Ну что ж, так будет лучше! Знаешь, я даже рад не много, что все так решилось! Рад! Ладно! Какие планы у нас на сегодня? Что планируешь, кого посетить?

– Ну, так-то лучше! – с облегчением выдохнула она. – А то, не с того, мы начинаем! Ссоримся! Не надо этого нам! Не надо! Ладно! Забыли! У нас сегодня настоящая драма! Сам выберешь! Кого хочешь! Я тебе обещаю, лезть не буду!

Мужчина, грустно улыбнувшись, вырвал из ее руки фляжку и, тоже приложившись губам к горлышку, сделал несколько крупных глотков. Он пил с жадностью. Девушка ждала, когда он насытится живительной влагой. И он, оторвавшись, удовлетворенно промычал:

– Ну, что там? Пошли?!

– Пошли! Начнем со стариков! Так легче работать! Первым делом старики! Хотя конечно для тебя... Ну да ладно!

– Нет. Работать, так работать! Пусть будет, так как будет! В последний раз я привилегий не хочу и им не дам. Пусть будет, так как... – мужчина вскинул руку вверх и указал пальцев в васильковую синь неба. – Как... он решил!

– Ну, как знаешь! – обречено махнула рукой девица. – Я хотела, как легче тебе. Что ж?! Пошли! Но учти! Эта пара не из лучших!

Они взялись за руки, словно влюбленные. Он ласково посмотрел на девушку и улыбнулся. Она смущенно отвернулась и потянула его за собой. Шаг, другой и они растаяли в дымке народившегося дня. Солнце лениво метнуло им вслед длинные тени деревьев и, погрустнев, закрылось за тучей.

Глава первая.

Человек метался по комнате. Он бегал из угла в угол. Ходил и мучался от своих мыслей. Мужчина, как зверь в клетке пытался раздвинуть пространство помещения хаотичными перемещениями. Он, ускоряясь, бился руками об стену и вновь отступал. Со стороны это походило на странный танец туземца, на брачный полонез орангутанга, или на мазурку павлина. Человек урчал, что-то себе под нос и тревожно повторял какие-то несуразные слова, понятные лишь ему самому.

Комната была большой и просторной. Огромное окно слегка прикрыто массивной шторой. Темная рама и широкий подоконник. Стены порыты какими-то замысловатыми обоями. Большой письменный стол из дуба, ручной и старинной работы. Замысловатые резные ножки. Стул с мягким сиденьем и спинкой обитой полосатой тканью. Два больших, кожаных кресла в углу. Вдоль длинной стены стоял гигантский книжный шкаф. На полках множество станинных книг с золотыми переплетами букв и вензелей на корочках. Тома литературы высились, словно бутылки в винном погребе. Мрачно переливаясь в лучах утреннего солнца. На полу ворсистый большой ковер, придавленный огромным диваном с мягкой широкой спинкой и резными боковинами. На противоположенной от окна стене, висели несколько картин в белых и желтых рамках. Авангардная мазня, была неоднозначна и выдавала: не то утонченный вкус

хозяина, не то его безразличие к живописи. Рядом с большой дверью, в углу, стояли напольные часы. Они медленно помахивали золотым блином маятника, за рифленным и мутным стеклом.

Мужчина неожиданно остановился, как вкопанный и, хлопнув себя по лбу ладошкой, бросился к столу. Там схватив клавиатуру компьютера, начал усиленно долбить по клавишам. На мониторе с неохотой высветились слова. Они покраснели от множества орфографических ошибок. Человек занервничал и, потыкав пальцами по кнопкам, брезгливо исправил буквы. Наконец, радостно цокнув языком, надавил на клавишу «печатать». Из принтера, что стоял на ковре в углу, побрякывая от напряжения, вылез лист бумаги.

Мужчина схватил бумагу и, вскочив из-за стола, словно уговаривал сам себя, громко прочитал:

На могиле поэта, прозвучали стихи.
Растроганный, плачу.
и слезы из глаз.
Куда-то за ветром летят журавли
вдаль за удачей.
от надуманных фраз.
Капли дождя. Серый траур камней.
Я слышу опять рифму жизни его.
Уносит меня в небо клин журавлей,
пытаюсь, понять забывают, за что?
Не слышу ответа, да и кто его даст?
Окончена жизнь, подведен и итог.
Рождение мыслей и терзание фраз,
Манящая высь нашей жизни порог!

Мужчина задумался. Он вслушивался в тишину комнаты. Загадочно посмотрел на тикающие в углу часы и устало, махнув рукой, плюхнулся в огромное кресло. Лист со стихами выпал из ладони. Человек лениво посмотрел на бумагу и тихо сказал:

– Да, пожалуй, так. Пожалуй. Черт. Сегодня, что-то прет меня. Не к добру. Это не к добру. Обычно, как прет, так день сумасшедший, либо, что-то происходит. Черт!

Мужчина встал и, потянувшись, подошел к окну. Медленно достал из кармана пачку сигарет, подкурил, растворил створку. Он смотрел на узкую полоску улицы между домов и грустно вздыхал. На вид ему было около сорока. Хотя на самом деле едва исполнилось тридцать пять. Высокий, с темно русыми волосами и усталыми морщинками под голубыми глазами, он казался старше своих лет. Прямой нос и красивый волевой подбородок. Открытый лоб и ямочки на щеках, внешность усталого и немного растерянного мужчины. Короткая стрижка под «канатку» и гладко выбритые щеки, слегка молодили, но это было лишь на первый взгляд. Через секунду становилось понятно, что этому человеку уже под сорок. Глаза, они грустные и немного уставшие, словно излучали какую-то неведомую тоску о той, уже прожитой половине его жизни! О тех уже несбывшихся мечтах!

Даже имя у этого человека было необычным, Вилор. Симбиоз от производного Владимир Ильич Ленин и Октябрьская революция, придумал его дед. Вилор, так назвала его мама по подсказке своего отца. Мамочка, словно наказала его таким громким и необычным именем. А в купе с его фамилией Шукин, имя звучало и вовсе необычно. Вилор Шукин! Человек с таким именем и фамилией, просто должен был быть необычным! И он им был! Он им и стал! Закончив филологический факультет университета, Вилор ударился в поэзию! Пробовал писать прозу. Ему литература давалась легко. Но вот поэзия стала болью и судьбой! Призванием и карой! Вилор стал поэтом! И как всякий поэт и натура творческая был человеком нестандартным и непредсказуемым в определенные моменты своей жизни. Вилор был два раза

женат, но разводился уже на третий год совместной жизни. Женщины в его жизни, почему долго не задерживались. Нет, они любили и хотели быть вместе! Но вот сам Вилор не мог надолго пускать их в свое сердце! Он словно чувствовал, его могут обмануть! Его могут предать! Это комплекс давил на Щукина, и он не мог ничего собой поделывать! Но два года назад все поменялось! Впервые за свою жизнь он встретил ту, ради которой был готов на все! Ту, ради которой он готов был бросить все и стать другим человеком! Ту, которую, он хотел пустить, причем не просто в свое сердце, а в свою жизнь, надолго, навсегда.

Но, на этот раз, его ждало разочарование, крах... она, его «любовь» оказалась за мужем. Причем была счастлива в браке со своим супругом и даже думать о разводе не хотела. А Вилор оказался отвергнутым. Нет, не в физически... нет! Она его любовь не отвергала. Напротив, у них были страстные свидания. Но вот духовно... Вилор чувствовал, она не до конца принадлежит ему! Она играет с ним в «запасной вариант»! Она замужняя, практичная и мудрая женщина, которая осторожничает и пробует запретную любовь на вкус лишь на тайных свиданиях с возможностью отступления и маневра. Вилор страдал. Он только теперь понял, какая это мука, когда тебя отвергают, а вернее не хотят пустить в свою жизнь! Вилор мучался и в этой душевной суматохе, конечно, мучил и окружающих.

Это сказалось и на творчестве. Вилор написал три романа и издал три своих поэтических сборника. Его книги расходились хорошими тиражами, и издатели вроде бы были не против заключать с ним контракты. Но после, того как Вилор влюбился его и накрыл этот проклятый творческий кризис, ... который совпал с кризисом душевным и любовным.

Щукин докурил сигарету, артистично щелкнув пальцами, выбросил окурочок на мостовую. Грустно покачал головой и тихо прошептал:

– Вот так, так и человека, нет-нет... да выбросят под ноги и растопчут. Пройдут, мимо и не заметят! А он будет лежать в грязной луже мерзкой и скучной жизни и, ждать, ждать, когда придет его смерть! Ждать и неизбежно понимать, что смерть будет облегчением! Смерть! Смерть и покой! Тьфу ты! Я уже как Гамлет! Сам с собой разговариваю! А? – Вилор рассмеялся.

Он отошел от окна и вновь плюхнулся в кресло. Долго сидел и смотрел на картину. Абстракция авангардиста немного раздражала:

– Ну, что, он тут зашифровал? А? Неужели, вот так художник рисует свои мысли? А? Вот так? Для кого-то это мазня? А для кого-то красота и полная гармония цвета, и красок, и главное понятное послание! Почему так? А? Почему Господь разделил так духовно людей? Хм. Опять я разговариваю сам собой? Тьфу ты! Нет! А в прочем, что тут такого? Человек разговаривает сам собой? Ведь внутренне каждый разговаривает сам с собой! Со своей совестью? Что тут такого? Мы же смотрим в театре пьесу, там актеры тоже сумасшедшие, они монологи произносят. По сути дела, тоже разговор сам собой! – Щукин улыбнулся.

Ему понравились свои мысли вслух, а главное их законченность! Красиво получилось и это радовало! Вилор нашарил рядом с креслом бутылку коньяка. Приложился к горлышку губами. Алкоголь обжег пищевод. Щукин зажмурился.

– Ага! Это конечно выход сидеть и пить в одиночестве! Нет, все! Я, по-моему, уже докатился! До ручки! Как там я настроил? На могиле поэта прозвучали стихи, черт, а чем не эпитафия?! Красиво! Красиво, черт возьми, надо представить черный мрамор и вот такие вот сроки. Надо представить!

Трель звонка разрешила его монолог. Вилор скривился. Ему не хотелось сейчас никого видеть. Противно, когда хотят разрушить твоё одиночество. Щукин тяжело вздохнул и поплелся к входной двери. Большой коридор его квартиры был похож на дворцовый зал. Паркет блестел и переливался в полумраке. Одежда на вешалке выглядела как застывшая стража у ворот. Вилор медленно подошел к двери и посмотрел в глазок. Гость продолжал непрерывно

давить на кнопку звонка. Мелодичная трель уже стала походить на адскую какофонию. Щукин раздраженно крикнул незнакомцу:

– Ну, что трезвонишь? Что-надо-то?

Вилор попытался рассмотреть человека в глазок. Но тщетно. Какое-то смутное пятно. Стеклашка запотела и, образ размылся.

– Откройте дверь, пожалуйста, – прозвучал низкий и уверенный колос из коридора.

– Хм, открой, а ты кто? Может бандит?!

– Нет, я не бандит. Вам будет очень интересно со мной пообщаться...

– Чего мне с тобой общаться? А? Проваливай!

За дверью повисла тишина. Гость держал паузу. Но через мгновение уверенно и требовательно сказал:

– Вы Щукин?

– Хм, я-то Щукин, а вот ты кто? – разозлился Вилор.

– Я Маленький...

Щукин вздрогнул. Непроизвольно потянулся и отодвинул щеколду. Дверь медленно распахнулась. На пороге стоял невысокий коренастый человек. Он буравил тяжелым взглядом Вилора. У гостя было слегка округлое лицо, большие глаза и тонкие губы. Прямой нос и немного полноватые щеки. Рядом с мужчиной стояли два здоровенных парня, в кожаных куртках. Короткий ежик спортивной стрижки и толстые щеки. Вилор покосился на гориллоподобных удалыцов и вяло спросил:

– Вы, что хотите ко мне в квартиру с этими монстрами зайти?

Мужчина посмотрел на помощников и кивнул одному из них. Здоровяки отвернулись и сделали два шага назад. Гость ухмыльнулся и уверенно спросил:

– Ну, а сейчас я могу зайти?

Щукин отступил, освобождая вход гостю. Тот сделал шаг и переступил порог. Дверь щелкнула, и они остались один на один в полутемной прихожей. Вилор немного занервничал. Он не смог вынести тяжелого взгляда визитера и скрестив руки на груди, отвернулся.

– Вы, Щукин? – вновь напористо спросил гость.

– Да, Я Щукин. Я же сказал, – Вилор слегка разозлился. – А вы, впрочем, я знаю, кто вы, можете не представляться...

– Мне нужно с вами серьезно поговорить, – мужчина деловито осмотрелся. – Куда я могу пройти?

Вилор махнул рукой, указав на свой кабинет. Гость медленно, но уверенно прошел по коридору. Щукин шел за ним следом и рассматривал его походку. Она пластичная, немного напоминала поступь леопарда в саванне. Хищник крался, чтобы разорвать жертву. Мужчина деловито плюхнулся в мягкое кресло и покосился на окно. Затем, взглянув на стоящего возле Вилора, тихо сказал:

– Я Маленький... Леонид Андронович Маленький.

– Я уже понял... – Вилор медленно сел в соседнее кресло.

Нашарил рядом с ним рукой бутылку коньяка. Покосился на гостя и радостно воскликнул:

– Хотите выпить?

Маленький удивленно посмотрел на хозяина и брезгливо ответил:

– Нет. У вас все равно нет того, что бы я выпил. А пить бурду я не буду. Да и вообще. Я сюда не пить пришел!

Но Вилор не обиделся. Напортив, он демонстративно приложился к горлышку бутылки губами и сделал несколько глотков. Смачно крякнул и весело спросил:

– И, чем же я обязан столь высокому визиту?

– Вы не валяйте дурака. Я пришел к вам насчет моей дочери! – Маленький зло ухмыльнулся.

Щукин равнодушно пожал плечами:

– Поверьте. Я, честно не знаю, чем я могу помочь вам и вашей дочери.

– Послушайте вы! Не стройте из себя идиота! Вы прекрасно знаете, чем вы можете помочь мне в отношении моей дочери! – разозлился гость.

Щукин тяжело вздохнул и развел руками:

– Ей Богу! Ну, я тут не причем! Я ей и сам несколько раз говорил. Она меня не слушает! Поверьте!

– Значит, плохо говорили! Плохо! – Маленький вскочил с кресла и брезгливо посмотрел на хозяина сверху вниз. – Посмотрите на себя! Вам же почти сорок, а ей двадцать три! Вы же ей почти в старшие братья, да что там в братья, в папочки годитесь! Я же ровесник ваш почти! Я ее отец, мне же сорок девять всего!

Вилор отмахнулся. Потянулся за бутылкой и, сделав еще один глоток, раздраженно ответил:

– Причем, тут возраст?! Хотя и тут вы не правы. Мне тридцать пять, вернее тридцать шесть, но не это главное. Не это! Отец, возраст. Глупо все! Глупо и старомодно! Хрень какая-то! – Щукин, достал сигарету и, щелкнув зажигалкой, закурил. – Вы, о чем? Извините. Вы же не за это боитесь. Вы боитесь за то, что я никто, а она ко мне ходит и влюбилась в меня. А у меня нет ничего за душой. Вот чего вы боитесь и не надо тут разыгрывать чистоту нравственности! Не надо! Если бы у меня был солидный счет в швейцарском банке, вы бы не так говорили, наоборот бы, наверное, наседали на меня жениться поскорей на вашей дочери!

Маленький выслушал молча этот монолог. Он не перебивал. Напротив, в его глазах мелькнул огонек любопытства. Злость немного отступила. Леонид медленно сел в кресло.

Грустно ухмыльнулся и миролюбивым тоном сказал:

– Да! Да если на то пошло, вы правы! Что вы можете ей дать? Вы несостоявшийся гений пера? Вы же нищий! У вас же нет ничего за душой? Что вы ей голову-то морочите? Отстаньте от девочки! Дайте жить спокойно! Ей! И моей семье! Вы ведь ей судьбу сломать надеюсь, не хотите?

Вилор замахал руками и рассмеялся. Гость ждал, когда он успокоится. Маленький внимательно рассматривал хозяина. Щукин затушил окурок в пепельнице, что стояла на полу и, вновь взялся за бутылку.

Глоток и Вилор с пьяной издевкой в голосе, спросил:

– Ну и что же вы от меня хотите? А, господин депутат и папа? Что мне сделать?

Маленький ответил не сразу. Выдержал паузу. Отвернулся, глядя в окно, загадочно сказал:

– Я хочу, чтобы вы уехали. Просто исчезли. Я вам дам денег. Куплю билеты. Оплачу отель. Куда хотите. Хоть в Париж... хоть в Лондон. Нет... лучше в Париж. Там ваша братья, поэтическая шушера всегда любила тусоваться! Хотите в Париж?! А?! Монмартр! Елисейские поля? А хотите по Монмартру прогуляться? – Маленький взглянул на Щукина и зло улыбнулся.

Щукин тяжело вздохнул. Задумался. Посмотрел в который раз на картину авангардиста на стене и печально произнес:

– Да, Монмартр, был я на Монмартре. Это действительно завораживает свободой...

Мечутся негры по ступеням Монмартра

Черные тени в сумерках вижу.

Седой Базилик, как вершина азарта,

Голгофа любви над вечерним Парижем.

Ржавая штанга Эйфелевой башни...

(в слове «Эйфелевой» он ударение поставил не стандартно на первую букву Е.)

Мажет лазурь непристойного неба!

Сена – заводит со свободой шашни,

Вселяя надежду в тех – кто здесь еще не был!

Остров Сите – словно вкусная специя,

Сбросил тонкие трапы у пристани Лувра.

Римский осколок, старинной Лютеции -

Тысячелетье людского разгула...

Висит аромат – любви и разврата,

Счастливы все от каштанов до арок.

Быть здесь свободным – просто приятно,

Быть здесь влюбленным – просто подарок!

А по Конкорду ходят арабы,

На Елисейских, бродят цыгане,

Гранд опера изогнулся ухабом -

Изящным напыщенным и музыкальным!

И в винегрете людского веселья,

Париж искупается в сумраки ночи,

А утром забыв о вчерашнем похмелье –

Станет он, как дитя – вновь непорочным!

Как вам такие стихи? А? Понравились? Мне бы хотелось вот услышать ваше мнение?

Просто, как человека? А? Только честно!

Маленький с удивлением кивнул головой и ответил:

– Это ж, что ж, ваше?! Мило, очень мило! Право скажу, не ожидал! Не ожидал. Не зря, я вижу, моя дочь в вас влюбилась. Есть вкус у девочки. Не такая уж вы и бездарность. Но, впрочем. Один стишок еще ничего не говорит! Как насчет моего предложения?

Щукин задумался. Закурил сигарету. Пауза повисла противной тишиной. Вилор вновь глотнул коньяка и поморщился. Маленький с нетерпением ждал его ответ, постукивая по подлокотнику пальцами. Наконец Щукин произнес:

– Хорошо. Я соглашусь. Но у меня, тоже есть кое-какая просьба. Вернее, условие.

Леонид с удивлением вскинул брови. Внимательно всмотрелся в глаза поэта, пытаясь распознать, что это шутка или искренность:

– Условие? Вы уже начинает меня раздражать. Вы наверно забываете кто я такой? Поймите. Я ведь могу все сделать и иначе. Но я просто не хочу огорчать мою девочку! Ну, хочу. И вам не хочу я зла! Не хочу! Поверьте! Я бы не предлагал вам прогуляться по Парижу! А смело бы мог вас упрятать, ну скажем лет на пять в зону! Как насчет того, что у вас тут найдут героин, наркотики? Вы ведь все представители богемы, любите кайфонуть? Как там у вас называется, с музой побеседовать?! А с ней, как я понимаю, без косяка, трудно разговаривать? Не так ли, господин поэт?!

Вилор рассмеялся. Это в конец разозлило гостя. Леонид побагровел, но сдержался и молча дождался, когда Щукин ему что-то ответит. А тот, всплеснул руками, издевательски пробубнил:

– Скажите пожалуйста, какие вы тонкости знаете? Откуда? У вас в Госдуме вроде и поэтов-то нет. Хотя простите. Сейчас там хватает артистов. Простите. Ну, не об этом разговор. Черт с ними, со стихами. И все-таки есть у меня просьба! Если уж вы говорите такой добрый с одной стороны, а такой всемогущий с другой, то вам ее выполнить ничего стоить будет. Так пустячок.

Маленький тяжело дышал. Но ответил ровно:

– Ну и что же это за просьба?

Щукин загадочно вновь посмотрел на картину на стене, зевнув, зажмурился, откинулся на спинку кресла:

– Я отстаю от вашей дочери, вернее... как отстаю?! Я к ней и не приставал! Я уезжаю. Надолго. Уезжаю, в общем, навсегда. Пропадаю. Хоть в Париж. Хоть куда. Но перед этим мне нужно, что бы вы... убрали человека.

Маленький недоуменно посмотрел на Щукина и переспросил:

– Что?! Убрать человека? Ну, знаете! Ха, ха. А я-то, тут причем? Что вы имеете под словом убрать? Это, хм, ну вы даете. Не меня же вы хотите попросить об этом?!

Вилор отмахнулся и раздраженно добавил:

– Ой! Боюсь, вы теперь идиота строите! Только что мне грозились, вон, наркотиками. Засадить! Связи! А тут, такой пустяк. Человека убрать!

Маленький задумался. Замолчал, опустив голову, рассматривал свои ботинки. Щукин покосился на гостя и лениво вновь спросил:

– Ну, так как? Поможете?

Гость засмеялся и, покрутив пальцем у виска, недоуменно ответил:

– Да вы, что, с ума сошли или перепили? Как я вам помогу? Ха, ха. Я ж не убийца!

Щукин радостно закивал головой, словно услышал то, что и ожидал:

– Да нет, вы я вижу и впрямь хороший актер. Какой талант пропадает?! Я же не прошу вас ножом махать или из снайперской винтовки стрелять. Нет. Все проще. Вы же прекрасно все поняли, мне нужен человек, который решит эту проблему. И все. Вы мне его найдете, а я в свою очередь отстану от вашей дочери. Вот и все. Сделка. И потом я подозреваю, вам это сделать будет не так трудно. И, не надо мне тут говорить о вашей репутации, вы уже все рассказали, когда говорили про наркотики в моем доме.

Леонид погрузился. Взгляд его потух. Маленький надул губы и потер кончиками пальцев переносицу:

– Позвольте спросить? А, что такое есть в жизни поэта, что заставляет его пойти на такой шаг? Странно? Обычно, во все времена, наоборот, как говорится, поэтов заказывали. Наоборот, завистники его смерти желали. Власти травили! Ну и так далее, ну и так прочее. А тут, вон оно как, поэт собирается убрать человека?! Кто он? Конкурент? Более талантливый коллега по перу? Чья ж жизнь нужна вам?

Щукин тяжело вздохнул:

– Да какая вам разница?! Вам то, что? Согласны или нет? Тут, дел-то... для вас...

– Ну, вы вообще из меня монстра сделали?! – возмутился Леонид. – Думаете мне все так просто, раз и дать команду человека убить?! Раз и все?! Нет! Любезный. Вы ошибаетесь. Мне все равно знать нужно, что за человек, за что вы его приговорили?

– Да бросьте вы! Вам просто любопытно! Да и потом. Если вдруг все раскроется, вам же лучше. Не знали ничего и не ведали. И вообще, никакого отношения к этому не имеете. Как говорится: меньше знаешь, дольше спишь!

Маленький тяжело вздохнул. Ехидно улыбнулся и кивнул головой:

– Ну, что ж, пожалуй, вы правы. Есть, какая-то логика. И все-таки. Мне, просто любопытно, из-за чего вы хотите смерти этого человека?

Щукин зло посмотрел на Маленького и сквозь зубы процедил:

– Не волнуйтесь, не из-за денег. Из-за любви.

– Что? Что? Из-за любви?! Ха! Ха! Вы, что, правда? – рассмеялся Леонид

– А, что тут такого?! Или для вас это дико? Когда один мужчина желает смерти другого из-за любви?! – возмутился Щукин.

Ему стало обидно. А Маленький, продолжал даваться смехом:

– Ха! Ха! Ну, вы даете? Из-за женщины? Из-за бабы?! Ну, не ожидал!

Щукин, вскочил и, отвернувшись от гостя, словно стесняясь его, тихо сказал куда-то вдаль:

– А, по-вашему, нужно было из-за денег его убить?

Маленький протер глаза платком. Успокоившись, сказал смешливым тоном:

– Ну не ожидал. Ну, вы оригинал. Поэт. Выходит, вы и моей дочери мозги пудрили?! Все как в театре?! Поэт, любовь, женщина! Еще одна! Смерть! Красиво, но глупо-то как?! Как это оказывается глупо?! Убить человека из-за бабы?!

Щукин брезгливо ухмыльнулся:

– Да, я вижу, вы совсем не из этого измерения. Вас испортили деньги, власть и карьера. Вы забываете свои человеческие качества, причем самые красивые человеческие качества! Любовь, что может быть прекрасней? С ней и смерть рядом смотрится романтично! Понимаете? Нет, вам этого не понять. Хотя... Вы ведь готовы из-за любви к дочери, ну, скажем уничтожить человека? Готовы! Вон, у вас на лице это написано. Хотя, как я подозреваю тут другое...

– Что другое? Я отец.

– Нет. Тут тщеславие. Вам не благополучие вашей дочери важно, а что бы она такой же, как вы стали. Такой же. Что бы она, могла людей как каток, под асфальт закатывать. Что бы шла напролом. И главное деньги. Вот ваши три кита. Не так ли?

Маленький тяжело вздохнул. Тоже встал и печально произнес:

– Да, я вижу, мы с вами в наших рассуждениях о жизни, слишком далеки. Я по земле хожу. А вы, где-то там, далеко летаете. Хорошо. Раз вы, так хотите, пусть будет, по-вашему. Но учтите! Вы тоже сделаете, как и обещали. И больше никогда, слышите! Никогда к моей дочери не подойдете! А она никогда не появится на пороге вашего дома. Уговор есть уговор. Ждите, вам позвонят. Назначат встречу. И все-таки, почему вы хотите убить того человека из-за женщины? Она, что предпочла его вам? Почему вы решились на это?

– Нет, все проще. Она замужем за этим человеком.

Маленький посмотрел на поэта и вновь захохотал. Закончив смеяться, он медленно направился к двери. Щукин потащился за ним. Леонид на ходу смешливо бросил:

– Нет, вы и впрямь оригинал. Ну, все как в пьесе. Ну, ладно.

– И когда мне ждать? Как скоро? – робко спросил Вилор.

Перед тем, как выйти из квартиры, Леонид остановился, повернувшись, внимательно посмотрел в глаза поэту. Щукин заметил, в его тяжелом взгляде вновь засветилась ненависть и призрание

– Не суетитесь и не торопите судьбу... К вам придут. И учтите, тогда заднего хода нет. Не будет! – Леонид вышел тихо, но громко хлопнул дверь.

От грохота Вилор вздрогнул и зажмурился. Он так и стоял несколько минут в полумраке неосвященной прихожей, сжав кулаки, что-то бормотал себе под нос. Затем медленно опустился на колени, сложив руки на груди, медленно и громко сказал:

– Господи! Господи, прости меня! Господи прости! Господи! Прости меня, за грех этот! Прости меня, и эту невинную девочку! Прости!

Он вдруг представил себе глаза дочери Маленького! Глаза этой двадцати трехлетней девушки! Этой красивой блондинки с ангельским личиком! Ее образ очень походил на идеальную картинку во всех отношениях совершенной красавицы. Тонкая осиная талия. Большая высокая грудь. И красивое ухоженное по-детски, еще непорочное лицо. Брови в разлет и волосы, они были не просто белыми, а пепельно-белыми. Зеленые глаза и припухлый маленький ротик. О господи! Ну, зачем, зачем он встретил ее на своем пути? Зачем! Когда! Зачем задурманил ее разум?! Он поддался! Он проявил слабость! Там, в доме литератора, на очередной массовой пьянке! Она, Виктория Маленькая, настырно и по-хамски утащила его в коридор, когда он пытался ухаживать за какой-то высокой и стройной дамой, как потом оказалось, женой высокопоставленного чиновника из администрации края. Вика вытащила его в холл

ресторана и толкнула в кресло. Она плакала и просила выслушать ее! И он ее выслушал ее! Эту молодую красавицу! Она бормотала ему о его прекрасных стихах! Она сыпала ему комплементы и говорила, что не может без него. А он лишь кивал ей в ответ. Молча кивал! А, что он мог сказать? Он и не думал о ней тогда! Он думал о ее теле! О ее роскошном молодом теле! Он косился на ее грудь и томно улыбался! А куда он мог смотреть? Куда? Она была в черном вечернем платье с роскошным декольте! Она была прекрасна и так незащищена, она плакала и бормотала слова, эти откровенные признания в любви! А он! Он не мог ее остановить! И он дал, ей повод поверить, что он ее любит, вернее, может ее полюбить. А точнее полюбил с первого взгляда! Зачем? Зачем?!!

Вика Маленькая вошла в его жизнь стремительно, как влетает метеорит в атмосферу! Она была действительно ярким пятном последних месяцев его серой и унылой жизни! В его беспробудном пьянстве! В его постоянных гулянках с друзьями в ночных клубах! Она, Вика, она стала надеждой! Может быть, поэтому он в нее поверил? Может быть? Она заботилась о нем как о старшем брате и любила. Любила, так неистово! Так ревностно! Она не давала ему прохода. И он, он вдруг почувствовал, что привязался к этой красивой девушке, которая, хотела быть с ним! Он, стал воспринимать ее, как часть своей жизни, как ее необходимость! Он хотел, хотел ее любить, и он и почти что полюбил ее! Почти... если бы не та, не та женщина, ради которой он был готов на все! Ради которой он сейчас попросил отца этой девушки помочь ему совершить страшное преступление.

Вилор вдруг вспомнил, как он узнал, что отец Вики очень влиятельный человек, бизнесмен связанный с криминальными кругами и ко всему прочему депутат Государственной думы! Когда же он узнал эту весть? Поначалу и отнесся к ней как-то равнодушно. Но со временем, он стал понимать, если Вика будет несчастлива, ее отец станет большой проблемой! И он стал! Вилор боялся этого дня, и он настал. Но настал он как-то обыденно и несуразно.

А сейчас Вилор чувствовал опустошенность! Опустошенность и уныние! Боль, вперемишку с разочарованием!

– Вика, Вика! Прости меня! Прости девочка! Прости и прощай!

Вилор едва не заплакал. Слезы накатились на глаза. Но Шукин сдержался. Он медленно поднялся и поплелся в свой кабинет устало, словно столетний старик, волоча ноги.

Глава вторая.

Женщина полулежала на широко мягком диване. Она уныло смотрела телевизор, вернее делала вид что смотрит. Картинка на экране вовсе не интересовала ее. Женщина думала совсем о другом. Ее красивое лицо выглядело немного озабоченным. Тонкие брови слегка вздернуты от раздумий. Аккуратный носик с греческой горбинкой и большие зеленые глаза с загадочным блеском.

Женщина представляла, как она сейчас выглядит? Красивая прическа немного растрепалась, но прибирать ее не хотелось. Длинные каштановые волосы локонами спали на спину и плечи. Женщина вздохнула и посмотрела на свою грудь и ноги. Вроде все в порядке. Светлоголубые джинсы кокетливо обтянули ее бедра слегка полные бедра, но этой полноты почти незаметно. И пусть ей уже за тридцать, выглядит она вполне сексуально и роскошно.

Женщина тяжело вздохнула. Она поняла, время уже не работает на нее. Нет. Уже пошел обратный отсчет. И еще пять шесть лет, и она начнет стареть.

Неизбежно!

И тогда все!

Тогда, тогда останется лишь воспоминание о том, когда она себе нравилась. Но зачем. Зачем ей это сейчас? А? Она ведь пока, пока она очень хороша... Пока.

Неподалеку от дивана, за столом сидел мужчина. Он усердно набирал в компьютере текст. Женщина на него даже не обращала внимания, но чувствовала, мужчина, то и дело смотрит на нее.

Он любит ее.

И это ей нравилось.

Женщина чувствовала, как он, задерживая дыхание, разглядывает ее изящные линии. Он не может сосредоточиться и поэтому злится.

Женщина непроизвольно улыбнулась.

Мужчина это заметил. Он привстал и, потянувшись, противно и как-то пошло зевнул. Засунул руки в карманы брюк, сморщившись, словно сдерживая себя от кашля, негромко сказал:

– Лидия. Тебе не кажется, что мы с тобой в последнее время мало разговариваем?

Женщина даже не оторвалась от экрана телевизора.

Она играла.

Играла роль.

Роль «дуручки телезрительницы».

Она ждала и дразнила его своей псевдо невнимательностью.

– Милая ты меня слышишь? – немного раздраженно повторил вопрос мужчина.

Женщина кокетливо посмотрела в его сторону и как бы от удивления открыла ротик. Улыбнувшись, вздохнула и промурлыкала:

– Милый, просто ты постоянно на работе занят. У меня куча работы. Сделка за сделкой. Вот у нас и образовался дефицит общения. Прости. Я думаю через недельку взять отпуск. И поехать, куда ни будь на море. Как ты? Не против?

Но мужчина погрузился. Он помотал головой, как молодой норовистый жеребец и подозрительно, немного обиженно ответил:

– Ты в последнее время очень поздно приходишь с работы. Пару раз не ночевала дома. В прошлый четверг и этот вторник. Мне это не нравится. Лидия, что происходит?

Женщина еще раз улыбнулась.

Она рассмотрела его лицо. Вытянутое и морщинистое, оно, словно маска висела на тонких плечах. Маленькие глазки и большой нос. Густые брови и морщины на лбу. Женщина вдруг себя поймала на мысли, что не знает, за что в молодости, она полюбила этого несимпатичного человека. Ведь даже на вид, он был каким-то противным.

Женщина капризным тоном спросила:

– Милый, ты что ревнуешь? Зайка! Ну, это тебе не к лицу! Ты же знаешь, у нас был прием с японцами, нужно было до утра усюглазых развлекать, они привыкли рассвет встречать. А во вторник я ездила в командировку. Я предупреждала тебя. Котик? Ты не в духе?

Мужчина смутился.

Почесав густые, но местами уже совсем седые волосы, он виновато сказал:

– Нет, киса, я, конечно, все понимаю. Но и ты меня пойми, ты красивая тридцатипятилетняя женщина. На тебя мужики засматриваются. Мне не хочется, как это говорится на старости лет рога поиметь. Надеюсь, у меня их еще нет? Ведь я как не как, знаменитый литературный критик. И в обществе тоже тусуюсь. И нашей семье эти разговоры о супружеской неверности будут не к чему. Так ведь милая?

Женщина надула губки:

– Валериан, я обижусь! – она фыркнула, словно кошка и капризно добавила. – Ты кстати сам поздно приходишь. Не редко от тебя спиртным пахнет, да и от духов один раз аромат шел. Так, что я тебе тоже могу предъявлять претензии если уж на то пошло.

Мужчина замахал руками и отошел окну. Припав лбом, к стеклу, виновато прикрикнул:

– Милая, а вот это подло. Ты же знаешь о моей проблеме. И с бабами у меня просто и быть-то не может. А спиртным пахло, так это пару раз меня на презентации приглашали в издательства. Они все ведь хотят задобрить критиков. Ведь от нас их тиражи зависят, наши рецензии влияют на читательский интерес.

Женщина рассмеялась в ответ. Она поняла, что немного перегнула палку и решила заглядить свою вину. Ловко вскочила с дивана и подкралась, как пантера к мужу. Ласково обняла его сзади за плечи:

– Ой! Валериан, ради Бога. Только вот эту лапшу мне вешать не надо. Нет Валериан. Не надо! Уволь! Какие статьи? Желтая пресса? Таблоиды чертовы? Да издатели плевать хотели на мнение ваших критиков! Если честно! – женщина нахально прикусила мужу мочку уха, тот дернулся от боли, но она сдержала его и не отпустила. – Они вбухивают деньги в тех писателей, которых народ читает! Просто тупо пожирает эти книги. И им плевать на содержание. Есть доход и главное. А статьи твои это так, для куража милый!

Мужчина совсем обиделся.

Он вырвался из цепких рук супруги и словно хотел ее рассмотреть отошел на шаг. Она улыбалась и кокетливо кивала головой.

Мужчина вскипел:

– Нет, ты не права тут Лидия! Тут ты не права! Это не бизнес тебе. Там ты дока, а тут не суйся. Не права! Статьи наши и мои в частности, имеют очень важное значение! Очень! Для литературного мира они незаменимый барометр творчества современных авторов! Нет, ну ты сама посмотри, что сейчас читает народ? Что? Дешевые детективчики? Бульварщину? Это же пошло? Народ, который родил Достоевского и Толстого, читает каких-то, теток! Которые всю жизнь проработали следователями или еще черт знает кем! А одна, ты только вдумайся! За пятнадцать лет, семьдесят пять романов написать умудрилась! Семьдесят пять! Да если даже просто каждый день сидеть и писать по странице, времени не хватит! Времени! Это что творчество? Да на нее пять, шесть человек работают! Негры так называемые! Студенты литераторы, которым на кусок хлеба заработать надо! Разве это творчество? Это грязный бизнес! И я с этим буду бороться! Буду! И буду развеивать миф о таких вот псевдо писательницах! А народ у нас не глупый, народ у нас умный и грамотный. Так, что ты зря Лидия.

Но женщину этот монолог не подействовал. Она, махнув рукой, вернулась на диван. Поджав ноги, обняла колени и, грустно глядя в телевизор, сказала, словно в пустоту:

– Ой! Валериан ради Бога! Ты сейчас убеждаешь исключительно себя. Но открой глаза, сколько вот человек твою статью в последней газете прочитали? Ну, сколько?

Супруг сел за компьютер и посмотрел на монитор. Вчитываясь в текст, озабоченно и как-то довольно ответил:

– У нее тираж пятьдесят тысяч.

– Ну, хорошо пятьдесят тысяч, – усмехнулась женщина. – А знаешь, каков тираж книг, у той писательницы, на которую ты обрушился с гневом? Четыреста тысяч! А гонорар у нее два миллиона долларов в год! Понимаешь? Два миллиона долларов в год! И читают ее! Людям то, что надо? Хлеба и зрелищ?! Хлеба и зрелищ! Ну, ты же литературный критик, ну не будь наивным донкихотом, против денег и зрелищ, воевать бессмысленно!

На этот раз он разозлился окончательно. Крикнул так, что задрожали хрустальные подвески на люстре под потолком:

– Нет! Это не так! Ты совсем ослепла от бизнеса!!! А как же то, что красота – это страшная сила? Как-то, что красота спасет мир?!! А?!! Что это пустые слова? Красота слова, красота речи! Это вечно! Это победит!

В комнате повисла тягостная пауза. Лишь телевизор нелепо бормотал какие-то несуразные слова. Затем послышалась унылая блатная песня. Женщина нарушила молчание первой.

Она сделала шаг к примирению, понимая, если запустить этот конфликт он перерастет в длительную ссору:

– Ну, хорошо, хорошо. Я не хочу ссориться. Победит твоя красота. Победит.

Он обиженно пробубнил в ответ, давая понять, что принимает ее предложение о мире:

– Она не моя, она общая красота.

– Хорошо. Общая. Ну а на этот раз кого ты там распекаешь? Опять, какую ни будь писательницу миллионершу? А котик? Кого на это раз? – промурлыкала супруга.

Мужчина, окончательно успокоившись, ласково и немного виновато ответил:

– На этот раз милая ты не догадаешься. На это раз я раскритиковал поэта.

– Кого? – женщина явно насторожилась.

Но супруг этого не заметил и радостно пояснил:

– Поэта! Да дорогая, хоть их в последнее время и не так много. Жаль топить. Беречь, как говорить надо. Но этот выскочка. Понимаешь ли, за рубежом его переводить стали! Бродским себя возомнил! Есенин провинциального разлива. Мне даже приятно его утопить будет! Просто приятно! Этого-то я утоплю! Кстати, у нас с ним старые счеты! Учились на филфаке вместе, правда, в параллельных группах! – он говорил это с таким жестоким наслаждением, что ей стало страшно.

Он хотел растоптать человека так убедительно, что смотреть на него было противно.

Женщина осторожно спросила:

– И кто же это?

– Некто Вилор Щукин. Слышала про такого?

Она вздрогнула и прикусила губу. Нервно нащупав пульт дистанционного управления, уменьшила громкость звука на телевизоре. Привстала с дивана, свесив ноги на пол, внимательно и зло посмотрела на своего мужа, но не ответила. Он что-то печатал, выбивая на клавиатуре противные звуки. На секунду оторвавшись, наивным тоном, будто ребенок спросил:

– Милая, я спросил, слышала про такого?

Женщина совсем погрузилась. Поправив прическу рукой, она, опустив глаза в пол, нащарила ногами тапочки. Тихо и неохотно ответила:

– Щукин? Слышала. Но говорят, он вроде хорошо пишет. Вон и вечера собирает, что за последнее время редкость.

– Да то-то и оно! – довольно и уверено прикрикнул он. – Собирает. А читает, что? Свою ересь?! Тоже мне Евтушенко нашелся!

Женщина встала с дивана, подойдя к окну, посмотрела вдаль. Он заметил, что она нервничает и, подозрительным тоном спросил:

– Милая. Что с тобой?

– Да так, ничего... – она словно огрызнулась.

Ему это не понравилось.

Мужчина встал из-за стола и подошел к супруге. Попытался ее обнять, но жена отстранилась. Но он поймал ее насильно, притянув к себе, прошептал требовательно на ухо:

– Нет, что-то случилось! Ты, что грустной стала?

– А, что он, там написал, этот Щукин, за что ты его так не любишь? – фыркнула женщина.

– Тебе, что действительно интересно? Странно, это впервые, когда ты интересуешься содержанием моей статьи и творчеством авторов, которых я разбираю. Странно.

– Чего, тут, странного? Сам ведь хотел, чтобы я хоть как-то участвовала и в твоём творчестве?! Ведь критика, как ты сам говоришь, это тоже творчество?!

Мужчина самодовольно кивнул головой, улыбаясь, ласково сказал:

– Ну, спасибо милая, не ожидал, что ты вот так. Спасибо! Думал, что тебе все равно, что я там пишу. А ты, вон, как?! Извини, что плохо думал, – он, расслабил объятия и, она вырвалась.

Медленно подошла к столу и взглянула на монитор компьютера. Прочитала несколько предложений написанного мужем текста и требовательно спросила:

– Так, что он написал?

– Кто?

– Ну, это твой Шукин?

Мужчина пожал плечами. Тоже подошел к столу, взяв листок, пробежал по нему глазами. Женщина внимательно следила за ним и ждала. Супруг тяжело вздохнул и, криво ухмыльнувшись, противным голосом проскрипел:

– А Шукин, Шукин это Шукин. Ну вот, например, послушай:

Нам хирурга не надо
Мы и так перерезаны!
Как снаряды от «Града»
Булки хлеба нарезаны.
И парнишка из Курска
Нет ему девятнадцати,
Но стреляет из ПТУРСов
Вертолет сто семнадцатый...
Я упал в этот снег,
Просто доля такая
Лишь короткий пробег
Вот и пуля шальная...
Эх, российский народ!
Сколько вас, недобитых?
Но строчит пулемет!
Будут цинки залиты...
Не смотря ни на, что
Тихо плачут их матери
Потому, что сынок
Вновь лежит в Медсанбате...
Но, а мне ли судить?
Для чего это надо?
Толи пуля найдет,
Толи плачет награда...

Ну и как это тебе? А набор слов? Просто графоманство какое-то! А его еще за рубежом переводят. Позор! Нет, надо в корни истребить этого выскочку! Писать он решил?! Сборники издает! Да издатели, после моей статьи его и в кабинет-то не пустят!

Женщина посмотрела на него с презрением и грустно сказала:

– Странно, а мне понравилось...

Мужчина не выдержал.

Он опять заорал так, что зазвенели подвески на люстре. Хрусталь не терпел такого шума:

– Нет! Ты только посмотри! Да это же бездарность полная! Полная! И, что только люди в этом находят: резаны, перерезаны, матери медсанбате! Рифма-то убогая!

Женщина махнула рукой, отвернувшись, вернулась на диван. Равнодушным и холодным тоном, сказала, словно в пустоту:

– А мне кажется правдиво. И главное с душой. И зря, ты, так нервничаешь.

– Да, что ты говоришь? Нервничаешь! – он не мог успокоиться. – Тут занервничаешь! Обмельчала наша поэзия! Обмельчала! Такое пишут, ужас! Ужас!

– А, что надо про травку и солнышко писать? Время такое. Вон, на Кавказе война. Он и пишет. Русский поэт, же он всегда писал о трудностях, не только о кленах опавших, – она решила его добить.

Вот так, быстро и беспощадно. Ей надоело возиться с ним, уговаривать и притворяться, сказать правду, сказать то, что она думала.

И он не выдержал этого напора.

Он зажал уши и завизжал, как раненный:

– Лидия! Лучше замолчи. Ты в это ничего не понимаешь! Поэтому лучше молчи. А то мы поссоримся!!!

Но она не испугалась ультиматума. Напротив, приняла его вызов и равнодушно ответила:

– Не хочу я с тобой ссориться. Я просто говорю о тех стихах, что я услышала. Свое мнение. Вот и все. Просто, как человек. Мне они понравились. Они меня задели. Ведь ты же сам, всегда любишь приводить пример, что такое хорошие стихи, а что такое поэзия. Это ведь, как парфюмерная лавка и цветочный магазин. Так вот. Стихотворение про медсанбат и маму, что плачет, мне показалось очень душевным. И главное, от него настоящим жизненным пахнет. Пусть даже это и горький запах полыни. И вообще мне так кажется, как будто ты ему завидуешь. Такое у меня впечатление.

Он затрясся как паралитик, грозя ей кулаком, зашипел словно змея:

– Что?! Как ты могла об это подумать?! Я завидую этому бездарю? Да ты понимаешь, что говоришь?!

– Судя по реакции, я попала в точку, – добила его жена.

И он расплакался, как ребенок. Вытирая слезы кулаком, обиженно бормотал:

– Лидия!!! Ты делаешь мне больно! Я не заслужил этого!

– Прости Валериан, я просто сказала правду. И она оказалась горькой. Конечно, не всегда приятно слышать правду. Даже правильной сказать, правду слушать всегда неприятно. Ведь правда, в большинстве случаев, горькая. И так устроена жизнь. Но к ней надо относиться с уважением. К правде. Понимаешь Валериан. Если ее ненавидеть, то ничего хорошего в твоей жизни не будет. Одна ложь. Которая, в конце концов, тебя съест и растворит как негашеная известь. И ничего от тебя не останется. Ничего прах и все. Прости Валериан, – она не хотела его жалеть.

– Нет! Это не ты говоришь! Не ты! Ты, не можешь так думать! Это слишком правильно! Ты не можешь, это не твои слова! Я их уже, где-то слышал, или читал. Откуда ты это взяла? Признавайся? Откуда? Мне просто интересно! – он кричал, и слезы катились по его щекам.

Но и это не подействовало на нее. Уж слишком он разозлил женщину. Она язвительно добавила:

– Валериан, тебя действительно засосала критика. Ты стал мнительным. Я действительно сама так думаю и нигде, эти слова не читала.

Он, обхватив голову руками, застонал:

– Не верю. Не верю!

Но и это на женщину не подействовало. Она грустно улыбнулась и махнула рукой:

– Ой, брось! Тоже мне Станиславский! Валериан. Успокойся. Я сказала тебе правду, что бы легче было. Но кто тебе ее еще скажет? Твои издатели? Или твой редактор? Нет. Им вообще на тебя наплевать. Им нужно, ты твякаешь в своих статьях, ну и твякай! А то, что ты не пишешь сам, уже лет десять, так это им по барабану. То, что ты умер как писатель и поэт? Кому до этого есть дело?

Он взмолился. Мужчина понял, что проиграл:

– Лидия замолчи! Замолчи! Я прошу тебя! – он вскочил и выбежал из комнаты.

Женщина вслушивалась, как муж гремит посудой на кухне. Она довольная, понимала, он мучается и страдает. И ей вдруг стало весело, ведь супруг получил по заслугам. Он хочет

растоптать ее любимого! Ее самого дорогого человека! Ее последнюю надежду в этой жизни, Вилора Щукина. Женщина крикнула, что есть силы. Она крикнула так, как киллер делает контрольный выстрел, беспощадно и хладнокровно:

– Ой, да, пожалуйста. Оставайся со своими творческими нереализованными амбициями и страхами наедине. Только вот, отыгрываться на талантливых, это просто мерзко!!!

Лидия Петровна Скрябина была монополистка во всем!

И в первую очередь в любви!

Она была хищницей и единоличницей!

Она была беспощадной и коварной!

Она была настоящей, роковой женщиной. Но она так умела любить, что ей самой, от своих же чувств, становилось страшно. Ей было тридцать пять. Но выглядела она моложе своих лет. Высокая стройная. Она была, как это говорили многие знавшие ее, окружавшие люди, хозяйкой своей жизни. Да и жизни других. Лидия Скрябина с детства мечтала стать писательницей. Но стала бизнесменом. Как оказалось, она совершенно не умеет писать литературные тексты, но очень хорошо умеет зарабатывать деньги. Лидия, с красным дипломом закончила физфак университета, но по специальности работать не пошла. Там, в университете, она и познакомилась с судьбоносными для себя мужчинами. Первым был ее нынешний муж Валериан Скрябин. Он учился на три курса старше и сразу же заметил эффектную и сообразительную девушку. Он знал, она станет его женой. Он добивался этого пять лет. И добился. Но он не мог предположить, что его супруга всегда любила, причем до безумия, совершенно другого человека. Любила она Вилора Щукина, студента филфака.

Вилор Щукин был вторым ее мужчиной!

Он был любовью всей ее жизни.

Но как это часто бывает, любовью неудачной! Они любили друг друга страстно! Но жили порознь! Лидия была слишком практична и не хотела связывать свою семейную жизнь с ветреным и немного взбалмошным человеком. А Вилор, Вилор любил свободу и, это стало для них трагедией.

Они поняли, что не могут друг без друга, ... слишком поздно. Так поздно, что ничего не сумели уже поменять. Она жила со Скрябиным и привязалась к Валериану, как к преданному старому псу. Жалела и немного сочувствовала ему. Где-то там, в глубине души понимая, что его нельзя оставить одного! Нельзя! Он погибнет! Просто умрет от горя! А Вилор, Вилор тоже требовал от нее «всего»! Он тоже был собственником! Он не хотел ее делить со Скрябиным! Он не хотел с ней лишь тайно заниматься любовью, понимая, что после свидания, она пойдет и ляжет на супружеское ложе. И она понимала, почему, но, она так и металась последние пять лет между двумя. Любя одного и жалея другого. Металась и мучалась. Мучалась и продолжала так жить. Но, Лидия была человеком очень практичным. Даже в таких делах, как любовь! Она понимала, так дальше продолжаться не может. Ей нужно определиться, определиться и решить. Как бы больно это не было. И Скрябина выбрала Вилора. Она не могла его не выбрать. Она не могла его отдать другой. Она понимала, что просто сгорит от злости, представляя его в объятиях другой женщины. Представляя, как будут кричать его, а не их совместные дети. Представляя, что так и будет до конца дней жалеть преданного, но обречено законченного неудачника и завистника Валерина Скрябина. Как старого пса, который уже не на что не способен, но его так жалко усыпить! Она это понимала. И она решилась! Решилась...

Лидия хотела детей. Но хотела их как-то по-своему, как-то осторожно, можно сказать с неохотой. Бабий инстинкт ей подсказывал – тридцать пять – это тот срок в жизни каждой бездетной женщины, после которого, она понимает, дальше может быть поздно. Дальше останется одна старость и куча проблем!

Нужно рожать!

Но Лидия не решалась. Она смотрела на себя в зеркало и понимала, что если родит ребенка, то это все, пять лет жизни нужно выкинуть сразу. А там сорок, а там старость. Ребенок будет наградой и в тоже время концом ее красоты как независимой и привлекательной женщины.

Скрябина сидела на диване, поджав колени, облокотившись на них подбородком. Она думала, думала. Она мучалась и думала.

«Странно! Все как странно! Он опять сталкивается с Вилором! Муж опять ищет его! Он хочет писать эту статью! Будто чувствует?! Чувствует?! Он чувствует соперника? Нет, он не может чувствовать! Он просто мстит! Мстит за те, те года! За молодость? Он мстит и сам мучается, думая, что ему станет легче! Бедный Валериан! Если бы он знал, что ему уже легче не станет! Не станет!» – Лидия зажмурила глаза.

Где-то в глубине прихожей мелодично и как заискивающе промурлыкал звонок. Электронная мелодия разнеслась по квартире, отдаваясь эхом по уголкам комнат. Но к двери никто не подошел. Скрябин, что-то бормоча, возился на кухне и принципиально не хотел открывать дверь. Он ждал. Лидия это чувствовала. Она, тяжело вздохнув, прикрыла уши ладонями, пытаясь не слышать вторжения. Этого противного и не нужного сейчас вторжения. Ведь остался один шаг! Один!

«Сейчас! Он готов к этому разговору как никогда! Валериан готов к нему как никогда! И я! Я тоже готова! Встать и пойти, и сказать ему! Чтобы он не мучался! Не мучался и я! Не мучалась! Сказать и кончить все разом! Пусть знает! Пойти и сказать! Он ведь ждет! Он чувствует!» – мысли навязчивой подсказкой крутились в голове.

Но звонок! Это звонок! Он все рушит! Он мешаает! Он меняет планы! Гость был настырным! Он, не уходил, продолжая давить на кнопку! Человек хотел сейчас вмешаться! Он должен помешать! Иначе...

– Лидия! Ты, что оглохла! Открой дверь! Открой дверь немедленно! Я не могу! Я занят! – прорычал, где-то далеко на кухне Скрябин.

Лидия вновь вздохнула, встряхнувшись, вскочила с дивана. Она подбежала к входной двери с единственной мыслью наругать непрошеному гостю, кто бы, он не был! И не просто наругать, а изощренно с матом и оскорблениями! Что бы этот человек почувствовал, не стоит вмешиваться в чужую жизнь, когда этого не хотят!

Скрябина ожесточенно щелкнула замком, даже не посмотрев в глазок, кто стоит за железной дверью?! Лидия яростно рванула ручку на себя! Она уже отрыла рот, чтобы сказать гадость навязчивому человеку, но не успела. Лидия ожидала увидеть перед собой хоть кого, хоть соседа с нижнего этажа, или свою подругу с работы, или даже пьяного слесаря-сантехника. Но она никак не ожидала лицезреть перед собой высокую стройную сексапильную блондинку с большой упругой грудью и наглым и пронизывающим взглядом! Эта девушка была словно посланник из космоса, эффектная и хладнокровно-спокойная. Она стояла и нагло пялилась на Лидию, рассматривая ее тело. Оценивая ее фигуру, все недостатки и достоинства. Такой наглости Лидия даже не могла себе представить. Она как-то непроизвольно на инстинктивном уровне почувствовала в этом человеке, соперницу коварную и опасную. Лидия замерла. Блондинка, хмыкнув и деловито вытащив изо рта жвачку, решительно шагнула в прихожую. Девушка непроизвольно оттолкнула хозяйку и осмотревшись по сторонам. Лидия, пораженная нахальством, от удивления открыла рот в немом бессилии. Девушка грустно улыбнулась и сказала низким, приятным голосом, с романтической хрипотцой:

– Здравствуйте, мне нужна Лидия Скрябина.

Лидия замерла.

Она все еще не могла прийти в себя. С трудом, набрав воздух в легкие, растерянно и как-то беспомощно ответила:

– Здравствуйте. Я Лидия Петровна. Чем, могу быть, полезна? Вы кто?

– Вы меня не знаете. Мне просто нужно поговорить с вами на очень важную тему! – красotka, вновь нагло улыбнулась.

Лидия рассмотрела ее одежду. Короткая бардовая юбка, туфли на высоком каблучке и стильный джемпер с глубоким разрезом. Шмотки явно тянули не на одну сотню долларов. Было видно, что девушка одевалась в каком-то модном дорогом бутике. Дополняла гардероб симпатичная тонкая сумочка и длинной ручкой, перекинутой черед плечо.

Лидия пожала плечами. И отвлеченно стараясь показать свое безразличие к этому человеку, раздраженно и капризно ответила:

– Ну не знаю, о чем-речь-то?

– Это очень важно поверьте. Речь идет о судьбе двух человек. И один из них Вилор Щукин, – на одном дыхании выпалила девушка.

Лидия вздрогнула, и вновь осмотрев красотку с ног до головы, загадочно и тревожно ответила:

– Ну, что ж проходите.

Девушка деловито повесила сумочку на вешалку, небрежно скинула туфли, вопросительно посмотрев на хозяйку, заговорческим тоном спросила:

– Куда пройти, не здесь же разговаривать будем?!

Виктория указала на дверь гостиной. Пропустив девушку вперед себя, поплелась за ней, как подчиненный за начальником. Скрыбина вдруг почувствовала, что упустила инициативу. И это очень плохо, она не терпела себя в такие минуты и начинала нервничать. Тяжело вздохнув, Лидия с опаской покосилась на дверь кухни, Валериан там продолжал греметь посудой.

«Только бы он ничего не услышал! Ничего! Эта девушка ничего хорошего не скажет! Только бы он не зашел в комнату!» – подумала Скрыбина.

Непрошенная гостья меж тем по-хозяйски расположилась в большом кресле, вызываяще закинув ногу на ногу и демонстрируя Скрыбиной свои красивые бедра. Девушка, не спрашивая разрешения, щелкнула зажигалкой, закурила длинную и тонкую сигарету темно-коричневого цвета.

Лидия встала напротив девушки, скрестив руки на груди, зло спросила:

– Ну и о чем мы с вами будем говорить?

Девушка выпустила дым изо рта и вызываяще, ледяным тоном ответила:

– О вас.

– Обо мне? А что такое со мной? – растерянно усмехнулась Лидия.

– Вы мне мешаете, – тихо и зло ответила гостья.

В комнате повисла пауза.

Лидия вдруг почувствовала, как бьется ее сердце. Она вновь покосилась на дверь и, прищурившись, посмотрела на девушку. Идеальные пропорции лица. Тонкие брови в разлет. Аккуратный носик и большие зеленые глаза. Нет, это не просто глаза «девушки-охотницы», это глаза хищницы! Пантеры готовой разорвать любого. Скрыбина моментально оценила эти черты и поняла, девушка не остановится не перед чем в достижении своей цели! Она наглая и циничная идет по жизни, сметая все на своем пути. Иметь такую соперницу очень опасно. И все же! Скрыбина почувствовала, что первый шок от непрошеного гостя у нее прошел. Лидия вновь ощутила силы и уверенность. Она, поджав губы, медленно и вальяжно прошла мимо блондинки, давая понять, она ее не боится. Она тоже опасная штучка и просто так без боя не сдастся! Лидия села в кресло напротив и поджав ноги, лениво показывая свое презрение, тихо спросила:

– Позвольте, девушка, как я могу вам мешать, ведь я вас даже не знаю?

– Это не важно. Вы мне мешаете, не зная меня, – блондинка даже не делала пауз.

Она говорила напористо и властно. Глотала дым и выпускала его колечками. Нагло смахнула пепел на ковер. Лидия ухмыльнулась:

– Позвольте девушка, загадки я не люблю. Говорите нормально.

– Он вас любит.

– Кто? – рассмеялась Скрябина в недоумении.

– Вилор. Он вас любит! Он только о вас и думает. Он меня совсем не замечает. Даже когда мы в постели он думает о вас. Он несколько раз называл меня вашим именем. Он во сне повторяет ваше имя, – зло процедила сквозь зубы девица.

– А вон оно что? Очередная жертва любви Вилора Щукина?! – всплеснула руками Скрябина. – Бедная дитя. Вот оно что?! Простите! Как я сразу не догадалась?! Вы уже успели с ним провести ночь?

– Вы тоже любите его. Я чувствую это. В вашем вопросе прозвучала ревность. Я шла сюда в надежде на то, что он любит вас безответно, но как вижу, я ошиблась. Вы его тоже любите.

– Девушка, да вы что? О чем вы? Какая там любовь? Я с ним знакома-то едва-едва, – Лидия равнодушно хмыкнула, но у нее это получилось фальшиво.

Гостья это почувствовала:

– Не надо мне лгать. Я все знаю. Я знаю, где вы встречаетесь. Я знаю о ваших свиданиях. Я знаю, что вы с ним занимаетесь любовью на квартире, которую вы снимаете. Я все знаю. Не надо мне лгать.

Лидия, нахмурившись, откинулась в кресле. После паузы тяжело вздохнула:

– Так! Вы что ж следите? Поздравляю Вилора и себя. Поздравляю!!! Мне только еще этого не хватало?! Вы, что ж сами следили?

– Нет, я нанимала детективов частных.

– У вас и пленки, как я понимаю, какие-то есть, ну а по условиям жанра, должны быть и фотографии. Так ведь? – раздраженно спросила Лидия.

– Вы правы и фото, и даже есть запись ваших разговоров, и даже. Простите, как вы стонете в постели, – блондинка тяжело вздохнула, и вопросительно посмотрев на хозяйку, дала ей понять, что не знает, куда деть окурки.

И если та сейчас ничего ей не предложит, блондинка просто бросит его на ковер. Лидия ухмыльнулась и кивнула на журнальный столик в углу:

– Там пепельница! Не бросайте на ковер. Он дорогой его потом не отчистишь...

Блондинка лениво встала с кресла и взяла чугунную тарелку. Она медленно затушила окурки и поставила пепельницу на пол.

– Так как вам новость? – нагло ухмыльнулась девушка и вновь упала в кресло. – Я слышала, как вы стоните. Внимательно. Это возбуждает. И очень. Вы очень сексуально стоните. У вас муж есть, а если он услышит?! А с ним вы стоните? Нет, наверное, ...

– Так, ну это уже вообще. И сколько интересно вам это стоило? Ведь это дорого нанять детективов и еще с аппаратурой? – прикрикнула Лидия.

– Это обошлось не дешево. Но не в этом дело. Деньги у меня есть. Так как насчет мужа? – блондинка явно прессинговала.

Но Скрябина поняла, нужно срочно сбить этот напор. Тогда она потеряет инициативу:

– Хм, откуда позвольте спросить, у такой молодой особы деньги? Богатый папа?

– Да, но это не важно. Важно то, что я хочу вам сказать?! – девушка ухмыльнулась.

Вновь злобный и расчетливый взгляд. Кошка, которая хочет съесть мышку, но мышка просто так не сдастся. Она уже и не мышка, а крыса большая и опытная, и сама кому хочешь, перекусит горло!

– Как я понимаю, по условиям жанра, сейчас пойдет шантаж?! Вы будете меня шантажировать? Хотите, чтобы я вам компенсировала затраты по слежке? – спокойно и холодно спросила Лидия.

– Нет. Мне не нужны ваши деньги. И вообще я не хочу вас шантажировать. Это мерзко. Хотя я могла бы показать фото и дать послушать записи вашему мужу. Но я не буду этого делать! – бросила красотка.

– Хм... это почему?

– Я в самом начале нашей беседы сказала, вы мне мешаете. Так вот я пришла попросить вас! Исчезнете! Уйдите, из моей жизни! А, главное из жизни Вилора! Вот и все.

Лидия кивнула головой и печально посмотрела на девушку. Та, впервые за их нелепую беседу, не выдержала взгляда и отвернулась.

Помолчав, добавила:

– Честно говоря, я человек мягкий и на этот разговор решилась, после долгих раздумий. Я не хотела его, но у меня нет выхода. Я люблю этого человека. И никому его не отдам. И ради него, готова на все. Поэтому, прошу вас, прислушайтесь ко мне и сделайте то, о чем я вас прошу.

– А, что я должна сделать-то? Покончить с собой? – ухмыльнулась Скрябина.

– Нет, вы зря иронизируете. Вы должны исчезнуть. Уехать в другой город. И все. Просто исчезнуть. Что бы, он не знал, где вас искать. А потом он забудет вас и полюбит меня. А если вам нужны деньги на переезд, я заплачу! Сколько вам надо, я заплачу! – гостья, сказала последние слова со слезами на глазах, ее голос сорвался.

Лидия посмотрела на нее с жалостью:

– Девочка моя, вы, что такое говорите? Куда уехать? Я не могу уехать? Вы с ума сошли! Вика! Послушайте меня! Вы насмотрелись фильмов! Так в жизни не бывает! Он не полюбит вас даже, если я исчезну! Полюбить нельзя другого человека, если исчез любимый! Вы заблуждаетесь! И потом, вы не спросили главное. Хотя и заметили. Главное готова ли я послушаться вас?

– Я не хочу этого, но вы готовы? Вы сделаете? – на глазах у девушки выступили слезы.

– Нет. Я не сделаю. Я не могу выполнить вашу просьбу, – сухо ответила Лидия.

– Почему? Потому что вы любите его? Да? Вы любите его? – девушка зло покосилась на хозяйку.

Лидия отвела взгляд.

– Значит, я не ошиблась, вы любите его. Как я понимаю, готовы на все. Вы только делали вид, что он вам безразличен, но на самом деле вы готовы на все. И это страшно. Страшно! Я не хочу!

– Чего, вы не хотите? – Скрябина раздраженно вскочила с кресла.

Ей надоел это бесполезный и главное неприятный разговор. Она давала понять, что гостью больше не боится и желает, чтобы та убралась восвояси!

Но тут же последовал жестокий выпад:

– Убивать вас. Но я вижу, у меня не остается выбора!

– Вы, что говорите? Вы в своем уме?

Девушка, тяжело вздохнув, смахнула кончиками пальцев слезы со щек и спокойно ответила:

– Я вынуждена вас убить. Если вы не отступитесь и не оставите Вилора в покое, я вас убью. Поверьте, мне противно, но я сделаю это! Простите. Знайте. Прошу вас испугайтесь и отступитесь! Поклянитесь мне, что он вам не нужен! И все будет хорошо! Прошу вас! Не толкайте меня на это! Я не хочу, вас убивать! Но просто вы не оставляете мне выхода!

Лидия ухмыльнулась и зло спросила:

– Скажите, а вы на моем месте, как бы поступили?

Девушка на нее посмотрела с ужасом:

– Значит, вы не боитесь смерти?

– Боюсь...

– Значит, он вам дороже жизни? – испуганно молвила гостья.

– Да...

И тут произошло неожиданное. Девица вскочила и бросилась прочь. Она где-то там, в прихожей загремела туфлями. Они застучали по паркету. Хлопок двери и Лидия осталась сидеть в одиночестве. Она зажмурилась и вздрогнула. Она сидела и слушала свое сердце.

«Что это было? Что? Это правда или какой-то нелепый розыгрыш? Неужели это рок судьбы, и они не будут счастливы с Вилором? Нет! Нет! Назло всем! Никому не отдам его! Никому! Нет!» – мысли бились, словно волны о пристань.

Легкое прикосновение до плеча. Лидия дернулась и испуганно открыла глаза. Перед ней стоял Валериан. Он удивленно спросил:

– Лидия? Кто это был?

– Это приходил один человек.

– Что ему надо было?

– Он, пришел мне сказать, что убьет меня...

Скрябин зло махнул рукой:

– Что?! Хватит шуток!

Глава третья.

Лидия не спала всю ночь.

Она поплакала ее в подушку. Она минуту за минутой, какой-то монотонной длинной вереницей, вспоминала вечерний разговор.

Этот страшный взгляд!

Этот страшный взор молодой и красивой девушки!

Избалованной, состоятельной куколки, которая бросается такими страшными и жестокими словами!

Которая заставляет бояться!

Которая приказывает решать, любить или нет!

Лидия вертелась на постели. Когда рядом, во сне, тяжело вздыхал Валериан, замирала, что бы муж не услышал ее всхлипов. Она не хотела, чтобы вообще кто-то видел, что она переживает. Она так не любила слабость! Она так не хотела быть слабой!

Серые тени в темной комнате зловеще перемещались от кровати к шкафу и обратно. Одинокие всполохи фар от проезжающих по улице машин походили на загадочных и немного ужасных живых существ. Лидия пугалась их. Она то и дело напрягалась, всматриваясь в ночной полумрак. Ловила каждый шорох. И вновь, вновь плакала. Она плакала, обжигая подушку горячими слезами.

«Она так хороша! Она так решительна! Эта девочка, хм, а может уже и не девочка? Да, какая разница? Я ревную?! Нет, я завидую, ей. Завидую. Но чему? Она пришла сказать, что убьет меня? Убьет, хм, конечно нет. Она не может убить. Она просто влюблена, влюблена, глупышка. Вилор! В него нельзя не влюбиться. Нельзя. Я сама была такой. Правда и он был моложе. Нет, она влюблена. Но почему, мне так больно? Я ревную? Ревную его, но мне не стоит его ревновать! Она же говорила, он называет ее моим именем. И все же, все же она любит его! Любит! Господи! Она любит его, а что, если она права. Что если он тоже, тоже полюбит ее?» – мысли не давали даже и надежды на сон.

Страх!

Волнами на сознание, накатывался страх и отступал. Нет, страх не физической расправы, а страх потери контроля! Потери того, что люди называют любовью! Эта потеря страшней!

Страшней!

Она заставляет мучиться даже самых сильных! Даже самых стойких духом и мощных телом!

Любовь разбивает все!

От крепких мышц до здравого разума!

«Она, она счастлива! А я, я, то, я? Что я могу этому противопоставить? Я сама, сама виновата! Что я делаю? Я держу Вилора на расстоянии? Сколько лет? Так любой устанет! Он попросту устал. Ему хочется простого счастья и эта девушка, она появилась вовремя, она так красива и потом, жалость к Валериану меня сгубит! Сгубит! Жалость к этому человеку?!» – Скрыбина даже приподнялась с подушки и посмотрела на спящего мужа.

Валериан, безмятежно откинувшись назад, дышал во сне, приоткрыв рот. Блеклые черты лица, словно у покойника, восковая маска желто-серый цвет кожи. Призрак и ничего. Лидия сглотнула слюну, зажмурившись, уронила голову на подушку.

«Он выпил всю мою энергию! Он выпил всю мою доброту. Я всю доброту потратила на этого человека! А он, он даже не понимает меня. Нет! Хватит! Нужно прекратить врать и ему, и себе! Сказать! Сказать ему! Вилор! Мой Вилор! Подожди еще немного и все же эта девушка. Эта девушка! Господи, неужели?!»

***

Утром Лидия встала совсем разбитая. Она поплелась на кухню и, заварив кофе, долго сидела и дымила сигаретой. Обычно Лидия натошак не курила. Но сегодняшняя ночь заставила отступить от правил. Она выпускала в темноте дым и думала, думала, думала...

Валериан вполз на кухню как старик, шаркая тапочками. Он с удивлением рассматривал фигурку жены и, лишь через секунду, зачем-то включил свет, хотя в кухне было уже светло. Весеннее солнце играло по стенам розовыми пятнами. Лидия инстинктивно зажмурилась.

Скрыбин лениво зевнул, почесав живот, равнодушно буркнул:

– Кофе варишь, лучше бы омлет с соком приготовила, а то куришь, кофе. День начала в миноре.

Лидия не ответила.

Ей не хотелось с утра грубить мужу. Тем более, что вечером она собиралась ему сказать самое важное! Самое важное в ее жизни и его они не будут больше жить вместе! Не будут! Потому как дальше, так, продолжаться не может! Дальше это нельзя назвать семьей. Дальше это вообще никак нельзя назвать! Потому как, они совершенно разные и далекие друг от друга люди, которые пока просто спят в одной постели. Которые просто живут под одной крышей!

«Интересно, а как он будут реагировать? Как? А вдруг, он бросится на меня с кулаками? Вдруг он схватит нож? Ведь он такой импульсивный, он такой ранимый и нервный?! Нет, наверное, нужно поговорить с ним в людном месте. Пригласить его в кафе. На людях он более сдержан! О чем это я? О чем! Я опять боюсь? Чего смерти? Я боюсь смерти? Какая странная ситуация, если я скажу этому человеку своему мужу, что я люблю другого, он может меня убить. Из ревности, а если я уйду к любимому человеку, то может убить из ревности его любовница. Смех, да и только! Кому бы рассказать?! Не поверишь! Вот эта закрутка! Вот это сценарий!» – Лидия загушила сигарету и налила себе кофе.

Ароматный напиток вернул немного бодрости и энергии, но ненадолго. Вторая чашечка лишь напустила тяжести на голову. В висках застучало и руки стали тяжелыми. Лидия вновь взялась за сигарету.

Валериан урчал как кот, поедая омлет с ветчиной. Он, не отрывая взгляда от тарелки, нравоучительным тоном гундел:

– Ты, пожалуйста, будь добра, позвони сегодня Симоновским. И скажи, мы придем чуть позже. А то неудобно будет. Я не хочу краснеть.

Омлет умирал под его вилкой. Обречено и быстро. Желтые кусочки скрывалась, где-то там, за сальными пунцовыми губами Валериана.

Скрябин торопился.

Она замечала, он в последнее время всегда торопится. Всегда спешит и нервничает. Особенно утром. Даже когда не опаздывает, он гремит посудой и суетится. Такого раньше с ним не было!

Он так изменился!

Она стал не похож на того, спокойного и расчетливого человека, за которого, она, вышла замуж тринадцать лет назад!

Лидия поморщилась. Она, отвернувшись, выдохнув, вяло сказала:

– Мы сегодня не пойдем к Симоновским...

Скрябин не отреагировал. Вернее, отреагировал, но очень странно. Он приложился губами к стакану с апельсиновым соком и, сделав глубокий глоток, замычал:

– Ум, какая прелесть...

Лидия, так и не поняла, что именно?

«То ли, что они не пойдут на день рождения к их знакомым или, был холодный сок таков хорош, что он даже сгладил это ее скандальное заявление об отказе?» – подумала Скрябина.

– Я, говорю, мы не пойдем...

– Я слышал! Не пойдем, так не пойдем! – Скрябин, тяжело вздохнув, допил сок и, вытерев губы салфеткой, приподнялся из-за стола и чмокнул Лидия в щеку.

– Все дорогая, нам надо с тобой побыть вдвоем, пойдем сегодня в кафе, вдвоем, ты и я...

Валериан, подмигнув, как-то лукаво и озорно улыбнулся, словно дав понять супруге, он: «все знает о вечернем разговоре», вышел из кухни. Свет, так и остался гореть. Лидия покосилась на желто-белую лампочку под цветным плафоном, закрыв глаза, промычала себе под нос:

– Неужели он догадывается?! Нет, я же решила! Сегодня!

***

Лидия долго стояла под душем.

Она подставляла лицо упругим холодным струям и пыталась расслабиться. Но кофе сделал свое дело. Сердце усиленно колотилось в груди.

Что было у нее в жизни?

Что было хорошего?

Да ничего. Мама и папа, милые мама и папа только они!

Они и все!

Вся жизнь пронеслась как какое-то дешевое и мало бюджетное кино.

Мама и папа они! Они, так хотели, чтобы их дочь стала счастливой! Стала независимой и самодостаточной женщиной! И она стала ей. Но стала ли она счастлива от этого? Детей нет. Ей уже тридцать пять, эта рациональная жестокая эгоистичность! Пожить, дать пожить себе, не торопиться. Так говорили многие! Она слушала. Она понимала. И вот, потом. И вот не поторопилась. Тридцать пять. Еще немного и все будет поздно. Мама, милые мама и папа. Они так хотели ей счастья.

Она вновь вспомнила тот страшный день государственных экзаменов в университете. Тогда она предчувствовала. Тогда, она, ожидала, что беда придет. И она пришла! Быстро и жестоко, как налетает в июле грозная туча! Автомобиль родителей протаранил грузовик. Они погибли мгновенно. Удар был смертелен. Многотонный монстр разорвал кабину «Жигулей». И она, она осталась одна, красивая юная и несчастная! Она осталась одна во всем мире! И тогда, тогда она поняла, если не найти практичного и здравомыслящего человека, погибнешь! Растворишься в этой горе потери! В этой атаке смерти! И она нашла Валериана! Нашла и решила, хотя, хотя любила другого...

«Нет, у меня в жизни есть хорошее! Мой Вилор! Он мой! Такой родной и далекий! Почему я решила, что нет у меня в жизни ничего хорошего? А Вилор, Вилор и есть, есть это хорошее, просто я, наверное, это не замечала или не хотела замечать! А эта девушка, она пришла, пришла и напомнила. Пришла и напомнила, как все хрупко! Как все легко потерять!»

Лидия вдруг поняла, что не видела своего любимого целую вечность! Она вдруг ощутила, что соскучилась! И еще как! Они не встречались целую неделю, а то и полторы. Скрыбина поймала себя на мысли, что даже забыла, когда это было? Когда?! Он звонил, а она, она пряталась. Она не хотела. Она уклонялась, капризничала. Она даже не хотела разговаривать по телефону! А он, он настаивал и ждал. Но не долго. Пропал. Она знала, он опять пьет. Или пишет. Одно из двух...

«Ах уж эти творческие личности! Как с ними тяжело! Как ними не просто! Не просто, а кто сказал, что будет просто?! Кто? А другие жены, другие женщины тех поэтов и писателей, композиторов и художников, кто знает, каково было им? Как было сложно именно им?! Все говорят и вспоминают о гениях, а о тех, кто окружает гениев, очень редко! Нет, нет, это судьба. И ее нужно принимать или нет. Я хотела ее оттолкнуть! Но!»

Лидия собралась быстро. Она вышла из квартиры совершенно преобразившейся. Лицо свежее, ни тени того, что ночь была бессонной от слез. Длинная бордовая юбка, светлый джемпер. Скрыбина специально надела контрастную одежду. Такое настроение сегодня. Разное и контрастное. Но позитива должно быть больше! Больше ведь в ее жизни все должно поменяться кардинально и в лучшую сторону! В лучшую!

Лидия сбежала по бетонным ступеням подъезда, выбивая каблучками «симфонию стремительной и напористой женщины-победительницы».

Солнце ранило глаза.

Солнце накинлось на лицо, напоминая, весна, весна торопит!

Весна все торопит!

Скрыбина поморщилась и, достав из сумочки солнцезащитные очки, прикрыла взгляд. Лидия не любила весну. Странно, но это так, она больше любила осень. Осень, наводит на раздумье, осень заставляет сомневаться и осень никогда не допустит ошибок, а весна, взбалмошная «девчонка», одетая в зелено-красные наряды с запахом набухших почек и цветущих одуванчиков. Весна постоянно подталкивает на глупости и поступки, за которые, потом становится лишь стыдно...

Лидия ехала за рулем своего автомобиля уверенная и сосредоточенная. Она, окончательно преобразилась в «бизнес-леди». Скрыбина гордилась, что умеет управлять этой «кучей железа» не хуже мужиков, которые завистливо и похотливо смотрели на нее во время остановок на светофорах. Лидия, в эти секунды хладнокровно глядя в зеркало заднего вида, красила губы помадой. Медленно и тщательно. Мужики-водители из соседних машин, с умиротворением замирали и наслаждались этой картиной.

Скрыбина отступила от правил.

Сегодня утром она впервые за десять лет не поехала на работу. Плюнула и не поехала. Она впервые в своей жизни решила сначала поработать на себя, на свое счастье! На свою судьбу!

Лидия ехала в Вилору...

Она вновь заволновалась, когда вошла в знакомый подъезд дома в центре Красноярска. Странно, но они всегда на нее наводил трепет. Старинный, построенный еще в девятнадцатом веке, дом походил, как казалось Лидии, на загадочный замок. Лепнина на стенах. Псевдоколонны и вечный полумрак в огромных подъездах с высокими протоками, витыми коваными перилами. Желтоватый кафель и главные звуки, такие долгие и принизывающие слух. Бесконечное движение звуков, казалось, они вообще никогда не утихают! Словно живут тут посто-

янно! Стоит лишь сделать движение и эхо, оно, как «солдат-трубач» на заре, будит: шорохи и удары, стуки и шелест. Долгое и долгое эхо!

Загадочный старинный дом...

Лидия вбежала по лестнице на третий этаж и с замиранием сердца отыскала в сумочки ключ. Его ей дал Вилор. Он дал ей ключ от своей квартиры, как символ, что она может прийти сюда, в любое время! Тут ее всегда ждут и любят! Он дал ей этот ключ в надежде, что она будет им пользоваться! Но она эту маленькую железку забросила на дно сумочки. И забыла.

Она не приняла того символа, Лидия это поняла сейчас...

– Время пришло, ну, давай! – прошептала Лидия, нашарив ключ.

Скрябина вставила желтую пластинку в скважину и попыталась повернуть. Щелчок. Хрустнула собачка. Замок был закрыт изнутри на предохранитель. Лидия прикусила губу. Сердце учащенно забилось.

«Он может быть не один. Он может быть с женщиной. Он перестал ждать, так тебе и надо...» – ужали мысли ударами в виски.

Но через секунду послышался шорох и замок щелкнул. Дверь медленно отворилась. Со скрипом, неохотно, словно, не желая ее впускать в эту, уже закрытую для нее жизнь, хозяина квартиры.

Лидия замерла.

В проеме показался силуэт человека.

Это был дед Вилора Щукина, Павел Сергеевич Ключфт.

Высокий сухой старик, с чуть сгорбленной спиной и таким нежным и внимательным взглядом. Седые, но все еще густые волосы, коротко подстрижены. Гладко выбритые, впалые, чуть пожелтевшие щеки. Но главное, какие, у этого человека были выразительные руки. Длинные, до синевы белые пальцы. И кожа, натянутая на косточках, она не смотрелась сморщенной кожей древнего старика. Нет, это была красивая мужская рука, рука пианиста на пенсии, рука дирижера на заслуженном отдыхе...

Лидия виновато улыбнулась. Она хотела поздороваться, но Павел Сергеевич ее опередил:

– Здравствуйте Лидия Петровна! А Вилора нет, – старик гостеприимно отступил назад, приглашая женщину войти в квартиру.

Лидия засмушалась, виновато улыбнулась, выдавила из себя:

– Ой! Павел Сергеевич! Простите, не ожидала, я вот, зашла. Вилор ключ мне дал. Мне поговорить с ним срочно надо. А он, скоро придет? – Лидия стояла в нерешительности, не зная сделать ли шаг вперед.

Старик нежно взял ее за руку. Лидия почувствовала теплоту. Какая горячая кожа на пальцах у этого человека! Ключфт потянул женщину и завел в прихожую. Там заботливо снял у нее с плеча сумочку и повесил на вешалку. Сзади хлопнула дверь, отрезав пути к отступлению. Старик вновь лучезарно улыбнулся и сказал мягким и приятным голосом:

– Вилор поехал в редакцию. Обещал скоро быть. Меня, вон, просил обед сготовить. Я уж и борщ сварил. И вот сию прессу читаю. Газеты новые. Много забавного пишут. Да вы Лидия Петровна не стесняйтесь. Проходите, садитесь. А хотите, я вас борщом накормлю? А? Я вкусно борщ готовлю! – старик приобнял Скрябину и повел ее на кухню.

Лидия не сопротивлялась. Она чувствовала, этот человек к ней относится очень хорошо. От этого старика исходила внутренняя энергия добра!

Старик, молча, открыл кастрюлю. По кухне пронесся аромат свежее сваренного борща. Ключфт степенным движением налил кушанье в тарелку и подвинул к Лидии. Та засмушалась:

– Нет, нет. Спасибо конечно. Я просто подожду. Немного. Мне просто действительно очень нужно с ним поговорить. Очень нужно.

– Ну, нет, так нет. А зря. Мне бы было очень приятно, если бы мои кулинарные способности оценила такая красивая женщина, – дипломатично не принял протеста Ключфт.

Он отрезал большой кусок белого хлеба и положил его на блюдце. Скрыбина сглотнула слюну, ей захотелось, поест, отведать этого вкусного на вид борща. Лидия взялась за ложку и тихо промурлыкала:

– Вы мне льстите. Какая я красивая. Простая...

Павел Сергеевич сел напротив и замахал руками:

– Ой, нет! Позвольте, с вами не согласится! У моего внука не красивых женщин не бывает. Он ведь натура художественная. А у людей с воображением не бывает что-то или кого-то некрасивого. Хотя, простите! Я так, вот, говорю, о вас, будто о какой-то вещи. Простите великодушно! Я действительно последнее время говорю иногда, что-то лишнее. И не дозво- лительное!

– Ну, что вы. Павел Сергеевич! – Лидия с аппетитом хлебала борщ. – Только за одни, вот, ваши извинения и речь вашу, такую необычную, на вас злиться грех. Вы, так красиво говорите.

– Да, какая, там речь!

Старик с удовольствием наблюдал, как Скрыбина доедает его угощение. Лидия, расправившись с порцией, стесняясь, отодвинула пустую тарелку, вытерла губы салфеткой, весело сказала:

– Не скажите, ну, кто сейчас говорит: простите великодушно? Да никто! Все забыли такие прекрасные выражения! А как приятно их слышать! Тем более от пожилого человека! Поверьте, любая женщина это оценит! Эх! Павел Сергеевич, верите, порой так хочется романтики! А ее нет в нашей серой и убогой до общения жизни! У нас ведь рутина одна! Мы, не можем насладиться этим человеческим общением!

Лидия почувствовала себя школьницей на встрече с ветераном. Клюфт уловил ее настроение и улыбнулся:

– Да, я с вами согласен. А, что от таких вот выражений: простите великодушно, так это я как-то привык. В лагерях. Это было в тридцать седьмом, так говорил один человек. Какая у него была внутренняя энергия! А выдержка, какая! Помимо образованности и воспитанности, он был настоящим порядочным человеком, настоящим дворянином! Он и научил меня вот так разговаривать! Вернее, я от него это взял, он специально конечно ничему не учил!

Лидия погрузилась. Она неуверенно спросила:

– А, что стало с этим человеком?

Клюфт задумался. Ответил не сразу. Посмотрел в окно.

– Он умер. Как и сотни других эка. Умирили. Инной раз проснешься, а сосед твой рядом уж холодный. Поначалу я спать не мог! Боялся, что вот-вот сосед дышать перестанет! А потом. Потом Лидия Петровна, я иногда даже завидовал им! Им тем, кто вот так во сне. Ведь во сне смерть, самая сладкая. Не заметно к Господу душа отлетает! Без мучений!

Лидии стало неловко. Она поняла, воспоминания причиняют этому человеку боль. Попытавшись заглядеть вину, улыбнулась и, дотронувшись до руки Павла Сергеевича, ласково сказала:

– Ой! Как же, все страшно было, Павел Сергеевич. Страшно! Вы столько пережили в этих лагерях. А за, что вас посадили?

– Да, не за, что, – Клюфт стал совсем грустным. – По доносу друга моего сначала посадили. Мол, агитировал против советской власти. Готовил теракты, состоял в подпольной организации. Знаете, Лидия Петровна. Раньше ведь, там у нас много было тех, кто в энкавэдэ рапорты строчил. Они вербовали слабых или тех, кто выслужиться хотел по карьерной лестнице подняться. Вот и писали. А людей сажали...

Лидия не знала, как себя вести.

Спросить еще, что-то про «репрессии» или прервать разговор?

Но старик продолжил сам:

– Допрашивали потом. Как там сейчас называется? С пристрастием! Требовали выдать им списки других частных организаций. Назвать имена, фамилии...

Лидия вздрогнула. Ей показалось, старику стало плохо. Он закрыл глаза и замер. И все равно, она тихо спросила:

– Как же так? Как он мог? Это ведь подло! Оговаривать своих друзей! Его совесть-то не замучила? Друга вашего?

Клюфт тяжело вздохнул и пожал плечами:

– Знаете, Лидия Петровна. Вы просто не понимаете. И не можете понять. Там не до совести было. Многие не выдерживали просто времени. Того времени. Оно подлое было. Многие. Ловишь себя на мысли что готов, на все и унизиться, и предать, лишь бы от тебя отстали. Лишь бы не трогали. Страшно это. Не кому не пожелаю. Вот, так как он.

Лидия встала и отнесла тарелку в мойку. Принялась за посуду. Старик не возражал. Он с улыбкой покосился на женщину, достав сигарету, закурил. Скрябина терла полотенцем тарелки:

– Как все странно. Мерзко как. А этого человека вы потом встречали? Ну, того, кто вас оговорил?

– Нет. Не встречал. – Клюфт затянулся и выпустил дым. – Его расстреляли в тридцать восьмом. Сразу после моего суда. Не спасло его то, что он столько имен назвал. Его тоже посадили. Судили и расстреляли. Он, дурачок, думал, что враги они по правде есть! И ошибся. А они, эти же люди, которым он строчил доносы, его, как руководителя подпольной контрреволюционной троцкистской организации и расстреляли. Тогда ведь план спускали сверху. Сколько нужно расстрелять. Вот он и попал под план, так сказать.

Лидии тоже захотелось курить. Но она не решалась спросить. Старик уловил и это ее желание.

– Если вы, хотите курить, курите. Только, я вам свои предложить не могу. У вас, наверное, дамские?

– Да, Да,... – Лидия вышла в коридор и вернулась с сумочкой.

Вернулась и элегантно, щелкнув зажигалкой, подкурила сигарету:

– Вот, смотрю я на вас, Павел Сергеевич и удивляюсь. Вы столько пережили. Вас так люди обидели. Не за что, вот отсидели. Друзья предавали. Такая жизнь у вас была трудная и страшная, а вы, все равно! Жизнь любите и людей любите! У вас нет злости к людям! Как это? Вы не озлобились. Я вижу, по глазам вашим. Разве так можно? Для меня, честно скажу, загадка!

Павел Сергеевич пожал плечами:

– Лидия Петровна, деточка! Простите великодушно! Можно, я вас буду называть, деточка?

– Конечно, мне будет приятно.

– Деточка! Нельзя, жизнь не любить. И людей нельзя не любить. Ведь люди – это часть жизни и в большинстве своем, хорошие люди. Добрые и человечные. Они сочувствуют и переживают. Они помогают пережить боль. Вот вы, вы сейчас моих страшилок наслушались и вам вот меня жалко стало! А мне, что старику надо?! Мне уже приятно, что кто-то меня жалеет. Переживает. Уже от вас энергия добра идет. Так, что, Лидия Петровна, людей любить надо! Надо! Иначе, зачем жить? А озлобиться это самое простое. Злоба, она съедает человека. Просто уничтожает, словно червяк ест его изнутри! И человек, как бревно становится трухлявым. Морально погибает.

Лидия тяжело вздохнула, затушив окурок, всплеснула руками:

– Красивы ваши слова. Но все же. Злоба-то разная бывает.

Старик кивнул головой и грустно ответил:

– Конечно, есть злоба к врагу. Когда страну твою завоевать хотят. Но я не, об этом. Я о зависти и злобе людской, обычной повседневной, так сказать. Она страшна.

Лидия напряглась. Вдруг зло спросила:

– А как, быть с любовной злобой? Она-то, как? Тоже человека съедает?

Старик лукаво сощурился:

– Я, что-то не пойму?! Что вы имеете в виду? Любовь и злоба, вроде бы несовместимы! Насколько я знаю, когда человек любит, он не может озлобиться! Не может! Или я не прав?!

– Может. Вот, например, один человек любит другого. А тот не отвечает ему взаимностью. И тогда человек озлобляется. Он готов на все. Он готов на преступления. Такое ведь бывает?

Клюфт задумался. Павел Сергеевич нахмурил брови, внимательно рассматривал лицо Лидии. Она засмузилась и опустила глаза.

Старик вздохнул:

– Я не встречал. Хоть и живу, вот уже восемьдесят с лишним.

Скрябина, как упрямый и капризный ребенок, буркнула в ответ:

– А я встречала. Человек хочет убить другого человека, только за то, что его любит его возлюбленный! Вернее, ему не отвечают взаимностью. А возлюбленный любит, ну, того человека. В общем, простите, я немного запуталась!

– Да?! – ухмыльнулся Клюфт. – Такое, вроде бы шекспировское развитие?! Разве такое возможно у современной молодежи?

– Возможно. И вот вы, как бы поступили в такой ситуации? – неожиданно спросила Лидия.

Старик замер. Он даже не сразу понял, что она его тестирует. Пытается подогнать под «современный момент». Клюфт переспросил в растерянности:

– В какой, такой ситуации?

– Ну, если бы, вам сказали, что вас хотят убить! За то, что вас любит женщина. – Лидия вызывающе смотрела в глаза Павла Сергеевича. – А ее любит мужчина и он хочет вас убить! Вы, как бы поступили? Испугались? Бросили бы эту женщину?

Клюфт рассмеялся.

По-стариковски, задорно и искренне:

– Да, интересная ситуация? А я? Я-то, люблю, ну... ту женщину?

– Без памяти... – выдохнула Скрябина.

– Ну, вот, вы сами и ответили! – всплеснул Клюфт ладонями. – Как можно отступить от того, кого любишь без памяти?! Памяти-то нет!!! А значит... и чувства опасности нет. А значит, главное для тебя тот единственный человек! Вот и все.

– И вас не напугала бы смерть?

– Нет. Да и что есть, лучшего, как говорится, чем умереть за любимую? – старик улыбался. – Это ведь тоже так приятно!

Лидия погрузилась. Было видно, ответ ее расстроил:

– Вы очень интересный человек Павел Сергеевич. Очень! С вами не просто интересно, с вами хорошо. Как-то уютно на душе от ваших мыслей, высказанных вслух. Спасибо вам. И Вилор. Он тоже взял частичку от вас. Он тоже взял, и я только за это вам благодарна...

Старик ее грусти не заметил. Напротив, ему показалось, что он «сумел достойно ответить» молодой и красивой женщине:

– Ну, что вы деточка! Что вы! Вы льстите мне! Старика вводите в искушение! От ваших слов веет лестью обольстительницы! Смотрите Лидия Петровна! Влюбиться у меня еще сил хватит! Есть еще порох в пороховницах!

Лидия улыбнулась:

– Ой! Пожалуйста! Я только рада буду! И у Вилора какой соперник будет! Кстати, Павел Сергеевич, это вы внуку такое имя дали? А?

– Да, был такой грех. Его, мать-то родила, будучи совсем еще девчонкой! Как мне сейчас кажется с высоты прожитых лет. В двадцать четыре. Да и мне тогда сорок пять было. Я, только что вернулся после долгой разлуки. И дочь увидел, когда она уже большая была. Решил на всякий случай назвать внука революционным именем, хоть на дворе и оттепель была, но от советской власти всякого ожидать можно было. Сегодня Хрущев клеймит Сталина, а завтра? Неизвестно что там у них в Кремле на уме было? Вот, чтобы там претензий не было, а так Вилор. Сокращенно – Владимир Ильич Ленин и Октябрьская революция! Кого с таким именем репрессировать будут? Я ж не знал тогда со сталинизмом покончено окончательно?! Да и покончено ли? Я и не знаю право. И вы, вот, наверное, не знаете. Наша страна и наш народ, большая загадка. – Ключфт сказал это с сожалением.

Лидии показалось, что у него в глазах блеснула слеза. Она попыталась смягчить ситуацию:

– Да. Имя, редким получилось, – вздохнула Лидия. – Оно и к лучшему! Правда, он нервничает. Говорит, ему не нравится. А мне так напротив, я к нему привыкла. Даже изюминка, какая-то есть. Вилор Щукин!

Послушался грохот. Где-то в коридоре, звякнула железка. Хлопнула дверь. Лидия вздрогнула. Она с тревогой посмотрела на Ключфта.

Тот улыбнулся, успокаивая ее:

– Это, наверное, Вилор вернулся...

Лидия непроизвольно встала. Она с надеждой и робостью ждала...

Щукин зашел в кухню мрачный как туча. Но, увидев Лидию, замер в нерешительности. Скрябина тоже не знала, как себя вести. Ей так хотелось броситься Вилору на шею и расцеловать, но сделать это в присутствии деда выдавать свои эмоции Лидия стеснялась. Поэтому они так и стояли друг напротив друга.

Ключфт, покачал головой, и тактично отвернувшись, отошел к мойке. Он попытался разрядить повисшее в помещении напряжение нейтральной фразой:

– Привет внучок. Что-то ты мрачен? Неприятности?

Но Щукин не ответил ему. Он, как замороженный смотрел на Лидию и молчал. Скрябина медленно подошла и сухо чмокнула Вилора в щеку.

– Привет! Ты, даже не поздоровался со мной? Что-то случилось?

– Да, ... – грустно буркнул Щукин и больно сжал Лидии руку.

Глава четвертая.

Лидия видела, Вилору сейчас тяжело, он мучается, он наверняка плохо спал. Мешки под глазами, трехдневная щетина. Она всегда чувствовала, когда у него душевный кризис.

Чувствовала и видела.

Но обычно в этом корила его же самого: мол, он много пьет и таскается по ресторанам.

Но сейчас Лидия так не думала.

Она хотела его обнять, обнять и пожалеть.

Вилор показался ей таким беззащитным. Таким ранимым и одиноким. Лидия тяжело вздохнула, они не виделись больше недели, и он так внешне изменился, причем в не лучшую сторону.

А может, она сама изменилась?

Может, действительно, в ней самой произошел тот, внутренний перелом?

«Он позвал деда. Он не может один. Ему плохо от одиночества. Бедный мужик, ему даже некому сварить борща!» – подумала Лидия.

Вилор, открыл холодильник, стесняясь, украдкой достал бутылку водки. Налил себе в стакан и выпил. Ключфт с укоризной посмотрел на внука и покачал головой:

– Ты бы, лучше сел, поел. Я борщ сварил. Как ты любишь...

Вилор отмахнулся.

Он достал блюдце с нарезанным на дольки лимоном, закусив фруктом, кисло поморщился:

– Мне вновь отказали в редакции. Отказали. Сказали, что издавать мою книгу не хотят. Повисла пауза.

Скрябина тяжело вздохнула и молча, подойдя к бутылке, что стояла на столе, убрала ее в шкафчик:

– Теперь, что пить надо как собаке? Так недолго в алкаша превратиться...

– Я, я и так уже и есть алкаш, ... – грустно буркнул Вилор.

– И гордишься этим, – Лидия разозлилась. – Иди Вилор, побрейся. Приведи себя в порядок! Ну, что ты, в конце концов! Вот и Павел Сергеевич переживает! – Лидия, вздохнула и грустно спросила: – Почему? Что не так? Почему они не хотят тебя издавать?

Щукин отмахнулся. Он стал окончательно угрюмым. Достал сигарету, закурил, выпуская дым кольцами в потолок:

– Они считают, что напрасно потратят деньги. Сейчас стихи не в моде. Да и критики в мой адрес полно. Творчество, у меня какое-то странное. Вот и все.

Лидия подвинула табурет и села рядом с Вилором. Она положила ему руку на плечо и погладила по щеке, спросила:

– погоди, Вилор, они же заключили вроде с тобой договор?

– Это был предварительный. Но сейчас от него отказались! – отмахнулся Щукин.

– И, что, нет никакого выхода? – не унималась Скрябина.

Щукин подумал, разведя руками, капризным тоном сказал:

– Они мне предложили роман написать. Мол, имя раскрученное. И можно хороший тираж вылить. И денег собрать. Но надо переквалифицироваться в романисты. И лучше в любовные. Говорят, сейчас любовные романы на пике. Вот, так.

– То есть, как? Ты же поэт? Они что не понимают? – удивилась Лидия.

– Они все понимают. Но им наплевать. Они говорят я плохой поэт. Они говорят стань писателем! Вот и все.

– Но это же, как-то...

– Да, как-то! Ты права! Через одно место! – ответил за нее Щукин.

В разговор вмешался Ключфт:

– Знаешь, что внучок. А я бы назвал им роман написал. Назло! Как, говорится по указу! Вот и все! Плюнь и напиши, – старик решительно встал, подойдя к окну – приоткрыл форточку.

– Дед? Ты, что говоришь? И это ты? Ты такое говоришь? По указу? Ты ведь сам ничего не делал по указу! А мне предлагаешь? Да ты, что?

– Бывают ситуации, когда просто жизненно важно сделать по указу. Что бы сохранить себя. И близких! – Ключфт печально покачал головой.

– Нет, дед. Я не узнаю тебя! Я поэт! Поэт, а не писатель детективов! Поэт понимаешь! Вот, так-то и отвечу я тебе таким:

Жизнь по указу будь она проклята!

Подсказки, инструкции, бюрократизм.

Свобода – экстаз с вырванными нОгтями!

Закон ей палач, врач и ее механизм.

Жизнь для престижа будь она выжжена!

Огнем сотворенья любви и добра,

Чувства бесстыжи, а мысли недвижимы,

Тают в сугробах ласк серебра.
Жизнь без идей, как червивое яблоко,
Упавшее с дерева в мусора кучу,
Отношения людей так полезны и пагубны,
Тут, все по-своему, для каждого случая.
Жизнь ради власти гора из навоза.
Опасна, коварна, как выстрел в затылок!
Успех жизни часть не написанной прозы,
Лежит в тишине не открытых дорог!

Повисла тишина, Лидия покосилась на Павла Сергеевича. Тот кивнул ей головой. Женщина погладила Вилора по спине и ласково спросила:

– Красиво Вилор. Ты недавно это написал?

– Да Лидия. Вот домой ехал и написал.

Клюфт тяжело вздохнул и тихо, с сожалением сказал:

– Бунтарство в тебе хватает, только, вот, смотри Вилор, что бы, это самое бунтарство не затмило остальные качества. Что бы, ты не стал злым и жестоким после этих не удач, старик махнул рукой и медленно направился к выходу.

Лидия и Шукин посмотрели ему вслед, у двери старик обернулся и ласково добавил:

– Не надо, меня не провожайте. Дорогу найду сам! Сам. А вы, тут, поговорите. Я вижу вам это надо. Надо побыть вдвоем, – Клюфт грустно улыбнулся и посмотрел на Лидию. – Лидия Петровна деточка, берегите его. Берегите его мир. Внутренний. Он на грани. Я вижу. Еще немного и он сорвется. Если уже не сорвался. Он может наделать глупостей! Деточка берегите его! Он такой вроде бы сильный и на самом деле ранимый и глупый!

Скрябина благодарно кивнула головой ему в след:

– Я обещаю вам. Я все сделаю.

Старик вышел тихо, словно растворился, где-то там, в коридоре. Дверь еле-еле щелкнула. Вилор, как тигр бросился к Лидии и осыпал ее лицо поцелуями. Скрябина прижалась к нему всем телом, зажмурив глаза, шептала:

– Как я соскучилась! Как, я соскучилась!!

Они, еще долго стояли и, обнявшись, молчали. Лидия не выдержала и заплакала, тихо и как-то нежно.

Без надрыва.

Ей, почему-то стало совсем грустно.

Вилор целовал ей щеки и губы.

Он что-то шептал.

Но Лидия не разобрала его слов.

Сколько прошло времени, они не заметили.

Первой очнулась Скрябина, она отстранилась, смахнув остатки слез с глаз, закурила. Вилор потянулся к бутылке. Он достал ее из шкафчика, налил себе водки и выпил.

Скрябина скривилась и раздраженно бросила:

– Я тебя не узнаю Вилор! Ты в последнее время, стал каким-то жестоким! Вон, деда обидел! Со мной не говоришь нормально?! Пьешь, много! Что случилось? Неужели тебе этот отказ в редакции так душу разворошил?!

Шукин не ответил, лишь опять отмахнулся. Налил себе в тарелку борща, усевшись напротив Лидии, принялся хлебать его ложкой. Она сидела и с любопытством смотрела, как он ест. Вилор оторвался от трапезы, внимательно посмотрел на Скрябину, жуя хлеб, громко спросил:

– А знаешь, кто статью эту, проклятую, написал?!

Но Лидия не удивилась его вопросу.

Она лишь ухмыльнулась.

Скрябина, глубоко затянувшись сигаретой, тихо ответила:

– Ее написал Скрябин... я видела эту статью, когда он ее писал...

– Видела?! И не сказала мне? Почему? – Вилор бросил ложку.

Он с удивлением буравил ее взглядом, пристальным и немного враждебным. Он вдруг засомневался в ее искренности. Она это почувствовала, пожав плечами, грустно добавила:

– Зачем? Он все равно бы ее опубликовал. Она все равно бы вышла. А ты бы дергался. Мог глупостей наделать. Зачем?! Я ради тебя и не стала ничего говорить! Тем более, ты знаешь, что все, что он написал, бред. Это не правда. Это лишь отголоски зависти! Он завидует тебе! Он всегда тебе завидовал. Он просто такой человек. И я ничего с этим не сделаю. И я не виновата, что я его жена.

– Опять твой муж! Опять он?!?! Нет! Все-таки я не напрасно решил! Не напрасно...

– Что не напрасно? Ты, о чем?! – насторожилась Лидия.

Щукин ничего не ответил, хотя она ждала. Вилор встал и налив себе еще водки, выпил, затем принялся мыть в раковине грязную тарелку. Он, орудуя щеточкой, не поворачиваясь, громко спросил:

– Скажи мне лучше, ты бы поехала со мной в Париж? А вот, так?! Не с того, не с сего?! Бросила все и поехала бы? Вдвоем ты и я?! Просто глупо ты и я?! Мы бы гуляли по Елисейским полям! По Конкорду!

Лидия обиделась, она собралась сейчас сказать ему, что «решилась»!

О чем «мучилась всю ночь»!

Все последние дни!

Она «решила» изменить свою жизнь!

А он?!

Он попросту пьет водку и говорит какую-то чепуху?!

Лидия не сказала «главного». Она лишь тяжело вздохнула и покосилась на полупустую бутылку водки, поморщившись, ответила:

– Ты же знаешь это сейчас невозможно. У меня работа. Да и Скрябин. Как ему это сказать?! А потом, на такую поездку нужны деньги. У меня сейчас лишних нет. А у тебя и подавно. Так, что Вилор успокойся и не теш себя этими иллюзиями. Труднее будет вернуться в реальность.

Уже заметно захмелевший Вилор вновь отмахнулся. Вытер руки полотенцем. Раскрасневшийся, он уселся напротив Лидии за стол и, закурив, тяжело дыша, ответил:

– Ерунда! Отговорки! А если я найду денег? Если нам твой Скрябин больше никогда не помешает? Поедешь? Что здесь делать? В это стране? Которая сходит с ума! Которая Достоевскому и Гоголю предпочитает дешевых выскочек, делающих деньги на бульварных романах! Нет, никогда в этой стране не будет порядка! И главное никогда этот народ не будет жить счастливо! Он сам не хочет! Понимаешь! Сам не хочет жить по-человечески! Рожать и воспитывать детей! Не пить водки! Не обижать стариков! Не воровать у инвалидов и сирот! Народ этот не хочет! Что можно ждать, от этого народа? Лидия? Оглянись! Нет! Уезжать, и пока есть возможность бежать отсюда! Так ты поедешь со мной в Париж? И Скрябин твой не помешает, поверь мне, я обещаю!

Лидия напряглась. Она внимательно посмотрела ему в глаза:

– Вилор! Ты меня пугаешь? Найдешь денег, Скрябин не помешает? Ты, что его убьешь, что ли? – ухмыльнулась она.

Он рассмеялся. Противно и раскатисто. Лидия тяжело вздохнула. А он, схватил ее за руку, поцеловав кончики пальцев, ласково спросил:

– А если и так? Ты, что меня меньше любить после этого будешь?!

На этот раз она разозлилась окончательно:

– Вилор! Прекрати! Это уже не смешно! Это уже мне не нравится! Ты меня пугаешь! Напился, так веди себя прилично!

– И все-таки, ты бы стала меня меньше любить, или разлюбила бы совсем, если бы я убил твоего мужа? Скажи, только честно? – он улыбался, словно издеваясь.

– Прошу тебя! Прекрати! Я не могу отвечать на такие вопросы! Ты меня мучаешь! Ты же знаешь, что я тебя люблю и этим, ты пользуешься! Ты жестокий! Ты говоришь такие вещи, от которых мурашки по коже! Народ тебе не нравится! Ты обозлился! Поэт не должен быть злым. Причем тут народ. Причем тут страна, если тебя обидела горстка негодяев? И из-за них ты готов бросить родину? Не правильно это. Не правильно. Нельзя жить в ненависти и обиде. Нельзя жить, желая смерти, пусть даже нехорошим людям. Нельзя желать смерти врагам. И тем более нельзя эту смерть призывать. Правильно дед сказал, ты жестокий! И это страшно!

Щукин отмахнулся. Закурил сигарету. Зажмурился и словно артист в театре сказал громко и раскатисто так, что задрожали тарелки:

– Дед! Слушай ты больше этого идеалиста романтика! Он в лагерях сталинских чуть не подох и всех любить продолжает! Тоже мне, библейский персонаж! А сам за свою жизнь, так ничего и не смог сделать! Ничего! Только вон, хорошие слова, говорить умеет!

У Лидии на глаза навернулись слезы:

– Злой! Ты злой Вилор, я тебя не узнаю.

А он лишь рассмеялся. Противно и цинично. Он не смотрел на нее. Просто хохотал, как будто Лидии рядом не было. Когда этот приступ закончился, он погрузился и как-то обречено буркнул:

– Я сам себя не узнаю. А дед, извини, он конечно человек хороший, но нельзя жить по его советам. Нельзя. Не выживешь, – Вилор покосился в окно. – Кстати, вон дождь, наверное, будет, а старик зонта не взял. Замокнет.

Лидии вновь стало его жалко. Она подошла, обняв его сверху, за плечи, нежно сказала:

– Домой вернется.

– Нет, не вернется. Так и будет сидеть на лавке, пока ты не уйдешь. Он ведь тактичный. Дождь его не испугает. Дождь вообще никого пугать не должен. Дождь, это такое!

Вилор тяжело вздохнул и вновь, покосившись на стекло, тихо добавил:

– Дождь, это слезы природы. Иногда радостные, а иногда грустные...

Вот послушай:

Пока идет дождь

Слышны звуки вчерашнего дня.

Гром словно вождь

Водит племя ночного дождя.

Ночь промокшая птица,

Рассвет не совет ей гнездо

Тень вчерашние лица

День растворяет все зло.

Пока идет дождь

Листья плачут о теплой земле.

Пока идет дождь -

Роса отдается траве

Туман обкуранный странник,

Облака словно стадо овец,

Ветер небесный избранник,

Закат – умирающий свет,

Пока идет дождь.

Лидия молчала. Он пытался рассмотреть эмоции на ее лице. Но Скрябина отвернулась, у нее дрожали руки, он это заметил когда, она достала из пачки очередную сигарету. Долго не могла подкурить, чиркая зажигалкой.

Она нервничала.

И ему вдруг стало стыдно.

Совсем противно и больно!

Он хотел уже извиниться, но тут Лидия, неожиданно и как-то грубо спросила:

– Красивые стихи. Кстати, ко мне твоя знакомая приходила. Виктория. Знаешь такую?

Он испугался, вздрогнул. Она заметила это, хотя и не смотрела в его сторону. Она почувствовала, что он дернулся и засуетился.

– Вика? К тебе? Что ей надо было?! – слегка хриловатым голосом переспросил Вилор.

– Рассказала, как вы иногда весело проводили время. И еще сказала, что убьет меня, если я от тебя не отстану, – с металлом в голосе произнесла Лидия.

Он молчал.

Она ждала, когда он соберется мыслями. Но он долго не мог прийти в себя. Суетился и достал сигарету. Покачивая головой, переспросил:

– Что? Ха, ха. Вот дурочка. Вот дурочка. Девчонка! Надеюсь, ты ей не поверила?

Лидия посмотрела ему в глаза. Растерянность и паника. Он суетится. Он не знает, как себя вести. Он похож в эту секунду на героя-любовника из дешевой пьесы.

Скрябина хмыкнула и лукаво улыбнувшись, добавила:

– Как сказать. Как сказать. Она очень агрессивная была. И я боюсь, что она говорила искренне. Кстати, когда это ты успел с ней роман закрутить? Она сказала, что вы были близки. Ты это сделал, пока я с моим в отпуске, в Испании была?

Вилор опустил глаза. Он тяжело вздохнул и сказал с неохотой:

– Надеюсь, ты меня ревновать не будешь? Или сейчас устроишь сцену? А ты спроси меня, каково мне? Ждать, видеть, как ты мучаешься, живя с этим негодяем. Встречаешься со мной и потом идешь и ложишься с ним в постель! Каково мне? Знаешь, что это такое? Нет, ты не можешь представить, какая эта мука знать, что твоя любимая женщина уходит к другому мужчине, пусть даже и ее законному мужу. Это больно Лидия. Это очень больно. И потом Вика. Она девчонка избалованная. Ей хочется просто чего-то необычного. Она была лишена романтики в детстве. Вот и все. Она загорелась мной. Случайно. Просто на одной из светских вечеринок. Она проникалась моими стихами. Разве я в этом виноват? Разве я виноват, что она влюбилась в меня? Да у нас с ней были мимолетные отношения. Были. Я скрывать не буду. Но я просто пожалел ее. Она влюбилась в меня как дурочка! Мне стало даль девчонку! Просто жаль. Вот я и так поступил. Сейчас поверь, я сам жалею. И все в прошлом. Поверь. Извини, если тебе было неприятно. Я ее больше не увижу. Я так решил.

Лидия обиделась. Она вдруг почувствовала, что ревнует его. И не просто ревнует, а изнывает в злобе к нему и этой молодой и красивой блондинке. Скрябина рассмеялась жестоко и сухо. Это был даже не смех, а какое-то карканье.

Воронье!

Покачивая головой, Лидия, ледяным тоном сказала:

– Да. Пожалел ее. Понятно. Это в твоем репертуаре. Пожалеть значит дать понять женщине, что ты отвечаешь ей взаимностью? Так, по-твоему? Пустить ее в свое сердце, пусть даже и на день. На час, на минуту?! Дать ей надежду?! Надежду любви! А потом просто так раз и растоптать эти чувства. Мол, хватит. Я же пожалел тебя. Словно щенка, погладил за ушком и налил блюдце молока. А потом выбросил этого щенка. Нет, это не жалость. А ты о ней подумал? Как ей сейчас? Она ведь мучается! И я, ее понимаю. Но я и понимаю себя. И тебя. Ты думаешь все так в прошлом. Раз и все разорвал. Нет. Ты не видел ее глаз. Ты не видел ее глаз во время нашего разговора. Как они блестели. Они блестели с такой ненавистью и злобой, от

которой, мне стало страшно. Поверь. Да и боюсь, просто теперь мы от нее не отделаемся. Она напористая. Девица еще та. Кстати кто ее папа?

Он виновато посмотрел на нее. Он увидел, Лидия разозлилась и ей сейчас лучше не грубить. Вилор ответил заискивающим и ласковым тоном:

– Ее Папа депутат Госдумы. Известный человек. Его фамилия Маленький. Смешная, не правда ли?

– Маленький? Это тот самый Маленький? Ну, ты даешь! Ты Вилор совсем с ума сошел! Да, теперь я точно знаю, она от меня не отцепится. И от тебя тоже. Вилор. Ты не понимаешь, что происходит. Не понимаешь. Это надо как-то решать. Угрозы ее вполне реальны!

Щукин понял, она немного остыла. Она больше интересуется девушкой, чем его «чувствами» к ней. И это хорошо. Вилор попытался улыбнуться и разрядить обстановку. Но гримаса на лице, вяло походила на «позитивную»:

– Да брось ты! Она же девчонка еще! Ну, если ты так боишься, хочешь, я сам поговорю с ней?

Лидия и впрямь немного остыла. Она махнула рукой и грустно сказала:

– Уж сделай доброе дело, изъяснись и успокой девочку! И не просто успокой, а встань перед ней на колени и извинись. Я прошу тебя Вилор. Я боюсь, честно говоря. И за себя, и за тебя тоже. Поверь мне, она готова на все. А вообще-то на ее месте я бы тебя убила, а не меня. Шучу. Ладно. Мне надо идти.

Лидия еще хотела добавить, что решила порвать с Валерианом. Но, посмотрев на пьяные глаза Вилора, поняла это «не тот момент». Скрыбина встала, и тяжело вздохнув, обняла Щукина. Тот, попытался ее поцеловать, но Лидия отстранилась. Она грустно улыбнулась, погладив Вилора по щеке, сказала:

– Мне надо идти...

– Ты за этим приходила?

– А ты, как думал? Конечно. Да. Мне нужно было посмотреть на твою реакцию. Сказать тебе, что б ты очнулся, наконец. Узнать, как у тебя дела. Вижу все плохо. Ты действительно... заводил себе молодую любовницу, которая собирается убить меня. Мой муж действительно тебе поставил палки в колеса. Но я хочу исправить ситуацию.

Но Щукин, подумал, она шутит, улыбнувшись, переспросил довольным тоном:

– Кстати насчет Парижа тебе надо подумать. Я не шутил. Я серьезно. Очень серьезно. И у тебя мало времени. От твоего ответа будет зависеть многое. Я жду.

Лидия ничего не ответила. Она повернулась и направилась к выходу. Вилор стоял и смотрел ей вслед. Он даже не попытался ее остановить. Дверь хлопнула как топор гильотины. Щукин поморщился.

Вилор поплелся в свой кабинет. Лениво плюхнулся в кресло и зажмурил глаза. Он долго сидел в тишине. Слушал, как тикают в углу часы. Было одиноко и противно.

Щукин тяжело вздохнул. Он пытался прислушиваться к монотонному шороху маятника. Ловил вялые звуки, напрягая слух, но это не успокаивало. Напротив, тревога и обида грызло сознание.

«Алкоголь, только алкоголь снимает, этот чертов груз. Алкоголиком становятся, не от того что хочется напиться, а от того, что хочется забыться. Какая глупая и убийственная философия! Эдакое оправдание собственной слабости. Или нет?! Или алкоголь – это действительно способ! Способ уйти и этого гнусного и противного мира, куда-то в параллель, забыться. Вот вот оправдания слабого человека! Проще простого, напиться. Напиться или нет. Алкоголь может только спровоцировать. Наделать глупости пьяному проще. Этот чертов папаша, он, он как змей-искуситель прямо. Прямо как библейский персонаж, хм» – Вилор открыл глаза.

Он понял, что ему непременно сейчас нужно выпить. Коньяка или водки. Выпить! Щукин вскочил с кресла и осмотрелся по углам. Бутылка коньяка, словно диверсант торчала за

письменным столом на полу. Вилор улыбнулся. Но шагнуть к ней не успел. Тревожный звонок нарушил тишину этого одиночества.

– Лидия. Она. Она пришла. Нет, я так и знал. Она не уйдет! – Вилор улыбнулся.

Ему вдруг стало приятно. Он нужен. Он нужен людям. Лидии... деду! Он нужен. Щукин радостно прошел к двери. Быстрым движением открыл замок. Скрип пропищал изменником.

В проеме двери стоял незнакомый человек. Мужчина на него смотрел внимательными и добрыми глазами. Гладкая кожа натянута на щеках. Слегка горбатый нос. Безупречно выбритый подбородок и щеки. На незнакомце надет большой нелепый плащ грязно-зеленого цвета. На ногах массивные ботинки с резной подошвой. Вилор внимательно осмотрел непрошеного гостя и удивленно спросил:

– Вам кого?

– Мне нужен Павел Сергеевич Ключфт? Я правильно попал?

Пауза, Щукин тяжело вздохнул и почему-то шире распахнул дверь, словно предлагая незнакомцу войти. Но тот не шелохнулся, ожидая ответа.

– Его нет, он, ушел. По делам. Вы из ЖЭКа, как я понимаю, инспектор что ли? По поводу переоформления? Так к нам уже приходили, я все документы подавал, – Вилор виновато улыбнулся. – Или из Энергонадзора?

– Нет, я не инспектор, я просто, просто его знакомый, – мужчина грустно кивнул головой.

Вилор вдруг стало жалко этого человека. Он неожиданно широко распахнул дверь и махнул рукой:

– Да вы проходите! Подождите! Придет скоро.

Мужчина шагнул решительно. Он не сомневался. Вилора смутило то, что непрошенный гость, не снял свою обувь и плащ, а так и прошел одетым, прямо на кухню. Он вел себя как-то вызывающе уверенно. Сел на табуретку и улыбнулся:

– Вы, я вижу, тут борщ варили? Его Павел Сергеевич варил? – и, не дожидаясь ответа, добавил. – Он всегда любил борщ. Борщ и сало.

– Да, но, – растерялся Вилор. – Быть может, вы есть хотите? Вы, тогда у нас руки мойте, садитесь, я вас угощу...

– О! Нет-нет! Я сыт! Сыт! И руки мыть не буду! Это я так, для разнообразия спросил, – мужчина обвел взглядом кухню.

Вилор стоял и не знал, как себя вести. Ему вдруг стало неловко в присутствии этого странно человека в плаще. Щукин покосился на початую бутылку водки у шкафчика. Ему стало стыдно.

– Вы, его родственник?

– Да, внук.

– Хм, похож и не похож, в тоже время...

– Хм, не понял, – Вилор переминался с ноги на ногу.

Он чувствовал себя школьником перед завучем. От внутреннего дискомфорта горели кончики ушей. Какая-то скованность мешала расслабиться и нормально говорить с этим человеком в грязно-зеленом плаще.

– Я вижу вы меня стесняетесь? Нет, не надо! Я могу уйти, если конечно вы себя совсем плохо чувствуете?!...

– Нет-нет, – Вилор отмахнулся. – Я просто. Вот, – он вновь покосился на бутылку водки.

– Ах! – гость поймал его взгляд. – Вы выпить хотите?! Так пейте! Но я вот не буду. Не пью. Вообще.

Вилор неожиданно шагнул к шкафчику. Он неловким движением налил себе водки и выпил. Вкус спиртного даже не почувствовал, словно в рюмке была обыкновенная вода. Но ему стало легче. Щукин улыбнулся, всплеснув руками, довольно сказал:

– Вы я вижу, давно знакомы с дедом? Я только вас не припомню, вы коллега по работе его? Или просто знакомый?

– Нет, я просто знакомый. Я не коллега. Я работаю в другой сфере. Если так выразится. А вы тоже журналист?

– С чего вы взяли? – опешил Вилор. – Почему журналист?

– Ну, как же, пошли по стопам деда, – незнакомец тяжело вздохнул и улыбнулся.

– Как? Вы что-то путаете, мой дед не был журналистом. Он работал экономистом. Снабженцем. Отправлял спецгрузы в Норильск.

Незнакомец рассмеялся. Он махнул рукой и как-то уверенно добавил:

– Нет, молодой человек, я-то уж точно знаю, ваш дед был журналистом.

Вилор обиделся. Он зло покосился на непрошеного гостя и буркнул:

– Уж извините! Это вы что-то путаете. Мой дед не когда не был журналистом. Я-то уж точно знаю,

Гость вдруг стал серьезным. Он внимательно посмотрел на Щукина и грустно добавил:

– Да? Может быть, может. Хотя я не уверен. Я ведь не видел его давно.

– Как давно? – миролюбиво спросил Вилор и налил себе еще водки.

– Ну, не знаю, несколько десятков лет. В общем, очень давно, – мужчина опять покосился на бутылку водки. – А вы значит сам-то не журналист?

– Нет, с чего вы взяли?

– Да вижу, ошибся...

– Нет, не журналист. Я литератор, поэт...

– О! – удивился мужчина и нахмурился. – Вы поэт? Забавно...

Вилор нервно достал пачку сигарет и подкурил. Он опять разозлился на этого странного человека. Вел себя он не совсем адекватно. Щукин, сощурившись, подозрительно спросил:

– Вы меня извините, конечно. Но я даже не знаю кто вы такой? А то, тут вы меня спрашиваете. А я и не знаю, с кем говорю! Вас, как звать-то? Что-то дед мне не про кого из своих таких, вот, знакомых не рассказывал!

Мужчина стал хмурым. Но через секунду вновь улыбнулся и радостно ответил:

– Меня зовут Иоиль!

– Иоиль? Хм, ну и имя. Это имя?

– Да, а что вас смущает?

– Нет, но, странное какое-то, я где-то его слышал, вот. По-моему, в библейской теме что ли? – пожал плечами Вилор.

– Да, вы не ошиблись. Есть там такое. И я этим горжусь. Ведь я богослов.

– Кто? – удивился Вилор.

– Богослов, а что тут такого?

– Нет, ничего, вот тебе на?! Так, мой дед значит, в секту попал? Вы, из секты что ли? Церкви, какой?

– Нет, не из церкви... – тяжело вздохнул Иоиль.

– Странно. Ладно. Но учтите, узнаю, что вы у деда деньги сосете, выгоню к чертовой матери! С лестницы спущу! Мне еще сектантов не хватало! – решительно и зло сказал Вилор.

Богослов ухмыльнулся. Он всплеснул руками и тихо сказал:

– Странная у вас какая-то реакция. Кстати, вы так и не сказали, как вас зовут?

– Меня? Вилор! – Щукин глубоко затянулся и вновь подозрительно посмотрел на Иоиля. – А вы, вот говорите, что богослов, а зачем же вы пришли к деду-то? Он вроде у меня как в Бога-то не шибко верит. В церковь только на пасху, да на рождество ходит! Да и церковь-то в нашу, православную! У вас-то дело, какое, а?

– Вот вы про мое имя, сказали, что оно странное, а ваше? Вы ваше-то имя вы понимаете?

Вилор смутился:

– Что значит понимаю? Дед мой так меня назвал. И я на него конечно за это очень зол! Назвать человека так Вилор! Надо ж!

– А может, он от души назвал? – Иоиль улыбнулся.

– От души! Сейчас! Он от страха назвал! От страха! Что бы человека с таким именем и тронуть не могли! Вот и все! А он что вам, не говорил, что ли? Если уж вы знакомый его такой хороший? Странно... – подозрительно ухмыльнулся Вилор.

– Да ничего тут странного. Он так и не поверил мне! – Иоиль тяжело вздохнул.

– В чем?

– В слове! В божьем слове!

– Ага! Значит, агитировали его вы?!

– Нет, я ему истины говорил. А вы я вижу тоже в него. Упрямый. Только вот не хорошо, что вино любите. Дед ваш вино-то не уважает.

– Да уж! – Вилор покосился на бутылку. – Так господь вроде вино не запрещает? А?

– Нет, не запрещает. Но и не приветствует увлечение им! На вине можно глупость большую совершить! Вино глумливо, сикера буйна; и всякий увлекающийся ими неразумен!

– Это точно! – вновь тяжело вздохнул Вилор. – Это точно. А вот скажите мне, если вы как, там себя богословом называете, если вот я люблю человека, женщину больше жизни, и вот не могу без нее! И ради нее, что бы она была счастлива, решил другого человека убить?! Который ей не дает быть счастливым, это грех, большой грех? А?

Иоиль внимательно посмотрел на Щукина. Грустно вздохнул и тихо ответил:

– А вы, что, действительно хотите убить?!

– Нет, но, – покраснел Вилор.

Иоиль кивнул головой и спокойно ответил:

– Человеку принадлежат предположение сердца, но от Господа ответ языка. Все пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души! Передай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся. Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем; может поручиться, что он не останется не наказанным. Милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла! Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним! Лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою!

Щукин задумался. Иоиль добродушно улыбнулся и добавил:

– Вы, я вижу, мучаетесь. Если такие вопросы задаете. Это хорошо. Если в человеке есть сомнения, его душа не потеряна! Главное, чтобы вы выбрали правильное решение!

– Да, вижу, говорить вы умеете. Лапшу всякому навешиваете. Словом, владеете. Как сейчас говорят, в теме! И язык подвешен. И все-таки! Вы не ответили! Ушли так сказать! Вопрос видно сложный и даже в библии на него ответа нет! Нет ответа! – Вилор самодовольно вскинул руку вверх.

Иоиль пожал плечами:

– Там есть ответ на все. И не в библии дело. Библию тоже люди писали. Дело в слове Божьем. Потому я и стал богословом! А ответ на ваш вопрос есть. И он гораздо проще, чем вы думаете. Вы завидуете чужой жизни. Пусть даже и несправедной, и не правильной. Но по своему завидуете. А зависть это уже плохо. Пусть даже она благая, так сказать.

– Не понял? Я так вопрос задал! А вы уже ярлыки вешаете! Может, вот я собрался поэму или пьесу написать! А там вот такой сюжет, один человек убивает другого, что бы третий был счастлив! Будет ли считаться это грехом? Ведь он убьет плохого? Он не может смотреть, как этот человек творит зло! Он не может смотреть, как этот человек портит другим жизнь? У него попросту кончилось терпение, ведь Бог почему-то ему не помогает и не карает этого плохого человека? А? Как вам такой вопрос? Просто кончилось терпение?

Иоиль пожал плечами:

– У терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость. Кроткое сердце жизнь для тела, а зависть гниль для костей! Пусть даже она и благая! И еще никогда смерть не может стать благом! Никогда! Пусть даже смерть мерзавца! Человек не может забирать жизнь другого человека! Это не его право!

– Хм, ну тут я готов с вами поспорить! – замахал рукой Вилор. – Вы конечно вещи библейские говорите, но к нынешней нашей мирской жизни они не какого отношения не имеют! Никакого!

Богослов пожал плечами:

– Вы знаете, я почему-то вечно попадаю не вовремя!

– Как это? – удивился Щукин.

– Да так. Однажды я пришел в дом к одному человеку, когда он тоже собирался убить людей. Сразу нескольких людей. Причем он тоже яростно считал, что они враги и могут принести много зла. Хотя убить он хотел их вовсе не физически, а морально! Подписать им, так сказать смертный приговор!

– И что? – Щукин насторожился.

– А ничего. Ничего хорошего потом не получилось. Поэтому я не даю теперь не каких советов. Никаких. По таким вот вопросам. И не спорю больше. Вы сами поймете. Потом.

– Нет, я не понял, что-потом-то было? – с каким-то маниакальным любопытством спросил Вилор. – Он подписал приговор?

– Да, ... – печально вздохнул богослов. – Но сам того, не понимая, он подписал приговор и себе!

– Его, что тоже убили?

– Нет, его не убили. Он остался жить.

– А в чем тогда драма? Я не понял. Почему вы теперь не даете советов?

– Там очень сложно все вышло. И я сам немного виноватым потом считал. Поэтому я и разыскиваю этого человека. Вот и все! Я его больше ведь не видел.

– Хм странный вы какой-то? – Вилор вновь налил себе водки.

Он совсем захмелел. Лицо его покраснело. Богослов с сожалением посмотрел на поэта и покачал головой:

– Мне пора идти. Мне пора. Извините. – Иоиль решительно встал и направился к двери.

– Эй! Эй! Как вас там? Иосиф? Иолий? Подождите! А как же дед? Что мне ему сказать? – Вилор плелся за гостем неуверенной походкой.

Но человек в длинном грязно зеленом плаще не остановился и даже не обернулся. Он лишь на мгновение задержался, открывая входную дверь и через мгновение, исчез в пустоте коридорного проема.

Вилор вздрогнул, когда клацнул замок. Он остался один в полутемной прихожей и тупо смотрел на закрытую дверь.

– И чего приходил? – спросил он сам у себя пьяным голосом. – Ходят, тут говорят вещи такие красивые! Аж, страшно становится! Все умные такие, чистенькие! Все норовят поучить, наставить так, сказать! А я вот такой! Такой вот я! Но таким меня никто любить не хочет! Все любят, с какими-то оговорками! А в любви оговорки не бывает!

Глава пятая.

– Вика я не пойму? Что происходит? А? Вика! Это уже не смешно и не экстравагантно даже! Ты начинаешь не то, что высасывать и вытягивать мои нервы, а еще и лишать меня разума! – Леонид Маленький отчитывал свою дочь жестко и немного грубо.

Раньше он себе такого не позволял. На свою любимицу тона даже не повышал. Если и ругался, то все как-то очень сдержанно, словно шутя. Но тут, его прорвало. Он не мог сдерживать эмоций! Леонид не узнавал себя! Он кричал и топал ногами, потеряв контроль над собой.

– Ты меня просила открыть свой бизнес? А? Помнишь, умоляла: папочка я буду заниматься туризмом? Открой мне фирму? Ну? Открыл? И что? Аренда в центре! Куча персонала, а ты? Ты там в последнее время даже не появляешься! Все бросила на самотек! Куча долгов! Куча претензий от клиентов! И все мне тыкают! Мне, потому как фамилия у тебя, солидная для Красноярска! Маленькая! Маленький это фамилия! Это брэнд, который нельзя разрушать! А ты? ты превращаешь нашу фамилию в шутовство! – Маленький тяжело дышал. – Ты стала обычной вертихвосткой, у которой на уме только фитнес салоны, солярии и ночные клубы! Попойки устраиваешь в нашем загородном доме! Соседи, уважаемые люди, жалуются, твои друзья пьяные мочатся им в щель забора! Просто ради смеха! А соседи у нас бизнесмены, солидные, уважаемые! Солидные люди!

– Не все бизнесмены солидные, приличные люди, – робко буркнула Виктория, не поднимая глаз.

Ее замечание еще больше завело отца. Он вновь затопал ногами и заорал еще сильнее:

– А вот это уж не тебе решать! Не тебе ярлыки вешать! Не тебе! Ты то, сама, что в жизни добилась? А? Все на готовеньком, все я тебе дал? А? Все пользуешь? А сама-то? Сама? Почему ты так относишься к моим стараниям? Почему? Я разве заслужил это?!!

Виктория зло посмотрела на этого невысокого, коренастого человека, который был ее отцом. Она вдруг поймала себя на мысли, что в эту секунду, именно сейчас ненавидит его. Она никогда раньше такого даже представить на мгновение не могла?! А, тут?! Вика разглядывала черты близкого и родного существа и боялась! Боялась своих мыслей! Округлое лицо, большие глаза и тонкие губы, они светились ненавистью! Они вдруг стали чужими в одно мгновение!

Вообще-то Вика обожала своего отца. Он был ей больше чем родитель. Он был ей всем! Или почти всем! Десять лет назад, в смутные годы горбачевской перестройки нелепо и как-то несуразно погибла ее мать и его жена! Разбилась в авиакатастрофе. Страх и шок! Пропасть и пустота! Десятилетняя девчонка вдруг ощутила, что все кончилось в ее жизни, так и не начавшись! Никогда она больше не будет счастлива в этом мире, так ей казалось тогда! Ведь ее отец Леонид Маленький, должен был сделать почти невозможное, дать любовь ее мамочки! Все понимали, что это никогда не произойдет. И ошиблись. Ее отец сделал все, чтобы Вика смогла пережить эту кошмарную утрату!

Леонид Маленький сделал почти это невозможное! Этот вроде бы обычный серенький на первый взгляд человек, рядовой советский радиоинженер, который никогда воспитанием дочери то и не занимался, преобразился в заботливого и любящего отца! Да еще какого?!

Леонид ушел со своего оборонного завода, на котором проработал пятнадцать лет и занялся бизнесом! Время было лихое и надо было как-то решать финансовое обеспечение семьи! Маленький варил джинсы, продавал пиратские аудиокассеты, занимался производством подпольной водки и торговал ломом цветного металла! В общем, Леонид Маленький прошел весь этот «страшный» путь становления «новорусского» предпринимателя, чтобы сделать детство и юность своей дочери счастливой! Что бы дать ей все! Лишь бы она его любимый и дорогой человек, ни в чем не нуждалась!

Были тут и взлеты были и падения, но все же! Маленький выжил в этой борьбе и стал солидным по нынешним меркам бизнесменом и уважаемым в политических и властных кругах человеком. Он заводил нужные знакомства и давал, если надо взятки, деньгами не скупился. И это приносило свои плоды. Но главное, Леонид Маленький умел договариваться! Он, был компромиссным человеком и, это особенно помогло ему выжить в начале «беспредельных девяностых» когда практически всех его конкурентов и партнеров отстрелили бандиты и рэкетеры.

Леонид Маленький был «гением переговоров». Он умел находить точки соприкосновения с любым человеком. Конечно, Вика подозревала, что отец связан и с криминалом и бандитами, но кто из его когорты в те времена не являлся с туполобыми, коротко стриженными здоровяками, с толстыми шеями и бицепсами в три обхвата! Такова уж была жестокая реальность, да и мода той пусть и короткой эпохи. И частенько в его окружении, она встречала: очень мрачных типов в бардовых пиджаках, с толстыми золотыми цепями на груди, угрюмых сухолицых, золотозубых уголовников, с синими, от наколок, руками и пальцами, дерзких и пошло-ватого-циничных милиционеров с ехидными улыбками продажных ментов! Они все крутились вокруг ее отца, как пчелы над медом. И он извлекал свою выгоду этих неприятных знакомств и тусовок. И извлек! Главное он остался жив! Жив и не потерял свой бизнес! Напротив, во многом приумножив его! Вошел в совет директоров крупного металлургического комбината!

И вот пик карьеры, на последних выборах Леонид Маленький смог стать депутатом Государственной думы! Сколько денег ушло у него на то, чтобы попасть в списки одной солидной партии никто не знал, но сам Маленький уверял, он все отработает, получив корочки народного избранника.

Сам Леонид Маленький не раз говорил, ему дан это дар переговорщик от отца, Викиного деда! От него Андрона Маленького ему достался аналитический склад ума, а главное реакция предчувствия неприятностей, как ее сам называл Леонид.

И Вика и те, кто хоть раз столкнулся с отцом Леонида Маленького, в это верили!

И все это Леонид делал ради нее, своей дочери! И она это чувствовала. Сначала конечно, будучи девчонкой, еще не совсем понимала, что когда-то, потом отец потребует за эту любовь расплату!

Он потребует за всю его затраченную энергию ответной реакции покорности и послушания! Она не могла догадываться, что ее папа станет просить быть его собственностью! Возомнит, что она обязана ему заплатить обратной жертвой своей судьбой, которую он вправе вершить и лепить, словно пластилиновую игрушку!

– Вика прошу тебя, ты должна меня послушать! Послушать! Я уже со всем договорился! Ты восстанавливаешься в университете! И продолжаешь учиться!

– Папа! Я же тебе сказала тогда, когда бросила университет год назад! Я не хочу учиться на юриста! Не хочу! И не буду!

Маленький тяжело вздохнул. Он немного устал от эмоциональной речи. Он уселся в большое кресло напротив дочки и немного растерянно посмотрел на ее скомканную фигурку. Ему вдруг стало ее жалко. Вика сжалась, как осенний листок, сморщилась и поджав под себя ноги, выглядела совсем одинокой и незащищенной. Леонид закрыл глаза и массажировал лоб ладонями, затем грустно и ласково спросил:

– А на кого, на кого ты хочешь учиться?

Вика покосилась на отца. Она виновато смотрела на родителя и молча сопела, не спеша с ответом.

– Я не слышу дочка, на кого?! Сейчас юристы, более нужны! Я уже со всем договорился! Я уже сделал так, что ты пойдешь не на второй курс, а уж сразу на третий! Чего уж год терять то? А потом у меня есть хорошая адвокатская конторка, там тебя возьмут на стажировку, натаскают. А ты, опять. Ну, на кого ты хочешь? А? Дочь?

– Пап, я уже тебе говорила...

– Нет, дочь. Того разговора не было. Так не будет! Ты пойдешь либо на юриста, либо уж на финансиста! Или в крайнем случае, на психолога! И все! больше пока в стране нет никаких перспективных профессий!

Вика хмыкнула носом и тихо, но упрямо возразила:

– Я сказала тебе. Я хочу учиться на актрису в институте театра и кино. Или туда или никуда!

Маленький молчал. Вика видела, как в напряжении заходили его желваки. Леонид не открывая глаз, откинулся назад на спинку кресла, вытянув ноги, вяло и как-то жалобно пробубнил:

– Дочь, налей мне там, коньяка хорошего!

Вика удивленно посмотрела на отца:

– Пап, ты же вроде не пьешь? Вообще!

Маленький обречено махнул рукой:

– С тобой тут будешь трезвенником?! Налей!

Вика соскочила с кресла и бросилась к бару, что стоял в углу огромной гостиной. Она так хотела сейчас угодить. Вика знала, раз отец, так резко сменил тон, он не злится, а лишь переживает. Он расстроен и хочет по душам поговорить. Он хочет общения. Простого человеческого общения.

Леонид сидел, потягивая, из толстопузого бокала, темный, похожий цветом на кофе, коньяк. Он внимательно смотрел на дочь. Она ежилась и виновато, словно собачонка, улыбалась. Леонид тяжело вздохнул, подняв посудину вверх, попытался рассмотреть коньяк в свете люстры. Он встряхнул бокал, сощурившись, разочарованно опустил его, припал к стеклу губами. Вика ждала. Она не хотела его торопить. Она знала, это бессмысленно вызовет только раздражение. Пусть созреет сам! И он созрел, тихо сказал:

– Понимаешь дочь! Человек вообще не всегда занимается тем, чем хочет! Он вообще занимается черт, знает, чем, но не любимым делом! И лишь единицы могут и имеют право заниматься тем, чем хотят! Тем, что приносит им удовлетворение! Но это очень редко происходит! Очень редко! Понимаешь, дочь! – глаза у Леонида заблестели.

Алкоголь слегка расслабил напряжение голоса. Он повысил тембр.

– В нашей стране вообще с этим проблема! Тем боле сейчас! Нам, нашему быдлу, не нужны: ни художники, ни актрисы, нам нужны юристы и финансисты! Нам нужны те, кто делает деньги! Потому, как наша нация сошла с ума! Она хочет зарабатывать бабки! Просто и цинично! Причем нередко ничего не делая! Зарабатывать бабки и тратить их! И большинству плевать, как?! Как их зарабатывать?! И выжить в этом страшном стаде очень трудно! Идти против этого полчища жадных и чванливых баранов очень трудно! Очень! Поэтому и приходится двигаться в этом потоке, подгоняя этих самых баранов, что бы они тебя ненароком не затоптали!

– Но это ведь неправильно папа! Так ведь не должно быть! – на глаза Вики навернулись слезы.

– Да дочь, да! Но, ни я, ни ты, не в силах повернуть это стадо! С этим нам придется смириться! И смиряться! Думаешь, мне, дипломированному радиоинженеру, охота заниматься всем этим? Да нет! Но, что я буду делать по своей специальности?! Быть нищим! Спиваться? Уморить себя и тебя? Потому как, наше государство маленьким и честным, подобным радиоинженерам, ничего и дать не может!!! Потому что нашему сраному государству вообще наплевать на маленького человека! Потому, что у нас, человек – это пылинка! Пыль под ногами! Понимаешь Вика?!!! Пыль!!! Вот поэтому, моя девочка, я и хочу, чтобы ты, стала: или юристом, или финансистом! Что бы ты смогла эту пыль, когда надо собирать, на совок, а не сама, в конце концов, оказаться под чьей-то метлой!

Вика заплакала. Она плакала почти беззвучно. Лишь плечи слегка дергались от рыданий, да горячие слезы катились, обжигая щеки.

– Дочь, пойми. Мы живем в стране негодяев! Где каждый должен сам не произвольно стать негодяем! А иначе другие негодяи попросту его сожрут! Поэтому дочь я прошу тебя стать юристом! Прошу!

– Нет, пап, ты просишь стать меня негодяем, вернее негодяйкой!

Леонид тяжело вздохнул, махнув рукой, грустно ответил:

– Пусть будет так, пусть. Назови это жестоким и подлым решением. Но это окончательное решение. Окончательно. Я не позволю тебе даже думать об этом чертовом искусстве! О театре! Забудь!

Вика смахнула слезу. Она не обиделась. Нет! Она была к этому готова.

Леонид печально рассматривал ее фигурку и потягивал коньяк. Они так и молчали несколько минут, боясь произнести и звук, словно ожидая, что первое сказанное слово станет больше похоже на ультиматум, нежели на повод к примирению.

Вика как-то картинно хлопнула в ладоши. Она, не поднимая глаз, решительно спросила:

– Хорошо, если я выполню твои требования папа? Ты ведь, тоже можешь пойти мне на уступки?

Леонид довольно улыбнулся и кивнул головой. Хотя внутренне он насторожился. Такие заявления обычно его партнеры по переговорам делали, когда хотели попросить седлать его что-то либо невыполнимое, либо очень глупое. Толкали его на неверный шаг. Маленький сделал мелкий глоток коньяка и прищурившись, тихо выдавил из себя:

– Конечно, можешь, если эти уступки будут адекватны условиям, или наоборот.

– Значит, мы можем заключить с тобой, эдакое джентльменское соглашение?

– Ну, джентльменское это вряд ли, поскольку, ты, все-таки дама. А вот соглашение, или как говорится, подписать договор о намерениях можем!

– Нет, договор о намерениях – это пустая бумажка, а я хочу твоих гарантий! Чтобы ты дал мне свое слово в ответ на мою клятву стать юристом! – Вика улыбнулась.

Леонид рассмеялся. Он всегда радовался, когда его дочь улыбалась, вот так, лукаво и заискивающе! Он был просто без ума, когда она пыталась у него что-то выпросить. Ведь в эти мгновения он понимал, он ей нужен, очень нужен! И она не может без него! И она знает это, и она его любит! Пусть вот так, выпрашивая всякие мелочи! Всякие побрякушки и безделушки!

Вика моргала глазками, как школьница, которая получила двойку:

– Пап, я стану юристом, но за это, за это... ты позволишь выйти замуж! Я хочу замуж пап...

Леонид погрузился в одно мгновение. Он стал мрачным как туча. Одним глотком допил коньяк, поджав губы, резким движением поставил бокал на пол.

– Пап, ты же не будешь, мне это запрещать! Мне уже двадцать четыре будет! Я большая девочка! Ведь когда-то я должна выйти замуж? А? Пап? – Вика быстро и как-то скомкано бормотала, оправдываясь и в тоже время, смущаясь своих слов.

Маленький откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Какой-то опустошенный взгляд и безразличие. Отрешенность к происходящему. Он словно упорхнул от нее в другое пространство. Она почувствовала это огромное расстояние и вновь робко и тихо спросила:

– Пап, ты ведь не будешь против моей свадьбы?!

Маленький грустно ухмыльнулся:

– Ты уже, так вот быстро все решила? – он спросил спокойно, словно она собиралась подстричься.

– Да... – Вика, сжав кулачки, виновато улыбалась.

– Да?!... Странно как-то все у тебя. Дочка.

– Почему странно? Мы просто любим, друг друга вот и все! Мы хотим жить вместе.

– Понятно. Только все как-то очень просто получается. Замуж, выйти, дочь, это ведь перелом в судьбе. Это все очень эпохально для человека! А ты, вот разменять свое замужество хочешь, как карты в преферанс. Пойду в юристы, за это и замуж отпусти!

– Да, но ты же сам учил извлекать выгоду даже из поражения?! Ты все равно от меня не отстанешь! И не позволишь учиться на актрису! А я так хочу! Так, вот тут я хоть так себе найду утешение.

– Ну и кто он? – Маленький пристально взглянул на дочь.

– Он очень хороший человек! Он очень известный человек! Он такой! Такой! Он тебе понравится! Он очень коммуникабельный! Он лапочка! – заворковала Вика.

Маленький отмахнулся от нее как от надоедливой мухи:

– Он кто? Кем работает-то?

– Он, пап, понимаешь он поэт... он литератор! Он пишет стихи и позу, и пьесы! Но больше стихи! Он поэт!

Маленький насупился. Он, не вздрогнул, не погрузнел, ни один мускул на его лице не дернулся. Леонид лишь сурово и как показалось Вике, безжалостно смотрел на нее и мочал.

– Ты, папа, ты не против? Ты я вижу, как-то не отреагировал даже...

– А, что мне реагировать?! Тебе жить с ним. Не мне.

– Так значит, значит, ты не против? – радостно взвизгнула Вика и захлопала в ладоши.

Маленький грустно улыбнулся, скорее даже оскалился и спокойно и сурово ответил:

– Нет, не против, я. Пусть будет так, как будет. Пусть будет так, как решила судьба.

– Папочка! Папочка! Ты лучший! – Вика кинулась к Леониду на шею.

Она осыпала его поцелуями и ворошила руками его волосы. Он тяжело вздохнул тактично и ласково, но решительно, от нее отстранился:

– Ты, хоть меня держи в курсе, прежде чем вот такие решения выдаешь! Мне не нравится, что ты вот такие сюрпризы преподносишь! Это не верно. Кстати вы, что уже с ним подали заявление в ЗАГС?

– Нет, нет, я, вот, тебе сказала! Я тебе первому сказала! Вот, и ничего тут нет неожиданного! Ты первый папа узнал!

– Как это первый? Он что, твой избранник, не в курсе? Что ты за него замуж собралась?

– Он, он еще нет! Я ему сама скажу! Но он поверь, папа, не против, будет! Будет рад! Он такой милый! Папа! Я его так люблю!

– Ну-ну, – тяжело вздохнул Леонид.

Он опустил глаза взгляд в пол, словно не хотел смотреть в глаза дочери.

– А, что ты не спросишь, как его зовут?

– Да и не знаю,... – выдал из себя Маленький.

– У него, очень чудное имя! Какое-то, правда коммунистическое! Вилор! Очень редкое имя! Он Вилор! А я буду Щукиной! Он Щукин! И я буду Щукиной!

– Нет, это перебор дочь. Ты будешь Маленькой. Фамилию-то, мою, уж оставь, – грустно буркнул Леонид. – А, впрочем, как хочешь! Поступай, как знаешь!

– Спасибо пап!

– Да мне-то, еще рано спасибо говорить. А вот когда распишешься так и скажешь! А то вдруг, твой, как там его, Вилор, убежит от тебя и свадьбы не будет? А?

– Ты, о чем папа? – насторожилась Вика.

– Да нет так, так! Конечно дочка, конечно и свадьбу устроим! Сам займусь! А сейчас – Маленький, встал с кресла, потянувшись, хлопнул в ладоши. – Я хочу попросить тебя об одном одолжении!

– Проси пап! – Вика заулыбалась и схватила отца за ладонь.

– Дед, что-то сегодня загулялся. Ты, пойдешь, его в парке найди! Он, как всегда, наверное, на всей скамейке заснул! Стыдно! Не отправлять же, мне, за ним, своих парней? Отец не любит. А ты, вон, сходи, приведи его. Старику надо и лекарства принимать и вообще! Хватит по улице шляться! Уж восемьдесят четыре! Не дай Бог, что!

– Хорошо папочка, хорошо! – Виктория вскочила с кресла, чмокнув Леонида в щеку, выбежала из комнаты.

Он еще минуты две смотрел на проем в коридоре, дождавшись, когда хлопнет входная дверь, медленно подошел к столику, на котором стоял телефон. Маленький осторожно, словно

боясь разбудить кого-то неведомого в комнате, снял трубку и через несколько секунд тихо сказал:

– Алло, это я. Ты мне нужен. Нужно срочно встретиться. Разговор есть. И работа... срочно! Это очень важно! Я тебя прошу, приезжай!

«Нет, он поймет меня! Он поймет и полюбит его! Он не может не полюбить! Он такой злой и неприступный лишь с виду! А в душе, в душе он добрый и даже несчастный! Нет! Он поймет меня! Мой папа замечательный человек!» – Вика давилась своими радостными мыслями.

Она не ожидала такого развития событий. Вика готовилась к скандалу! А тут, тут отец так легко ей уступил! Учиться на юрфаке, какая ерунда! Ради того, что теперь она может делать, что хочет, можно и потерпеть этот нудный университет! Ходить на лекции, слушать профессоров и доцентов, да пусть, пусть! Она ведь может, может все это перетерпеть! Она теперь должна все это перетерпеть! Ведь отец пообещал ей свободу! Он разрешил ей сделать выбор! Пусть такой, но выбор!

Вика бежала по ступенькам коридора, как первоклассница, перепрыгивая пролет в три, четыре прыжка. Она выскочила на улицу и кинулась в сторону парка. Яркое солнце еще добавило радости! Голубое небо, облака и теплый воздух! Что надо человеку для счастья? Хорошая новость, надежда и вера! Вера в будущее!

«Нет, нет, я не отдам его не кому! Но кому, кому он нужен! Он ведь пропадет! Он не может жить один! Это он с виду только пижонистый, а в душе. В душе он несчастный и одинокий человек! Мой! Мой, человек! Вилор! Виля! Как приятно будет называть его так – Виля! Утром просить его, что бы он принес мне кофе в постель! Нет, он не понесет кофе в постель! Ну и к черту! Путь не несет кофе! Я сама принесу ему кофе! А он, он пусть, пусть пишет стихи! Он напишет их много! И мне, он обязательно посвятит мне стихи! И пусть, пусть потом все знают, у знаменитого поэта Вилора Щукина, была любимая женщина Виктория! Его судьба и победа! Победа!»

Вика перебежала через дорогу. Она не обращала на надрывистые сигналы автомобилей! Водители противно пищали ей в след, словно заставляя свои машины ругаться, на ее безрасудную пробежку по проезжей части!

Вика перепрыгнула через небольшой железный заборчик и оказалась у входа в центральный парк отдыха. Она на ходу сунула десятку, в руку вахтерши, что стояла у железной вертушки и проскользнув мимо грузной тетки, очутилась на центральной аллее городского парка. Поглазев по сторонам, она пошла уверенной походкой вправо, потому как знала, куда идти и где искать деда!

Городской центральный парк, для нее был не просто знакомым местом. Он был частью ее детства. Вика выросла рядом с центральным парком. И с самого раннего детства, она гуляла там, играла и пряталась. Когда ее ругали родители, Вика убегала в аллеи и лабиринт парка и терялась там, на час другой. Когда она играла с ребятами по двору, то тоже укрывалась в зеленых гущах и дорожках парках. Эта любовь к парку, у Вики была семейная. Мало того, что дом, в котором она родилась и выросла, стоял рядом с парком так еще и ее отец, и дед тоже были ярыми поклонниками погулять по маленькому ухоженному уголку природы в центре города.

Особенно дед! Он мог часами ходить с ней и рассказывая странные истории, больше похожие на сказки и нередко пугая ее неожиданными и страшно-торчащими ветвями деревьев, у самых бордюров дорожек и аллей.

Дед! Этот особый и уникальный человек в ее жизни! Дед лучший друг и защитник, а нередко и помощник во всех горестях и трудностях девичьей судьбы! Андрон Кузьмич Маленький, был человеком, которому Виктория верила, как самой себе. Сухой и высокий он немного напоминал ей артиста Кадочников из фильма «Десять негрят». Большие роговые очки, так

увеличивали глаза, что делали его взгляд пронзительно выразительным и внимательным. Морщинистый лоб и совсем, белые седые волосы, аккуратно подстриженные под полубокс. Слегка желтоватая кожа и нелепо белые для восьмидесяти летнего старика вставные фарфоровые зубы.

Странно, но такого как сейчас деда, вернее его образ, Вика помнила всегда. Ей, уже двадцатилетней девушке почему-то казалось, что Андрон Кузьмич всегда был бодрым, высоким стариком, со слегка сутуловатой фигурой и вальяжно сдержанными кошачьими повадками. Она даже не могла представить его молодым.

Дед был человеком сюрпризом, он мог пошутить так, что становилось страшно и напротив, сказать кошмарную новость так, что она превращались в легкую веселую историю.

О том, кем работал дед, до того, как вышел на пенсию, Вика лишь догадывалась. Отец говорил, что он был следователем по особо важным делам в прокуратуре, сам же Андрон Кузьмич распространяться, на эту тему не желал и вспоминал о своих молодых годах не охотно. И все же иногда в его речи проскакивали слова о «серьезной и секретной работе в очень влиятельной силовой государственной структуре». Из всего этого Виктория и делала вывод, что ее дед раньше был сотрудником секретных служб.

Андрон Кузьмич любил одевать свой строго-серый костюм с маленьким золотым значком на лацкане. Издали он был похож на обычную блестящую пуговицу. Но если рассмотреть поближе, то на золотом кругляшке можно было увидеть щит и меч в лавровом венке. Андрон Кузьмич очень дорожил этим значком и всегда бережно его отстегивал, когда костюм отдавали в прачечную или химчистку.

Виктории нравилась некая таинственность в прошлом Андрона Кузьмича, ее забавляло, когда порой дед, так неуклюже играл в «ветерана-разведчика» разбавляя свои байки, какими-то терминами: из шпионских, нелепых романов и фильмов. Она понимала, дед на закате своей жизни тоже играет в важного и значимого для общества человека.

Вика уверенно шла на дальнюю аллею. Она знала, сейчас дед сидит в беседке, что стояла на берегу Енисея. Это был его любимое место. Оттуда открывался фантастический вид на великую сибирскую реку и природу на противоположенном берегу.

Синие горы и светло-лазурное небо. Вот-вот начнется закат. Сумрак еще не опустился, но он уже готов подкрасться, чтобы властвовать над землей. Облака светились, красно-багровым цветом. Солнце устало садилось. Медленно и не спеша, опускалось за сопку на западе. Длинные, нелепые тени от прохожих и деревьев, растянулись по асфальту аллеи.

Вика всматривалась в силуэт беседки. Она медленно надвигалась из-за зелени кустов. Там под полукруглой крышей сидел человек. Это был дед. Она знала это он...

Но через пару шагов Вика вдруг испугалась. За силуэт деда она приняла фигуру молодой женщины, вернее девушки. Красивой и немного странно одетой. Незнакомка, сидела запрокинув ногу на ногу. Они были длинные и стройные в обтягивающих кожаных штанах. Черная, тоже кожаная куртка кокетливо расстегнута наполовину. Темная блузка, тоже расхлестнулась в глубоком вырезе, оголив красивые, полные груди.

Виктория осторожно подошла ближе, замедлив шаг, переступила порог беседки. Девушка не обратила на нее внимание. Она смотрела куда-то вдаль: на Енисей или на темно синие горы на том берегу.

Вика застыла в нерешительности каком-то тревожном замешательстве. Она непроизвольно вглядывалась в черты красоты. Черные, как смоль волосы, красиво заколоты на затылке длинной серебряной спицей. Она, как маленькая стрела, пронзила прическу, блестела в лучах закатного солнца. Узкие брови в разлет. Ярко-алые губы не казались пухлыми. Тонкий аккуратный носик и большие, карие глаза.

Вика растерянно осмотрелась по сторонам и устало села на скамейку. Девушка в кожаном одеянии покосилась на нее и приветливо улыбнулась:

– Вы кого-то ищите?

– Да... – выдавила из себя Вика.

– Понятно. Мы все, кого-нибудь, ищем...

– Вы, вы тут человека не видели? Такой седой мужчина, высокий, – боязливо и виновато, спросила Виктория.

Девушка пожала плечами и ухмыльнулась. Она оценивающе: с головы до ног, окинула взглядом Викторию и хмыкнула:

– Он вам кто? Отец?

– Нет, дед,... – словно заморожено даже не понимая, почему она должна отвечать, буркнула Вика.

– А понятно. Ух уж эти старики! С ними столько мороки! Ходят. Бродят, что ищут... да, я знаю, что они ищут...

– Так вы видели?

– Да видела.

– А куда он пошел? – взволнованно спросила Вика.

– Хм, куда, ему одиночество нужно. Одиночество. Вот он и мучается! Это видно сразу.

– Вы, кто такая? – взвизгнула Вика. – Что вы себе позволяете?

– Я? – удивилась, но не обиделась на ее окрик девушка. – Я ничего не позволяю. А вы? Вы что хотите?

– Я хочу своего деда найти! Понимаете? – Вике вдруг стало страшно.

Она вдруг почувствовала какое-то паническое чувство незащитности и обреченности. Но тут девушка ее успокоила, она, равнодушно пожав плечами, отвернулась от Вики и каким-то радостным и беспечным тоном сказала:

– Да вон туда ваш дед пошел. Туда! Он хотел минералки купить. Кстати и меня угостить обещал! К ларьку он пошел! – девушка ткнула в глубину аллеи своим острым и длинным ноготком, покрашенный бардовым лаком.

Вика почему-то успела рассмотреть этот цвет. Ноготь, как вспышка мелькнул у нее перед глазами. Виктория вскочила с лавки и кинулась в указанном красоткой направлении.

Она бежала по дорожке. Она боялась опоздать. Страх, не ведомый ей ранее страх, опасности за близкого, овладел разумом.

«Дед! Он ведь такой старый! Дед! Него ведь большое сердце! А что если?!... А что?!!» – Вика давилась страшными предчувствиями.

Она неслась по дорожке к торговым ларькам, что стояли невдалеке. Там мелькнул силуэт человека. Еще один. Наконец Вика на ходу смогла рассмотреть женщину в белом халате!

«Врач! Врач, они, уже вызвали врача! Нет! Господи только не это!» – слезы прыснули из глаз. Маленькая обречено и как-то обессилено заплакала.

Дверь павильона она рванула с такой силой, что на мгновение показалось, она оторвала ручку. Еще шаг и Вика налетела на человека! Она наступила ему на ногу и сильно толкнула в грудь! Мужчина вскрикнул, и чуть было не упал. Вика, подняла глаза, это был ее дед! Андрон Кузьмич Маленький! Лицо его скривилось от боли. Хотя старик попытался из себя выдавить улыбку.

– Девушка! Вы что с ума сошли! Вы же мужчину чуть не сбили! Вот дает! – заверещала продавец за прилавком.

Здоровенная тетка с ярко рыжей шевелюрой, подстриженной под мальчика таращилась на нее грязно покрашенными глазами, с разводами, более похожими на татуировку индейцев.

– Викуся! Ты, что родная? – Андрон Кузьмич схватил Вику за плечи.

Из его руки выпала пластмассовая бутылка с минералкой. Вода, зашипев, словно артиллерийское ядро девятнадцатого века, закрутилось по полу. Вика тяжело дыша нелепо посмотрела на бутылку, упав на грудь к деду забила в рыданиях!

– Что случилось деточка? Что случилось! – испуганно причитал Маленький.

Старик, нежно обняв внучку, гладил ее по спине. Продавец виновато вздохнула и отвела взгляд.

Вика плакала не долго. Уже через пару секунд она улыбнулась, посмотрев деду в глаза, смахнула со щек слезы. Маленький нежно погладил девушку по щеке, кряхтя наклонился, подняв бутылку с пола. Вика бросилась ему помогать. Она неосторожно опустилась на колени...

Они медленно шли по аллее. Вика взяла деда под ручку и положила ему голову на плечо. Он нежно бормотал ей:

– Внученька, ты, почему-то считаешь меня таким беззащитным, почему-то... спасибо конечно... спасибо за заботу! Но! Да я разменял девятый десяток! Но и что? Я еще вполне бодрый старичок! И фору могу дать любым молодцам! Женихам твоим! Понятно? А ты, ты вдруг продумала, что я упал тут! Умираю! Да я если умирать буду, обязательно тебя перед этим тебя позову! Что бы простится! Только вот это не скоро будет! Я еще своих правнуков посмотреть хочу! Внуков сына и детей твоих! А ты! списываешь меня раньше времени! Нет, доченька, нет внученька...

– Ой, не знаю дед! Раньше такого никогда со мной не было! Я конечно переживала. Переживала, но тут так испугалась! Так испугалась! Я видела тут женщина в белом халате ходила! Подумала врач! Подумала скорая приехала за тобой! Вот! – Вика нежно поцеловала деда в щеку.

Тот улыбнулся. Было видно, что старику приятно. Он тяжело вздохнул и ласково сказал:

– Ой! Доченька внученька! Это была ведь продавец мороженого! Она всегда в халате белом! Форма у нее такая! И чепчик еще! А ты? Нет, нет, не надо. Да и не стоит так бояться! Не стоит! Смерти не надо бояться... – Маленький, погрузнев, вновь тяжело вздохнул и как-то загадочно добавил. – От нее ведь все равно не уйдешь. От нее вообще не надо бегать!

– Дед! Не говори так! Что теперь ждать эту тетку с косой? А? Да нет, с ней надо бороться! А если так вот безвольно рассуждать так ничего хорошего не будет!

– Да, да! Внученька. Ты права, – Маленький вновь погладил Вику по руке. – Только вот мы часто не понимаем, не мы боремся то, со смертью, а она с нами играет...

Они незаметно для себя вышли к их любимой беседке на берегу. Андрон Кузьмич остановился, перед тем как сесть на лавку и осмотрелся по сторонам. Он словно искал кого-то взглядом.

– Ты кого-то потерял? Ищешь кого? – подозрительно спросила Вика.

– Нет-нет,... – растерянно ответил Андрон Кузьмич, медленно садясь на скамейку.

– А, что вот смотришь по сторонам? – Вика ехидно ухмыльнулась – Ты уже может тут, с какой старушкой познакомился? А? А то смотри у меня! Казанова престарелый! Седина в бороде... а?

– Нет, нет. Просто, тут, сидела девушка одна, она пить захотела. И вот я пошел, так сказать минералки купить. Она такая молодая.

– В кожаном? – прикусив губу, ревниво спросила Виктория.

– Да,... – Маленький растеряно покосился на внучку. – А ты откуда знаешь?

– Да уж,... видела я тут эту девицу. Когда тебя искала.

– И что? Что? – Андрон с тревогой в голосе вновь осмотрелся по сторонам. – Нормальная девушка. Мы мило так беседовали.

– Дед, да нормальные девки в таких одеждах не ходят! В коже вся! Титьки на выворот! И вообще, она на сатанистку похожа! Или на одну из этих как там их Готы что ли?

– На кого? – испуганно спросил Андрон Кузьмич.

– На сатанистку! Есть такая секта, они не в Бога, а в дьявола верят! Он у них, вроде, как главный! Вот! Они кошек на могилах режут!

– А?! Ха! Ха! – неожиданно расхохотался дед.

Он заливался веселым смехом и отмахивался руками.

– Что тут смешного? – обиделась Вика, выхватив у старика из руки бутылку с минералкой, отпила прямо из горлышка.

– Нет-нет Викуся, она не сатанистка. Она очень образованная девушка. Мы с ней о вечном говорили. Приятно было. У нас тема общая нашлась!

– Хм, какая еще общая?

– Тема-то?! Да вот такая! Есть ли справедливость на свете!

– Ну, ты загнул дед! – Вика тоже рассмеялась.

Они улыбались. Им бело весело и приятно на душе. Так бывает у людей, когда что-то страшное миновало, или, когда ты ждал беды, а она не пришла в твой дом! Когда ты был уверен, что случится что-то ужасное, но не угадал!

– Знаешь дед! А у меня новость!

– Хм, что на этот раз?

– Я буду учиться на юрфаке! Я пойду, восстановлюсь! Получу диплом! Адвокатом буду!

– О-о-о! Это очень хорошо! – Андрон Кузьмич обнял внучку за плечи и поцеловал в лоб.

– И еще! Я замуж выхожу! – осторожно и тихо добавила Вика.

Дед насторожился. Он вздрогнул. Вика это почувствовала своим телом. Она посмотрела старику в глаза. Но в них, ни намек на растерянность или сомнение.

– Дед, почему ты молчишь? Ты не спросишь за кого? – ревниво и обиженно буркнула Вика.

– За кого? – равнодушным тоном спросил Андрон Кузьмич.

– За мужчину! Очень красивого и главное талантливого! Он поэт! Литератор и драматург! Он стихи пишет и пьесы! Он, он, очень талантливый! Очень!

Маленький тяжело вздохнул. Он даже не посмотрел на Вику.

– Я думаю, ты плохого не выберешь. Хотя у тебя же был как этот, ну высокий такой, рыжий?

– Олег, что ли? Фу, так я с ним еще два года назад уже рассталась! Нет! Этот человек не какой-то, там мальчик-юнец. Он солидный мужчина! Он уже знает, что такое жизнь и как ее надо под себя прогибать!

– Он, что же старше тебя?

– Хм, да. А что? При чем тут возраст? – Вика надула губки.

– И на сколько?

– На пятнадцать лет... вернее на четырнадцать и десять месяцев!

– Ему, что уже тридцать пять? – недовольно буркнул старик.

– Да, а что тут такого? Ну, вот начались предрассудки!

– Да нет, ничего. Тебе жить! – Андрон Кузьмич погладил внучку по плечу и чмокнул в щеку. – И все же, будь внучка осторожней, не пускай себе в сердце сразу! Ой, не пускай! Человека надо понять! Пустишь, поздно будет, разобьет тебе сердце!

– Дед! Дед! Ты, что? Говоришь так, как будто кто-то тебе сердце разбил? Ты же всю жизнь бабушку любил! Сам говорил!

– Любил! – пожал плечами Андрон Кузьмич. – Но жизнь, Вика, такая сложная штука.

– А я знаю, чем тебя порадовать! Тебе его имя понравится! – радостно воскликнула Вика. – У него имя коммунистическое! Тебе же нравится все коммунистическое?!

Старик рассмеялся. Он похлопал внучку по руке и довольным тоном сказал:

– Мне не все коммунистическое нравится. А порядок, который был тогда! Понимаешь внучка! Ты-то не можешь знать, как тогда все было! Проще и понятней! Вот, что мне нравится! Из прошлого! Вот, что дочка! А не коммунистическое, как ты говоришь?!

– А нам говорят, тогда, народа много расстреляли безвинного,... – буркнула Вика.

Дед погрузнел. Вика это заметила. На лицо напозла маска разочарования. Он осунулся, посмотрев вдаль, грустно спросил:

– Ну и как же, у него имя-то?

– Его? – Вика виновато покосилась на деда и тихо добавила. – Вилор... а расшифровывается как... Владимир Ленин... Октябрьская революция...

– Хм, и кто ж, его, так назвал-то?...

– Как кто, родители?!

Маленький тяжело вздохнул, сощурившись, грустно вымолвил:

– Ну и правильно назвали. Пусть. А фамилия, у него какая?! Надеюсь не Дзержинский?

– Нет! – Вика хлопнула в ладоши. – Никаких поляков, немцев и евреев в нашей семье не будет! У него настоящая русская фамилия! Щукин он!

Маленький вновь вздрогнул. На этот раз его лицо побелело. Скулы сжались. Старик внимательно посмотрел внучке в глаза. Она даже испугалась, что деду станет плохо.

– Ты, что дед?! А?! Что?!

– Нет, ничего, просто, – Маленький отвел взгляд. – Просто так, что-то сердце кольнуло...

Вика погладила Андрона Кузьмича по спине и ласково предложила:

– Может, домой пойдем? А? Пойдем?

– Да-да, конечно и все же есть справедливость. Есть!

– Ты, про что? – удивленно спросила Вика.

Она видела, дед продолжает, кого-то искать, осматриваясь по сторонам. Его руки дрожали. Таким взволнованным она его раньше не видела.

– Ты, о чем?! Дед?!

– Мне эта девушка, ну эта, в кожаном, странную фразу сказала...

– Какую еще фразу? – недовольно буркнула Виктория и потянула деда за руку. – Пойдем домой!

Но Андрон Кузьмич отмахнулся и вновь, тревожно осмотревшись по сторонам, добавил:

– Она сказала, за все в этой жизни надо платить. А я с ней не согласился. Мы поспорили.

А она мне, так, знаешь ехидно, добавила: и после нее тоже надо платить, а вдруг она мне будущее предсказала? Невольно, а?! Вика?

– Тьфу, ерунда, какая-то! Тоже мне нашел, кого слушать! Тоже мне пророк в кожаных штанах! Прорицательница хренова! Она сразу мне не понравилась эта чернявая! Выкинь ты ее из головы! Пошли!

На этот раз старик поддался, привстав со скамейки, посмотрел под ноги. Там, на полу, у самой ножки лавки, лежал в пыли маленький алый кусочек. Как капля крови осколочек ноготка светился на сероватом бетоне. Андрон Кузьмич обнял внучку за плечи и тихо спросил:

– Как ты говоришь, фамилия жениха-то, Щукин?!

– Да, да, я тебя с ним познакомлю. Скоро!

Шестая глава.

Мужчина в потертой кожаной, куртке сидел на скамейке и жмурился от солнца. Он, откинувшись на спинку, то и дело поворачивал голову, подставляя светилу по очереди: то правую, то левую щеку. Глаза он не открывал и на шум улицы вообще не реагировал. Казалось, он занят исключительно будущим загаром своего лица.

Даже когда рядом на скамейку подсел еще один человек, мужчина в кожанке не покусился в сторону соседа. Он продолжал, как ни в чем не бывало, нежиться под лучами солнца. Новоявленный сосед, зло бросил взгляд на загорающего чудака и тихо сказал:

– Здравствуй.

Но мужик в кожанке опять проигнорировал присутствие постороннего. Он тяжело вздохнул, помолчав несколько секунд, зло бросил:

– Зачем звал?

– Что не здороваешься? – сосед недовольно покосился по сторонам.

– Ну, здравствуй, если тебе легче так будет, то вот мое приветствие. Здравствуй. Давно не виделись. Несколько лет. Я уж грешным делом подумал, что больше все, не судьба нам увидаться. Не нужен я тебе. Поэтому и не поздоровался. Зачем вообще человеку здороваться с прошлым. Тем более, не очень приятным. Вернее, не очень лицеприятным. А еще точнее с противным и гнусным прошлым, за которое всегда стыдно. Так зачем звал?

Сосед тоже откинулся на спинку, расстегнув пиджак дорогого костюма, расслабил галстук. Зажмурив глаза, он тяжело вздохнул и тихо, даже как-то с неохотой пробубнил:

– Работа есть. Деликатная.

– Работа? Странно. Работа появилась, – мужик в кожанке, приоткрыл один глаз и покосился на соседа. – Интересно, кого нужно в наше-то, теперешнее время, убивать?! Все вроде кончилось уж лет пять назад. Все стали добропорядочными. Бандиты в банкиры подались, рэкетеры в предприниматели. Киллеры в сотрудники безопасности. Менты в охранники. Неужто, все «по новой»? Передел начинается? Опять друзья конкуренты? Опять враги партнеры? Странно?!

– А раньше ты таким говорливым и любознательным не был. Получал фото. Деньги и работал. За это я тебя и ценил, – сосед в пиджаке выпрямился и зло ухмыльнувшись, стукнул кулаком по сиденью скамейки. – Случилось что?

Но мужик в кожанке вновь не отреагировал. Он продолжал полулежать с закрытыми глазами:

– Много воды утекло. Много. Как говорится, все меняется в этом мире. Ничто не вечно. Так и я поменялся. Не тот я уже. Женился я. Ребенок есть. Поэтому на это встречу я шел с неохотой. С начало хотел, вообще не приходить. Но потом подумал, ведь ты не отстанешь.

Сосед разозлился. Но эмоции сдержал. Он презрительно посмотрел на мужчину в куртке, усмехаясь, спокойно сказал:

– Правильно подумал. А, что семья есть, так это хорошо. Заработал. Дочке или кто там у тебя, сыну подарков купишь. И жене. Или еще лучше съездите, куда ни будь отдохнуть. Так, что пришел не зря. Да и кто лучше тебя работу-то сможет сделать. У тебя же и гарантия и качество...

На этот раз мужик в кожанке дернулся. Он открыл глаза и словно, очнувшись ото сна, мотнул головой как конь:

– Да уж! Гарантия! Действительно. Ладно! Что нужно?! Ближе к делу давай. И не тяни.

– Работу нужно сделать как можно быстрее! – тот, что в пиджаке затянул галстук и поправил узел под рубашкой.

– Ты говори что-надо-то? – мужик в кожанке устало отмахнулся и отвернулся, словно обиделся на собеседника.

– Одного выскочку нужно убрать. На следующей, неделе. Пятьдесят тысяч.

– О! Хорошие деньги, – ядовито произнес тот, что в кожанке. – Раньше, ты никогда, такие гонорары не платил. Что важная шишка? Много охраны?

– Нет, он не шишка. Но личность известная. Вот фото, – тот, что был в пиджаке, достал снимок из внутреннего кармана и протянул его собеседнику.

Мужик в кожанке устало взглянул на фотографию. Грустно улыбнулся, сморщив брови, тихо пробубнил:

– Мне его лицо знакомо, но вспомнить не могу, кто это?

Тот, что в пиджаке, не ответил. Он, привстал со скамейки, вырвав резким движением фотографию из рук собеседника, убрал ее обратно во внутренний карман, суровым тоном добавил:

– Его нужно убрать так, чтобы об этом никто не знал. И лучше будет, если тело его не найдут. Это главное условие. Никой прессы! Никакого освещения в газетах и на телевидении! Что бы в сводках он не значился! Что бы вообще, никто не знал о его смерти! Что бы он просто пропал! Сгинул! Исчез! Вот и все! А как ты это сделаешь, мне наплевать! Хоть на рыбалку с ним съезди, хоть в тайгу его замани! Мне все равно! Его просто не должно быть!

Мужик в кожанке пожал плечами:

– Ты что нервничаешь? Я что-то тебя не узнаю? А, впрочем, это твой геморрой! Как зовут клиента? Чем занимается?

– Поэт и драматург. Вилор Щукин. Слышал о таком? – вздохнул мужчина в пиджаке.

Он устало опустился назад на скамейку. Тот, что в кожанке удивленно покосился на соседа и присвистнул:

– Ну, как же слышал! Вот тебе раз?! Поэт! Писатель?! Ну, ты даешь?! Такого еще не было. С каких это пор у нас в стране поэтов стали заказывать? Что-то не то. Он что, написал памфлет на тебя? А ты обиделся? Во-дела!

– Брось эти шуточки! Мне нужно, что бы ты его убрал. И не в памфлете дело...

– Нет. Так не пойдет. Я должен знать, за что ты его приговорил?! Иначе ничего не будет! Я теперь поменял свои условия работы, – заупряился мужик в кожанке.

– Что за ерунда?! Раньше ты никогда не интересовался этим?! Зачем тебе? Какая разница – за что? За деньги или нет?! Мешает он мне!

– Я же говорю. Времена меняются. И я тоже. Я же не отговариваю тебя. Просто я должен знать, что он такого сделал?

Тот, что был в костюме, тяжело задыхался, отвернулся и надув губы махнул рукой. Было видно, что он обиделся на собеседника. Но мужик в кожанке пожал плечами и равнодушно, с некой издевкой в голосе сказал:

– Впрочем, как хочешь. Можешь обратиться к другому. За такие деньги тебе уберут не только поэта, но и всю его семью, а также всю редакцию издательства...

Тип в костюме, вновь подскочил со скамейки, махнув рукой, зашипел в лицо собеседника:

– Ну, хорошо! Хорошо! Я скажу, если тебе после этого будет легче работать?! В общем, он спутался с Викой! С дочерью! Запудрил девчонки мозги. Та влюбилась в этого балабола без памяти. Мечтает замуж за него. В общем, совсем с ума Вика сошла. Я ей говорю надо в университет на учебу. Бизнесом своим заниматься, а она и слушать не хочет! Говорит без этого поэта никуда! В общем, он мне, как гвоздь в заднице! Прошу тебя реши мою проблему!

Мужик в кожанке насупился. Внимательно посмотрел в глаза собеседника, покачав головой, отвернулся. Он медленно достал из кармана пачку сигарет и закурил. Тот, что в пиджаке его не торопил.

Ждал.

Наконец мужик в кожанке бросил окурок на асфальт, раздавил его кончиком ботинка, затем подняв «бычок» и положил в карман.

– Привычка, извини... да! Дела. Такого я не ожидал! Вика... девочка... Какая она сейчас? Уже, наверное, совсем взрослая! – мужик в кожанке покосился на соседа. – Красавица, небось? Влюбилась, говоришь. Ну, так это хорошо! Что ты загрузился-то? Я не знаю, тебе бы радоваться надо! А ты! Поэт! Убрать! Да плюнул бы, раз дочь так хочет, дал благословение! Пусть поженились бы! Внука тебе бы родили! Жили бы счастливо! А ты! Убрать. Убрать дело не хитрое...

Собеседник не ответил. Он вновь медленно сел на скамейку и расслабив галстук, посмотрел на небо. Они так и сидели молча, словно не зная, что сказать. Словно и слова то все были сказаны, и пора уходить, а так не хочется. Но неожиданно мужчина в костюме встрепенулся, и зло посмотрев на соседа, процедил сквозь зубы:

– Я себя не узнаю сейчас! Я контроль теряю!

Мужик в кожанке пожал плечами. Собеседник метнул на него недобрый взгляд и монотонным, почти металлическим тембром в голосе, заговорил:

– И ты туда?! Твое мнение никто не спрашивает. Я тебе хорошие деньги плачу. Тебе-то какая разница?! Влюбилась?! Замуж?! Розовые слезы мне эти не к чему! На черта, мне эти сопли и слюни?! Не для того я старался вон из кожи лез, пробивался наверх?! Деньги зарабатывал? Что бы раз и моя дочь, за какого-то поэта замуж вышла! И детей от него рожать! Все насмарку?! Нет! Ни фига! В общем, мне нужно, что бы ты его убрал.

Мужчине в кожанке разговор надоел. Он откинулся на спинку и закрыл глаза. Махнув рукой, ответил с неохотой:

– Как Вика это переживет? Ты о ней-то подумал? Она ведь если, что-то заподозрит или узнает, так она тебя возненавидит. И тогда добиться ее прощения тебя будет не просто. Характер то у нее будь здоров, помесь твоего и ее матери покойной. Та, тоже кремень была. Так, что тебе еще подумать хорошенько надо.

Но слова на собеседника не подействовали. Он даже не задумался, ответил быстро и без запинки:

– Да думал я обо всем! Думал! И не один день! Понимаю я все. Поэтому и прошу тебя, все сделать так, чтобы он просто исчез. Канул. Нет его. Вроде как пропал без вести. Тем более, я ему кое-какое предложение сделал. Он вскоре в Париж уезжает. Так вот все надо сделать так, что вроде как уехал и пропал. Тогда Вика на меня не обозлится.

– Да, ты мастер интриг. Это у тебя жилка есть. Ловчее никто придумать не мог. И все же мне жаль Вику. Страдать девчонка будет. Да и поэт этот, неужели он дурак такой? Может тебе с ним поговорить?

– Да говорил я уже с ним! Говорил!

– Ну и что?

– Он вроде бы согласен отстать. Он согласен уехать в Париж. И деньги взять готов.

– Ну, так в чем дело?

– Да не верю я ему! Не верю! Это же поэт! Человек творческий, сегодня одно говорит, а завтра его другая вошь укусит! И возьмет, и поменяет решение! Вот поэтому и хочу подстраховаться! – вновь разозлился тот, чтобы в пиджаке.

– Э-э-э! Это плохо! Плохо это! Людям нужно верить! Людям нужно доверять, иначе некуда. Вот, например, мне же ты доверяешь? А почему? Потому, что веришь! Так, что зря ты. Может он человек слова? Ты же его плохо знаешь?

– Что? Людям нужно верить? Да если бы я людям верил, добился бы я всего, что сейчас имею? Нет! Если бы я людям верил, был я сейчас живой? Нет! О чем ты говоришь? Доверять! Кому? Да эти люди тебя и съедят!

– Ой! У каждого своя правда есть. И жизнь такая штука, что не дай Бог! Она ведь не предсказуема. Вот говоришь, ты добился всего, а кому нужно будет, все твое добро, если Вика возьмет и не пойдет по твоим стопам? Ну не захочет она быть такой как ты? И империя ей твоя вдруг не понадобится?

В этот момент мимо скамейки по аллее прошла длинноногая девица. Она старательно выписывала бедрами и стучала длинными каблучками по асфальту. Оба мужчины неравнодушно проводили ею взглядами. Оценивая прелести фигуры, оба тяжело вздохнули и покосились друг на друга. Тот, что в пиджаке ухмыльнулся и продолжил:

– Вот, как ты заговорил?! Ты посмотри! Прямо словно проповедь читаешь! А может быть тебе в священники податься? А? Будешь людей на путь истинный наставлять! Учить правильно, поступать! А? Исповедовать?

– Семья же у меня. Кормить надо. Поэтому отпала эта тема. Хотя я в последнее время очень часто в церковь хожу.

– Скажите, пожалуйста! Батюшка! А, что ты своей пастве бы говорил про не убий? Какая там она, пятая, шестая заповедь? А? В церковь он ходит! Может ты еще свечки за упокой души убиенных, ставишь?

Мужик в кожанке дернулся. Глаза сверкнули ненавистью. Кулаки сжаты, на скулах заиграли желваки:

– Не зарывайся! Не надо! Про Бога. Не надо! Бога не трогай. Эта тема закрыта. И это мое личное дело, ходить в церковь или нет?!

– Слушай, заткнись! Я смотрю, ты совсем в религию подался, – гневно резанул тот, что в пиджаке. – Опасным становишься. Может, ты еще, на исповеди батюшке про заказы мои говорить будешь? А? Может, мне теперь тебя бояться?

– Нет, не бойся. Это твоя тайна и я не вправе о ней никому говорить. Это твой грех. Я молчать буду. Только вот про боязнь, тебе себя самого бояться надо. Подумать и поразмыслить. А я, видит Бог, все сделал, чтобы тебя отговорить. Но видно не судьба, – тяжело вздохнул мужик в кожанке.

– Ладно! Вижу, разговор слишком далеко зашел. Мы с тобой не на телевизионном ток-шоу. Короче. Берешься?

– Я от слов своих никогда не отказывался. И никогда не отступал и никого не предавал и не кидал. Поэтому я сюда и пришел.

– Ну вот, это другое дело! Узнаю «Сережу меткого»! – довольно воскликнул тот, что в пиджаке. – Сразу бы так! А то развел тут сопли про жалость и правильность воспитания! Раз уж я решил поэта в тираж, значит, так оно и должно быть. Поверь, я не горячий какой кавказец, который впопыхах, готов кучу народа не за что, замочить, нет! Я долго думал. И решение это родилось в муках. Но ты меня знаешь, коль я решил, назад не отступлю. Вот тебе задаток! – он протянул темно-синий конверт из плотной бумаги. – О сроках мы с тобой решили. Но работать надо уже сейчас. Он очень скоро в Париж засобирается. Поэтому, скорее всего, это надо будет сделать в ближайшие дни. И еще, я не сказал, почему я пятьдесят плачу, так дорого. Потому, что тут не один заказ. Вернее, заказ на двоих. Еще одного человека надо будет убрать.

Мужик в кожанке покосился на конверт и брезгливо отпихнул руку собеседника:

– А вот это уже не по правилам! Об этом обычно говорить сразу надо! Так мы с тобой никогда не работали. И я, твой заказ не приму...

– Да погоди ты! Погоди! Я все объясню! Деньги-то хорошие это первое. И второе! Это не мне надо будет убрать второго человека. Не мне. Но так надо.

– Что значит не тебе? А кому? Ты, что темнишь?

– Кому, кому? Ему! – раздраженно ответил тот, что в пиджаке.

– Не понял?

– Ну, ему, поэту, объекту твоему.

– Что? Этот приговоренный еще и сам хочет, чтобы кого-то я убрал? – вспыхнул мужик в кожанке.

Он внимательно смотрел на собеседника и ехидно улыбался. Тот, отвел взгляд и, тоже ухмыльнувшись, тихо ответил:

– Ну, не ты конечно, не ты. А вообще. Он просил меня, что бы я нашел ему специалиста по этой проблеме. Вот ты и будешь за специалиста.

– Ничего не понимаю? Что значит будешь?

– Ну, условие он мне поставил, помимо денег и Парижа найти ему человека, который решит проблему ему неугодного человека. В общем, ему тоже убрать одного человека надо!

– Во дела! – присвистнул мужик в кожанке. – Поэт хочет заказать кого-то! Ну, мать его! Такого я еще не видел! И кого он хочет замочить? Уж не коллегу ли по перу? А может быть, издателя, какого? Который не хочет его стихи печатать? А? – рассмеялся он.

– Нет, не угадал. Он хочет убрать мужа одной бабы, в которую сам влюблен. Вот и все. Просто все как дважды два.

– Что? Убить мужика бабы, в которую влюблен?! Ну, дела! Точно поэт! Ну, прямо по Шекспиру! Драма! Нет, трагедия! А она-то знает? Она-то одобряет это? Муж-то богатый? А? Может, все это из-за денег?

– Да, что ты, ко мне пристал?! Откуда я знаю? – разозлился тот, что был в пиджаке.

Он в очередной раз встал со скамейки и, поглядев по сторонам, махнул кому-то рукой. Затем покосился на мужика в кожанке и добавил. – Он мне не сказал! Он лишь сказал, что любит бабу какую-то и все! Мол, мужик у нее сволочь, им не дает счастливо любить друг друга! А имя он мне не назвал.

– И что? Я не ясновидящий! Кто объект-то?

– Он сам тебе скажет. Так, что ты уж сам с ним пообщаешься. В общем, меня это не касается и не интересует сильно. Тем более плевать я хотел, кого этот поэт там любит, по кому сохнет. Он дочери моей мозги пудрил, а сам с другой бабой крутил шашни! А ты, вон его жалел. Так, что будь любезен. Сделай, что я прошу. И, что он просит. Я лишь оплачу его заказ. Вот такой у тебя деликатный заказ.

– Ну, дела! Да! Втягиваешь ты меня, чувствую, в авантюру, – тяжело вздохнул мужик в кожанке.

– Ладно. Еще увидимся. Мне ехать надо. Дела.

Из кустов вышли два высоких парня. Оба в черных костюмах. Они уверенно и быстро подошли к скамейке, на которой сидели собеседники. Тот, что был в дорогом пиджаке, шепнул одному из здоровяков что-то на ухо. Тот понимающе кивнул головой. Парни развернулись и ушли по аллее. Мужчина в дорогом костюме покосился на собеседника, махнув рукой, тоже отправился в след своим помощникам.

Мужик в кожанке остался сидеть в одиночестве. Он лениво рассматривал удаляющуюся фигуру своего знакомого.

***

– Дед, а ты вообще, когда ни будь, лгал? – Вилор ехидно прищурил левый глаз.

Павел Сергеевич грустно кивал головой и помешивал в кружке горячий чай, тихо побрякивая ложечкой о фарфоровую посуду. Внук был возбужден. Клюфт заметил, у Вилора покрасневшие глаза. Он, наверное, не спал ночью. Наверное, опять пил. Его запои становятся все длиннее и длиннее. Ему тридцать пять, а он после очередного загула временами ходит на пятидесятилетнего мужика.

«Это надо остановить. Это надо пресечь. Но как? Кто остановит? Он пьет отчаянно. Словно падает в яму забвения. Он временами перестал помнить, что делал вечером. Он теряет память. Ему тяжело. Ему так тяжело. Но почему? У него все есть! У него есть любимая женщина, у него есть любимая работа. Его никто не преследует! Он просто сам придумывает себе проблему! Но почему? Зачем это ему? Зачем?! Нами бы в молодости с Верой! Верочкой его проблемы! Мы бы были счастливы! Почему все так?» – мысленно мучался Павел Сергеевич.

– Нет, дед, ты уходишь от ответа. Ты лгал? А? Я тут поймал себя на мысли, что вообще ничего не знаю о твоей прошлой жизни! Просто ничего! Ты ничего не рассказываешь! Ничего!

Так. Пару фраз. Что ты сидел при Сталине. И все! А за что? И как! Рассказал бы! Ты стесняешься или не хочешь лгать? Ты лгал мне? Дед? Ответь?

Павел Сергеевич тяжело вздохнул и грустно улыбнулся. Он посмотрел на Вилора с жалостью и тихо сказал:

– Ты опять не позавтракал, как следует. Опять пойдешь в пивнушку похмеляться? А? Сел бы лучше поработал. Скоро мы с тобой будем жить лишь на мою пенсию. Ты ничего не пишешь. Гонорар от последней книги уже кончается. А от пьес твоих, что ставят в театрах, тоже доход не большой. Как жить-то будем внук?

Вилор разозлился. Он яростно затушил в пепельнице горящую сигарету. Искры от тлеющего табака разлетелись по столу.

– Знаешь дед! Ты начинаешь меня раздражать! Так нельзя! Надо жить по-другому! Ты живешь в параллельном мире! Слишком добром! Не бойся я твоих денег не трону! Прокормлюсь! И денег себе на пиво тоже найду! Кстати скоро у меня много будет! Я вообще собрался в иммиграцию! На хрен! В иммиграцию! Поеду в Париж!

Павел Сергеевич вздрогнул. Он внимательно посмотрел Вилору в глаза. То не выдержал взгляда и потупился в пол.

Клюфт тревожно спросил:

– Ты правду говоришь или просто болтаешь очередную выдумку. А?

– А если, правда? – виновато пробубнил Вилор.

– Ну, тогда ты предатель. Будешь им. Станешь.

– И кого же я предал?

– Ты, предал и меня и свою женщину. И страну нашу, – спокойно и как-то издевательски, сказал Клюфт.

Вилор еще больше распалился:

– Ха! Женщину! Лидию? Так она со мной поедет! А если не поедет, сама виновата! А страну нашу... так пусть она горит ярким пламенем. И народец ее горит! Злой и завистливый! Народ, который сам не хочет хорошо жить!

– Ну, это я уже слышал! – отмахнулся Клюфт.

Он разозлился на внука. Павел Сергеевич встал и, собрав со стола грязную посуду, положил ее в раковину. Включил воду и принялся мыть тарелки. Вилор молчал. Остыл и успокоился. Вспышка гнева прошла. Быстро и бесследно. Он смотрел на спину деда и виновато вздыхал. Ему стало стыдно. Он понял, обидел ни за что по сути дела единственного родного человека, который хочет ему лишь добра! Обидел, потому что сам обижен на всех! А это мерзко и низко.

– Ты Вилор прежде чем принять решение сначала все взвесь. А потом. Говоришь, уедешь, значит, бросишь меня тут одного умирать. Мне уже восемьдесят четыре. Я прошу тебя, ужу умру, похоронишь меня рядом с бабушкой и матерью и тогда можешь ехать, куда тебе угодно!

– Прости дед! – Вилор извинился искренне.

Фраза получилась не банально-дежурной, а именно искренней. Клюфт это почувствовал. Он повернулся и посмотрел на внука. У того на глазах блеснули слезы. Павел Сергеевич выключил воду, так и не домыв тарелки и чашки, сел за стол. Вилор покосился на его мокрые руки.

– Пойми внук. Я тебя люблю. У меня никого больше нет. Как и у тебя. Береги эту любовь. Береги. Это очень дорогая любовь. Поверь мне старику.

– Я верю тебе дед! – Вилор протянул ладонь и погладил старика по мокрой руке. Капельки воды остались на кончике пальцев. – Расскажи мне, как ты там мучался?! В лагере. Расскажи, что это такое страдать ни за что? Расскажи мне, как тебя арестовали! – грустно спросил Щукин.

Клюфт, вздрогнул. Он не ожидал такого вопроса, поэтому ответил не сразу. Помолчав, старик тяжело вздохнул и вымолвил:

– Зачем тебе это? Это было так давно? Что кажется, было в другой жизни!

– Мне надо! Мне надо! Я хочу написать пьесу! Такую, что бы дух захватило! Такую, что бы люди поняли, что такое подлость и предательство! На современном материале вряд ли напишешь! А вот на твоём! Это находка!

Клюфт покачал головой. Ему стало страшно. Как будто сейчас он вернулся на шестьдесят лет назад. Он вздрогнул и закрыл глаза.

С трудом выдал из себя:

– Я, наверное, не смогу. Слишком давно было.

– Да, но это не забывается. Это слишком глобально для человека, чтобы забыть. Я не верю, что ты не помнишь. Кстати, кем ты тогда работал? Тогда в тридцать седьмом? Ты работал в газете? Ты был журналистом?

Клюфта словно ошпарили кипятком. Лицо запылало. Он вскочил и, уронив табуретку, гневно посмотрел на Вилора. Тот испугался рывка деда. Опешив от неожиданности, он даже пригнулся. Щукин подумал, что Павел Сергеевич сейчас запустит ему в голову всем, что попадется под руку. Но Клюфт стоял как монумент, неподвижно. Он лишь тяжело дышал.

Вилор сглотнул слюну и испуганно спросил:

– Что я такого сделал?

– Кто рассказал тебе это? Кто?

– Что рассказал? – не понял Щукин.

– Про газету? Ты рылся в архивах? Ты ходил в библиотеку и смотрел подписку? Ты смотрел? Ты искал? Что ты нашел? Что? Я должен знать!

– В каких архивах? Про какую газету? – недоумевал Щукин.

Клюфт немного успокоился. Ему стало лучше. Подняв кружку, он глотнул уже остывший чай. Медленно поднял поваленную табуретку и сел на нее. Посмотрел на все еще испуганного внука и грустно ухмыльнувшись, попытался улыбнуться:

– Извини, я подумал, что тебе кто-то, что-то наговорил.

– Нет, мне никто ничего не говорил. Просто приходил один мужик. Он к тебе. Тебя спросил. Я его пустил. Мы с ним тут поболтали. Он странный, какой-то. Он мне и сказал, мол, что ты журналистом раньше работал. Вот, я и решил, что ты в газете подрабатывал в молодости. Ведь телевидения и радио тогда в Красноярске не было. Вот и все. Я тебя и спросил. А ты вон! Как с ума сошел.

Клюфт опять насторожился. Он стал суровым. Покраснел и испуганно посмотрел на внука:

– Какой еще мужик? Когда?

– Да дня два назад заходил. Он такой лет сорок. Обычный мужик. Рожа нормальная. Только вот одежда какая-то странная, как у рыбака.

– Он был в плаще? В грязно-зеленом длинном плаще? – испуганно перебил Вилора Клюфт.

– Да...

– Он назвал свое имя?

– Да... – Щукин подозрительно посмотрел на деда.

Старик расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и ловил ртом воздух. Вилору показалось, что дед вот-вот рухнет в обморок.

– Он назвался, значит, он пришел. Значит он тут. Значит, жди беды, – бормотал Клюфт.

Ничего не понимающий Вилор молча ждал, когда Павел Сергеевич придет в себя. Тот допил холодный чай и покосился на внука. Он спросил, вернее, приказал ему ответить:

– Ты должен был запомнить его имя! Его имя! Как его зовут?

– Да, но я не запомнил, он назвал какую-то странную не то фамилию. Не то имя. Толи Иболь, толи Оволь. Он сказал, что он богослов. В общем, нес какой-то бред. Я так понял он из секты какой или мошенник, какой. У тебя денег хочет срубить.

Клюфт рассмеялся. Он смеялся почти беззвучно, лишь дрожали его скулы. Рот растянулся в немой улыбке, оголив ровные вставные зубы.

– Дед! Ты что? Что это за тип? Что ему от тебя нужно? – Вилор был не на шутку испуган.

– Нет-нет. Все нормально. Все нормально. Он не из секты. Он не из секты. Ему не нужны мои деньги.

Шукин нервно закурил. Получилось не с первого раза. Зажигалка дрожала в руках. Огонек плясал странный танец. Клюфт покосился на руки внука.

«У него уже трясутся пальцы. Он болен. Он болен. Мой мальчик болен. Нужно, что-то делать. Господи, что-то нужно делать. Помоги мне! Он вернулся. Помоги мне!» – горестно подумал Павел Сергеевич.

– Дед, я боюсь. За тебя. Что случилось? Что? Кто это человек? Что за реакция?

– Ничего. Тебе не надо его бояться. Он пришел ко мне. Я ему нужен. Он пришел, чтобы, что-то сказать, – отрешено и тихо ответил Клюфт.

– Что сказать? Что?! – не унимался Вилор.

– Он пришел мне сказать и напомнить. О прошлом. Он что-то хочет.

– О каком прошлом? Что ты говоришь? Кто это такой? Как его зовут?

– Его зовут Иоиль! Запомни это имя! Запомни! И я прошу, никогда с ним не разговаривай! Никогда! И не пускай его больше в нашу квартиру! Не пускай! Прошу тебя! Прошу! Нет, даже приказываю! Это человек из прошлого. Прости Вилор, прости, но мне нужно побыть сейчас одному. Прости. Я хочу полежать. Мне что-то не хорошо! – Павел Сергеевич встал из-за стола и направился в свою комнату.

Он шел тяжелой походкой. Вилор с тревогой смотрел, как дед удаляется по коридору.

– Может скорую вызвать? А? – крикнул он ему вдогонку. – Или за лекарством, каким, в аптеку сходить? А? Дед? Не молчи!

Клюфт остановился у своей комнаты, посмотрев на силуэт внука, спокойно и ровно ответил:

– Нет, ничего не надо. Мне нужна тишина и покой. Просто тишина и покой. На пару часов. Извини.

Старик потянул ручку двери. Скрип и он исчез внутри комнаты. Вилор остался один. Он покосился на початую бутылку водки, но наливать себе спиртного не стал. Помотав головой, поплелся в ванную комнату. Долго плескался умываясь. Чистил зубы, временами прикрывая воду и прислушиваясь, не зовет ли его дед. Но в квартире висела угнетающая тишина.

Клюфт, лежал на широкой кровати, закрыв глаза. Он разбросал в сторону руки и сдвинул ноги. Получился человеческий крест. Сколько прошло времени, он не знал. Он даже не понял, спит или нет. Он попытался пошевелиться, но ему не хотелось. Сознание вновь обволакивало воспоминание. Воспоминание. Мучительно нудное воспоминание.

Как прошла его долгая жизнь? Как? Она прошла бездарно, или все-таки она была полезна? Полезна!

«Она была полезна, но кому? Кому нужна такая жизнь? Жизнь, которую нужно стесняться? Жизнь, которую нужно скрывать? Что у меня было в жизни? Что? Что такое, за что теперь вот не стыдно? За что теперь вот гордость испытываю?» – с горечью подумал Клюфт.

Перед глазами пронеслись, какие-то картинки. Память выбрасывала их в сознание, словно цветной многосерийный художественный фильм.

Тогда после побега в тридцать восьмом. Тогда, он умер тогда? Он перестал быть Павлом Клюфтом? Тогда в суровой сибирской тайге? Фельдман! Фельдман! Кто он стал для него? Человеком, который его спас или человеком, толкнувшим его на предательство перед самим

собой! Да он – Клюфт выжил. Да он прошел по этой суровой жизни до самых седин! Но какой ценой? Он потерял там, в сибирской тайге, в том истребительном лагере НКВД под поселком Орешное самого себя! Он потерял там самого любимого человека – Верочку Щукину! Он потерял там свою еще не родившуюся дочь Лизу – мать Вилора! Там в Манском районе он потерял свое счастливое будущее!

Но так ли это? Был ли у него другой шанс? Что бы изменилось, если бы он не предал себя и не пошел с Фельдманом? Если бы он попросту погиб? Там в общей мерзлой яме! Кто бы знал, как он погиб? И где его могила? Кто бы мог это узнать? Верочка? Лиза? Вилор? Они бы даже не знали о его судьбе!

Так было ли предательство? Самого себя?

Стоп! Но кто ему помог? Кто вывел его из той мертвой февральской тайги? Кто? Фельдман? Нет!

Клюфт вновь и вновь вспоминал их побег! Их десятисуточный путь по этой заснеженному лесу! По этому океану холода и голода! Чудо! Лишь чудо их спасло! Их не искали энкавдэшники, тогда в суматохе видимо никто даже не мог понять, а кого искать! Каких беглецов? Под какими фамилиями? Скорее всего, начальство лагеря и лесозаготовок попросту списало бежавших как умерших от голода или расстрелянных! Кто сейчас знает! Скорее всего, начальство попросту испугалось! Ведь за побег двух врагов народа и самим можно было пойти под трибунал и оказаться в бараке в качестве ЗК! Два погибших солдата? Какая ерунда, их наверняка сделали героями, приписав им мужественный поступок пресечения попытки побега! Причем массового!

А потом? Что было потом? Они заходили в маленькие таежные деревушки, попадавшие им по пути, представлялись геологами! Люди им верили! Люди в Сибири очень добрые и доверчивые! Там в сибирской глубинке они далеки от верховной власти и людской толпы! Там в глубинке они чище душой и сердцем! Они не озлоблены и наивны!

Фельдман! Это он знаток человеческих душ! Этот мастер убеждения! Как ему удавалось, уговаривать местных жителей, Клюфт не знал. Но Фельдман сотворил чудо! Им давали еду и пускали на ночлег! Они выжили! Более того, они выжили и стали другими людьми!

Фельдман оказался и человеком слова! Все, о чем он говорил, вернее, о чем обещал Павлу тогда в том холодном и прокуренном вагоне, когда они ехали по этапу – выполнил.

Правда вместо Одессы была Ялта. Павлу Сергеевичу Клюфту предстояло стать жителем этого южного города! Но другого выхода не было! В Ялте у Фельдмана оказались обширные связи в рядах городского руководства и управления НКВД. Им выдали паспорта! Им выдали и другие документы! Причем Фельдман настоял, что бы им выдали паспорта на их настоящие фамилии! Это было дерзко, но оправдано! Ведь Фельдман и Клюфт – Клифт погибли под Красноярском! Их списали в архив! Да и кто бы стал в то суровое время, в ту неразбериху кого-то искать на другом конце огромной и несчастной страны?

Так Павел Сергеевич Клюфт родился заново. Павел Сергеевич Клюфт житель Ялты вновь стал полноправным гражданином самой великой и могучей родины на свете страны под названием СССР!

Потом был симферопольский институт, который Павел Клюфт не успел закончить по специальности экономиста – началась война. Но попасть на фронт Клюфту не довелось. Его, третьекурсника, в приказном порядке приписали работать в Москву в наркомат нархоза. Он вынужден был четыре года копать в бумагах, отправляя в тыл сотни и тысячи эшелонов с оборудованием с эвакуированных заводов. Назад приходилось оформлять миллионы тонн грузов для фронта. Эта бумажная работа угнетала. Павел не раз писал рапорта с просьбой отправить его на фронт, но, увы, все они шли в корзину. В народном комиссариате, где он работал, начальство кадрами не разбрасывалось, ведь так точно и скрупулезно оформлять, и выбивать нужные грузы, как Павел, в его отделе не умел никто. Так Клюфт стал опытным

экономистом-снабженцем. После войны он вернулся в Ялту, доучился в институте и поступил работать на ялтинский рыбзавод. Но это все была лишь нехитрая биография.

А душа! Как же душа?! Ключфт, страдал! Все эти годы он мучался, порой плакал по ночам в подушку! Он страдал и понимал, что бессилен. Вернуться в Красноярск он не мог! Вернуться в Красноярск было бы самоубийством!

Павел ночами представлял лицо своей любимой Верочки, представлял образ своего ребенка, даже не зная, кто у него родился сын или дочь. Но это было не так важно! Главное он был он просто должен быть – его ребенок! Павел представлял себе его милое личико и... и дрожал! И панически боялся, что реальность могла оказаться страшной! Ведь Павел понимал, что они его любимые и дорогие люди, могли тоже попасть в страшную мельницу сталинских лагерей!

Решиться на поездку в родной Красноярск он не мог даже после смерти Сталина и ареста Берии. Даже тогда, он все еще боялся.

Боялся!

Он боялся и ненавидел за это себя. Он ненавидел за это окружающих его людей, он ненавидел за это весь мир!

Женщины, а как же женщины?

Да, они были в его жизни. Да он был близок с несколькими дамами. Но все они не смогли войти в его судьбу надолго. Павел пытался полюбить, но не мог. Самая отчаянная попытка была во время войны в Москве. Он встретил в столице красавицу, умную и самостоятельную Надежду Петровну Егорову! Она была начальником у него в отделе! Она была старше его на десять лет! Вдова (ее муж погиб в сорок первом под Киевом) которая полюбила Павла, полюбила его всем сердцем и хотела ему лишь одного, счастья! Но он, он так и не смог ответить взаимностью. Даже в самые жаркие от ласк ночи он непроизвольно шептал имя Веры! Он не мог забыть Верочку Щукину! С надеждой Егоровой они расстались в сорок шестом.

После войны в Ялте он несколько лет жил с еще одной женщиной. Ира Петренко, наивная и немного растерянная блондинка, ровесница Павла была словно ребенок. Она тоже потеряла мужа. Он погиб на фронте в сорок третьем. Ира привязалась к Павлу всей душой и сердцем. Она так хотела стать его женой. Но... Павел не мог! Не мог себе позволить этого! Он не мог пустить ее к себе в сердце! Он верил, верил, настанет день, когда он встретит Верочку Щукину! Встретит и все будет и у них хорошо...

И это день пришел. Этот день настал. Летом пятьдесят девятого он все-таки решился на поездку! Он взял билет и сев на поезд, поехал в Сибирь. Родной Красноярск он не узнал! Это был совсем другой город – большой и суматошный. Но самое главное в нем жили совсем другие люди!

Павел, с тревогой и трепетом попытался навести справки о Вере Щукиной в привокзальной «горсправке». И о чудо! Молоденькая девчонка в будке заверила его, что Вера Петровна Щукина тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения проживает, причем нигде ни будь, а на одной из центральных улиц города в престижном доме.

Сначала Павел засомневался, но все же других вариантов не было и он, рискнул...

В старом массивном здании еще царской постройки он нашел нужную квартиру. Когда позвонил в дверь, чуть не лишился сознания, такое было напряжение. Долгое время никто не открывал, а потом дверь распахнула молодая девушка как две капли воды похожая на его любимую Верочку Щукину.

Это была его девятнадцатилетняя дочь Наталья!

Павел ожидал всяких раскладов, но такого он даже не мог себе представить. Оказалось, его любимая Вера Щукина работает вторым секретарем в крайкоме партии. Причем работает там уже не один год! Живет вместе с дочерью! Живет и, тоже веря в чудо, ждет своего любимого Павла Ключфта....

Судьба Верочки оказалась не менее чудесной удивительной! Она рассказала Павлу, как ее приютил, никто ни будь, а офицер НКВД и следователь, который вел дело Павла – Андрон Маленький. Он помог ей выжить в то нелегкое время перед войной, когда у нее на руках появилась маленькая Наташа – дочь Павла! Более того! Андрон помог оформить документы на ребенка так, что в разделе отец стоял неизвестный солдат, который погиб во время военного конфликта с Японией на озере Хасан. Вот так Наталья лишилась своего настоящего отца, но спаслась от спец детдома для детей врагов народа.

А потом, потом Вера неожиданно для себя сделала партийную карьеру. Потом она стала ... партийной функционеркой, сначала инструктором горкома партии, а затем ее позвали и в крайком. Павел слушал свою любимую и не мог поверить – она, Верочка Щукина, так ненавидевшая эту власть, сама стала частью этой власти!

Павел всего это так и не смог понять! Но это было лишь мелочью по сравнению с той радостью, он нашел своих самых родных людей! Павел Клюфт был счастлив! Был! Был! Он переехал из Ялты в Красноярск и поселился в доме у Веры! Он боялся, что дочь Наташа его не примет, но и тут все оказалось гораздо проще и лучше! Наташа искренне привязалась к Павлу Сергеевичу! Привязалась и полюбила его! Так они прожили в любви и радости почти три года, но в начале шестидесятых вновь начались мрачные и скорбные времена.

Беда пришла неожиданно, словно буря в пустыне, словно метель в тундре, словно тропический дождь на берега Амазонки. Первым он потерял Наташу. Дочь, ушла неожиданно. Это было удар! Наташа поступила в политехнический институт. В группе познакомилась со своим любимым. Андрей Борзов был ее одноклассником. Парень воспитывался в интеллигентской красноярской семье и искренне любил Наташу. Но как часто бывает у молодых, они, не успев пожениться, родили ребенка – краснощекого карапузика, которому сам дед и дал имя, решив лишить мальчика возможности политической неблагонадежности. Павел назвал его Вилором! Ну, кто же будут преследовать человека с революционным именем вождя пролетариата, ведь Вилор складывалось из начальных букв – Владимир Ильич Ленин Октябрьская Революция?!

Но никто не мог предположить, что уже через год Вилор останется сиротой. Летом шестидесят третьего, в канун официальной свадьбы Натальи и Андрея случилось страшное. Будущие молодожены и родители годовалого Вилора погибли во время прогулки по местному заповеднику «Столбы». Залезли на скалу под красивым названием «Перья» и оба сорвались вниз. Очевидцы рассказывали они так и летели, держась за руки.

Павел и Вера произвольно стали родителями маленького Вилора. Но беда не приходит одна. Через пять лет Клюфт потерял и свою любимую. Вера Петровна Щукина скончалась скоропостижно. Эта смерть была настолько нелепой, что Павел в нее долго не мог поверить. Щукина во время одной из командировок по северу края заболела воспалением легких. Потом была пневмония и стремительный отек легкого. Верочка умерла через сутки пребывания в крайкомовской больнице. Павел не верил в это полгода. Он вновь остался один. И его от смерти, от тоски и одиночества, спас шестилетний Вилор, которого, не смотря на трагедию, нужно было воспитывать. Вот так и остались они жить одни в большой квартире внук и дед.

Клюфт, вспоминал все это лежа на кровати. Вспоминал и тихо плакал. Слезы катились, по его морщинистым щекам оставляя влажные дорожки в старческих бороздках.

«Эти люди! Эти люди! Фельдман и Маленький. Кто они? Как они поступили с моей судьбой? Виновны ли они в том, что все так произошло? Кто виноват, что жизнь моя получилась такой? Фельдман и Маленький! Господи их уже нет!»

Павел вспомнил, как умирал Фельдман. В сорок третьем он встретил его в Москве, прямо на улице Горького. Борис Николаевич был не в себе. Он брел по главной улице Москвы с опустошенным взглядом. Это был дряхлый разбитый старик, который искал, как показалось Павлу одного, своей смерти. Как оказалось, Клюфт навел справки. Фельдман был инструктором в наркомате пищевой промышленности. Но в сорок втором врачи обнаружили у него рак

желудка. Оперировать себя он не дал, так и умер в сорок третьем в мучениях, тоске и одиночестве.

Клюфт долгое время пытался навести справки и о еще одном ненавистном ему человеке, молодом следователе красноярского управления НКВД – Андроне Маленьком. Кто был этот тип? Почему он помог Вере и за что он так поступил со своим ровесником тогда, в далеком тридцать седьмом. Павла долгое время мучила одна и та же мысль, вернее идея – найти и отомстить этому человеку. Как, он не знал? Но найти его хотел, с какой-то маниакальной настойчивостью.

Но, увы! Навести справки в НКВД, а затем в КГБ, о сотруднике этого секретного ведомства просто невозможно рядовому гражданину СССР. Три попытки Клюфта розыска Маленького вызвали у представителей госбезопасности лишь раздражение. Павла пару раз вызвали в кабинеты серого дома на проспекте Маркса в Красноярске, (там находилось управление местного УКГБ) каких-то странных людей в штатском и давали настойчиво понять, что ворошить прошлое не желательно. И если гражданин Клюфт продолжит свой поиск – то последуют ответные меры. Что это за меры Клюфт не знал. Но испугался! Он вдруг представил, что его и Фельдмана побег из истребительного лагеря поселка Орешное может открыться. А вместе с побегом может открыться и убийство двух конвоиров. Может вскрыться и вся эта история с путаницей его имени и дела Клюфта – Клифта. А это ничего хорошего не сулило. И Клюфт отступил. Он понял, что никогда уже не сможет найти своего мучителя Андрона Маленького.

Но сейчас Павла волновало совсем другое. Этот загадочный визит человека из прошлого. Этот гость из прошедшей жизни. Этот человек-фантом, богослов Иоиль! Неужели он вернулся. Неужели он вновь появился в его жизни, чтобы принести беду! Тогда в тридцать седьмом он стал предвестником трагедии! Он стал черной меткой в судьбе! И вот опять! И вот он появился. Появился! Он есть! Он существует, если его видел и говорил с ним внук Вилор! Значит, он не был видением или сном! И это пугало Павла! Он боялся! Он ощущал ужас!

«Господи! А я ведь совсем забыл о нем! Господи! Неужели ты мне вновь послал этого человека! Зачем? Зачем? Он не нужен мне! Его речи! Они разрушали мое сознание! Тогда шестьдесят лет назад! Он сломал меня! Морально! Он заставил меня стать другим! Господи! Ты вновь даешь мне новое испытание!» – мучительно рассуждал Павел.

Он вдруг вспомнил, что давно не ходил в церковь. Он вдруг понял, что ему обязательно нужно сходить к священнику! Обязательно поставить свечку у алтаря!

«Когда, когда это началось? Я стал забывать о нем! Я вычеркнул его из своей памяти после тех страшных десяти дней после побега! Но он вновь, вновь пришел!»

Павел понимал, что пытается специально заставить себя ненавидеть Иоиля. Он пытается вселить в своем сердце жестокость и отвращение к этому человеку-фантому.

«Но зачем? Почему! Ведь он говорил очень правильные вещи, которые меня раздражали!»

Павел вдруг поймал себя на мысли, что они неизбежно встретятся с Иоилем. И это неотвратимо, и это произойдет, как бы он Павел Клюфт этого не хотел.

Седьмая глава.

Очередной будний день в редакции красноярской газеты под оригинальным и простым названием «Сегодня» начался, как всегда. Суматоха в кабинетах, курилке и коридорах. Человеческая биомасса, называемая журналистами, репортерами, редакторами, корректорами и техническими работниками, гудела, двигалась и «всасывала» в себя информацию для очередного будничного выпуска, чтобы затем выплеснуть ее на бумагу типографской краской, разнося листы по городам и весям Красноярского края.

Газета «Сегодня» была одной из самых популярных в регионе, негосударственных изданий. Комментарии и интервью на ее полосах читали самые высокие чиновники и влиятельные люди не только Красноярска, но и соседних областей и республик. А попасть в статью в качестве героя означало автоматически стать известным. Правда популярность могла быть и со знаком «минус» если герой публикации был представлен автором статьи или заметки в отрицательном виде.

Главный редактор газеты «Сегодня» Артем Григорьевич Сидоров, высокий стройный мужчина, с темной шевелюрой, гладковыбритыми щеками и подбородком, карими усталыми глазами и ухоженными отполированными ногтями, медленно шел по коридору. Попадавшие навстречу подчиненные услужливо кивали головами, стараясь показать шефу, «я сегодня пришел без опозданий». Сидоров дружелюбно улыбался в ответ, мимолетно оценивая взглядом внешний вид своих сотрудников. Особенно тщетно он смотрел на молоденьких стройных корреспонденток и редакторш, которые, как правило, были одеты в короткие юбки. Негласное внутреннее правило газеты «Сегодня» гласило: «чем короче у тебя юбка и стройней ноги, тем быстрее тебя заметит «главный» и повысит в должности»

Артем Сидоров был человек практичный и умный. С мягким характером, он в тоже время, умел «добиться своего» убеждениями и лаской. Говорил Сидоров нежно и певуче. Его слова вызывали у собеседника лишь положительные эмоции. Артем умел делать так, что нужный ему человек, попадая в его сети обаяния, сдавался и становился либо союзником, либо его поклонником и другом.

В тоже время Сидоров был талантливый журналист и организатор. Он сумел выстроить информационную и идеологическую политику своего издания так, что газеты бала уважаема властями и почитаема простыми читателями.

Одной из последних находок стала колонка литературного критика. Оказалось, что население города и края соскучилось за время перестройки и бандитского беспредела начала девяностых о духовных ценностях и анализе творчества. Вести колонку под названием «Критика всерьез и сразу» он пригласил известного в городе литератора и литературного обозревателя Валериана Скрябина. Сидорову нравилось, как Скрябин буквально размазывал в своих статьях местных авторов поэм и повестей. Ему импонировало, как Валериан глумился над постановками провинциальных режиссеров театров и «пускал под откос» музыкальных зазнаек с их попытками писать сонаты и увертюры. Это, по мнению Сидорова, добавляла эдакую «перчинку» в его газету, поскольку «Сегодня» могла считать себя тем изданием, слово которого становится судьбоносным для творческих личностей. И это приносило свои плоды. Местные литераторы и театралы в попытке понравиться Скрябину порой устраивали настоящие словесные дуэли, почти переходящие в ругань, на полосах газеты. А, именно это Сидорову и надо было. Именно это и влияло на рост популярности и постоянно растущий тираж, который вплотную подскочил до цифры в пятьдесят тысяч. Что для региональной российской газеты конца двадцатого века было уникальным достижением.

Но сегодня Сидоров ждал с опаской очередной резкой статьи от Скрябина. Он знал, эту статью со страхом и в тоже время надеждой ждут в управлении культуры администрации края. Через – чур резкая критика его литературного обозревателя может не понравиться самому губернатору, который лично пригласил столичного режиссера поставить спектакль по пьесе местного драматурга в краевом драмтеатре.

Тем более что накануне в одном из выпусков Скрябин перегнул палку с критикой местного поэта и литератора Щукина. Артем нутром почувствовал фальшь и злобу в тексте Скрябина, тем более что Сидоров как журналист профессионал, не любил неоправданную ангажированность и лживую критику талантливого человека.

Артем зашел в кабинет редакции культуры, улыбнувшись, громко поздоровался. На его приветствие откликнулись все присутствующие в помещении, кроме одного человека. И им

был никто иной, а Валериан Скрябин. Он так увлекся набором своего теста на компьютере, что просто не заметил главного редактора. Сидоров подошел к столу, за которым сидел критик и, ласково хлопнув, Валериана по спине, задорно спросил:

– Здравствуй Валериан. Вижу, все трудишься. Не покладая рук, так сказать.

Скрябин ответил не сразу. Он, набив еще пару слов на клавиатуре, рассеянно посмотрел в сторону главного редактора и отрешенным тоном буркнул:

– Да, стараюсь Артем Егорович. Вот новую статейку в свежий номер. Почти готова уж. –

Скрябин машинально попытался встать со стула.

Но Сидоров ему надавил на плечо рукой:

– Да, ты сиди, сиди Валериан. Что вскочил как солдат. Тебе же вон работать надо. Сиди. Я так поинтересоваться.

– Конечно, конечно, я рад рассказать. Рад поделиться. Ну-ну. Работай. Кстати, я, что хотел сказать, вернее спросить. Про, что статья-то, вот будет? А?

– Мне бы хотелось продолжить тему поэзии, – довольно заявил Скрябин.

Сидоров улыбнулся, тяжело вздохнул и тихо ответил:

– Знаешь, что Валериан. В прошлой статье ты разгромил Вилора Щукина. У тебя, конечно, это хорошо получилось, но ты не перегнул ли планку? Я что-то вот весь в сомнениях. По-моему, переперчил ты больно брат.

Скрябин вскочил. Он изменился в лице и затряс щеками. Казалось, что у него вот-вот выступит пена на губах. Валериан замахал руками и громко запричитал:

– Да, вы что Артем Григорьевич?! Вы, что действительно так считаете?! Этот Щукин он же выскочка! Гением себя возомнил! Он что пишет, вы только почитайте! Нет, Артем Григорьевич, вы не правы! Позвольте с вами не согласиться!

Но тут произошло, то, чего никто из сотрудников газеты не ожидал. Сидоров разозлился. Такое могли видеть не многие его подчиненные. Обычно вежливый и сдержанный главный редактор, вдруг стал хмурым. Он раздраженно махнул рукой и, отвернувшись от Скрябина, сказал сурово, словно в пустоту.

– Да брось ты Валериан! Брось! Не надо мне вот этого! Я статьи твои печатаю, потому, как, все-таки читают их литераторы. Да и читатели заглядывают, но вот сильно-то свирепствовать не надо! Не надо! Ты начинаешь терять чувство меры! Да и Щукина, я тоже знаю лично. Ты же помнишь, мы вместе с ним учились в университете, только он был на три курса моложе! Нормальный он поэт! Конечно, есть не удачные вещи, но что бы вот так, все творчество Щукина было дерьмом! Нет, позволь с тобой не согласиться.

Теперь обиделся уже Валериан. Он как маленький ребенок надул губы и заканычил, раздувая щеки. Еще секунда и он заплачет:

– А у меня все-таки другое мнение. Другое. И я от него не отступлюсь. Нет! Я считаю Щукина выскочкой и проходимцем! Вот и все! Выскочкой и проходимцем!

Они так бы и спорили дальше и неизвестно, во что бы вылилось это препирательство, но окончательно поругаться им помешал громкий стук, вернее удар. Это хлопнула дверь в кабинете. Задрожали стекла. Сидоров, Скрябин и еще две молоденькие корреспондентки с удивлением уставились на середину помещения. Там стояла девушка и не просто девушка, а эффектная высокая стройная сексапильная блондинка с наглым и пронизывающим взглядом! Она была одета в белые обтягивающие джинсы. Большую упругую грудь едва скрывала блузка с глубоким вырезом. На ногах босоножки на высоком каблуке. Девушка стояла и коварно улыбаясь, рассматривала главного редактора с ног до головы. В помещение повисла тишина.

Наконец блондинка встрепенулась и спросила мурлыкающим голосом:

– Простите кто из вас главный редактор?

– Я. А в чем дело девушка, чем могу служить? – самодовольно ответил Сидоров.

– Мне нужно с вами поговорить, блондинка сверкнула ровными идеальными зубами.

Но всем показалось, это была не улыбка, а оскал тигрицы, готовой к прыжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.